

Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XVIII
Ч. II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

В

Т

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевики)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. XVIII

ПРОЛЕТАРИАТ У ВЛАСТИ

Часть II

1922—1923 г.г.

36 — 75 тыс.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

1922 год

Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов.

(Заседание 6 марта 1922 года.)

Товарищи, позвольте мне несколько нарушить ваш обычный порядок и коснуться сегодня не тех тем, которые стоят в порядке дня вашего заседания и вашего съезда, для того, чтобы поделиться своими выводами и соображениями по вопросу о главных задачах политики. У нас уже неоднократно было принято обращаться к тем, кто, не являясь официальным представителем тех или иных государственных учреждений, фактически несет на себе громадную долю государственной работы. И вы все знаете, что настоящая деловая работа в большинстве наших государственных учреждений ведется теми или иными представителями рабочего класса и в том числе, конечно, в одном из первых рядов — металлистами.

Вот почему я думаю, что в данном случае отнюдь не будет неуместно нарушить ваш обычный порядок занятий и говорить не столько о профессиональных и партийных вопросах, сколько о вопросах политических, о нашем международном и внутреннем положении. Ибо есть, по моему убеждению, нечто такое и в нашем международном, и в нашем внутреннем положении, что походит на некоторый перелом в политике и что требует со стороны всякого партийного человека и, разумеется, со стороны всякого сознательного рабочего особенного внимания для того, чтобы этот перелом в политике вполне понять, правильно усвоить и в свою работу — и советскую, и партийную, и профессиональную, и всякую иную — претворить.

Вы, конечно, все знаете, товарищи, что во главе вопросов международной политики у нас продолжает стоять Генуя ¹⁾. Я не очень твердо уверен, что она продолжает стоять прочно. Когда мы говорим «Генуя», то предполагаем давно известную нам конференцию, назначенную в Италии, в Генуе, почти совсем подготовленную, а в настоящее время, к сожалению, находящуюся в таком неопределенном состоянии,

что никто не знает (я очень опасаясь, что сами инициаторы и устроители Генуи не знают), имеет ли она много шансов состояться, или этих шансов она почти не имеет. Во всяком случае, мы должны сказать себе и всем тем, кто имеет какой-нибудь интерес к судьбам рабоче-крестьянской республики, что наша позиция в этом отношении, т.-е. в вопросе о конференции в Генуе, с самого начала была совершенно твердой и такой же твердой осталась. И не наша вина, если не только твердости, но даже и самой элементарной решительности, самой элементарной способности выполнять свои же намерения не хватает у кого-то другого. Мы с самого начала заявляли, что Геную приветствуем и на нее идем, мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, что идем на нее, как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами (пока они еще не совсем развалились) безусловно необходима, и что мы идем туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли,— и только. Это, конечно, нисколько не секрет для тех капиталистических государств, правительства которых составляли первый плаи генуэзской конференции и двигали ее в ход. Эти государства превосходно знают, что ряд торговых договоров, связывающих нас с различными капиталистическими странами, становится все длиннее. Число практических торговых сделок растет. Число детальнейшим образом обсуждаемых торговых предприятий, — совместно русских и иностранных, в самых разнообразных комбинациях, различных иностранных государств и в различных отраслях нашей промышленности, — в настоящее время громадно. Поэтому практическая основа того, о чем в Генуе, главным образом, будет идти речь, капиталистическим государствам великолепно известна. И если в дополнение к этой основе является надстройкой куча всяких политических разговоров, предположений, проектов, то надо понимать, что это только надстройка, очень часто искусственно построенная, выдуманная и осуществляемая теми, кто в этом заинтересован.

Более чем за 4 года существования Советской власти мы, разумеется, достаточно приобрели практического опыта (помимо того, что мы об этом достаточно знали и теоретически), чтобы уметь оценивать надлежащим образом эту дипломатическую игру, которую развернули по всем правилам устарелого буржуазного дипломатического искусства господа представители буржуазных государств. Мы прекрасно понимаем, что лежит в основе этой игры; мы знаем, что суть ее составляет торговля. Буржуазным странам надо торговать с Россией. Они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений развал у них будет идти дальше, как он шел до сих пор; несмотря на все их

великолепнейшие победы, несмотря на все то бесконечное хвостовство, которым они наполняют газеты и телеграммы всего мира, экономика их все же расплывается, и с самой простой задачей—не то, чтобы новенькое строить, а чтобы старое лишь восстановить — они вот уже четвертый год, после их величайших побед, справиться не могут и все еще вертятся вокруг того, как бы втроем, вчетвером, впятером собраться (число, как видите, необыкновенно большое, страшно затрудняющее возможность соглашения) и составить такую комбинацию, чтобы можно было торговать. Я понимаю, что коммунистам, чтобы научиться торговать, действительно надо время, и что всякий, кто хочет этому научиться, сначала несколько лет будет делать грубейшие ошибки, и история ему простит, потому что это дело для него новое. Тут нужно и мозги сделать более гибкими, и скинуть всякую коммунистическую или вернее, русскую, обломовщину и многое другое. Но чтобы представителям буржуазных государств приходилось заново учиться делу торговли, которую они ведут сотни лет, и на которой построен весь их общественный быт, — это странно. Для нас, впрочем, это не так странно: мы давно говорили и знали, что они империалистическую войну оценили менее правильно, чем мы. Через три года после их гигантских побед они не могут найти выхода из положения. Мы, коммунисты, говорили, что мы войну оцениваем глубже и правильнее, что противоречия и бедствия ее действует неизмеримо шире, чем предполагают капиталистические государства. И, глядя со стороны на буржуазные страны-победительницы, мы говорили: «Помянут они наши предсказания и нашу оценку войны и ее последствий еще не раз». Нас не удивляет то обстоятельство, что они запутались, пожалуй, меньше, чем в четырех соснах. Но в то же время мы говорим: для нас необходима торговля с капиталистическими государствами, пока они существуют, как таковые. На переговоры с ними мы идем, как торговцы, а что мы можем это осуществить, это доказывается числом торговых договоров с капиталистическими державами, которое растет, доказывается числом сделок. Мы не можем их опубликовать, пока они не заключены. Когда к нам является торговец-капиталист и говорит: «Пока мы не дошли до конца переговоров, это должно остаться между нами», — конечно, с торговой точки зрения, в этом отказать нельзя. Но мы-то знаем, сколько договоров находится в подготовке — один список их занимает несколько страниц; в числе их находятся десятки обсужденных конкретно практических предложений с солидными финансовыми группами. Конечно, господа представители буржуазных держав, собирающиеся в Генуе, знают это не хуже нас: насчет чего много, а связь этих правительств с их капиталистическими фирмами.

копечно, осталась. Даже у них все еще не настолько велика расхлябанность, чтобы они этого не знали.

И поэтому, если мы в телеграммах из-за границы встречаем постоянные известия о том, как будто они не представляют себе точно, что будет происходить в Генуе, как будто они выдумывают что-то новое, как будто они мир хотят удивить тем, что предъявят России новые условия, то позвольте им сказать (я надеюсь, что мне удастся лично это сказать Ллойд-Джорджу в Генуе): вы этим никого не удивите, господа. Вы — люди торговые и торгуете прекрасно. Мы торговле еще только учимся и торгуем очень плохо. Но у нас есть десятки и сотни договоров и проектов договоров, из которых видно, как мы торгуем, какие и на каких условиях сделки заключаем или будем заключать. А если мы встречаем в газетах всякие известия, рассчитанные на то, чтобы кое-кого запугать, о том, что нам навяжут какое-то испытание, то мы довольно спокойно улыбаемся. Угроз мы видели достаточно и притом более серьезных, чем угрозы торговца, который собирается хлопнуть дверью, предлагая свою самую что ни на есть последнюю цену. Мы видели угрозы пушками со стороны союзных держав, в руках которых находится почти весь мир. Угроз этих мы не испугались. Об этом, господа европейские дипломаты, пожалуйста, не забывайте. Мы вовсе не гонимся за тем, чтобы поддержать свой собственный дипломатический престиж, свое реноме, как это чрезвычайно важно для буржуазных государств. Мы официально даже вовсе говорить об этом не будем. Но мы этого не забыли. У нас ни один рабочий, ни один крестьянин не забыл, забыть не может и никогда не забудет, что он воевал, отстаивая рабоче-крестьянскую власть против союза всех, самых могущественных держав, которые поддерживали интервенцию. У нас есть целая коллекция договоров, которые эти государства в течение ряда лет заключали с Колчаками и Деникиными. Они опубликованы, мы их знаем, весь мир знает их. Зачем же играть в прятки и изображать дело так, как будто мы все стали Иванами-Непомнящими? Каждый крестьянин и каждый рабочий знает, что он воевал с этими державами, и что они его не победили. И если вам угодно, господа представители буржуазных государств, забавляться и тратить вашу бумагу (у вас ее очень много, больше, чем нужно), ваши чернила, обременять ваши провода и ваши радио-станции на то, чтобы оповещать весь мир: «Мы Россию поставим в положение испытываемой», то мы еще посмотрим кто-кого... Мы уже испытывались и испытывались не словами, не торговлей, не рублем, а дубьем. И мы уже заслужили тяжелыми, кровавыми и мучительными ранами то, что про нас не мы сами, а противники должны сказать: «За битого двух небитых дают».

Мы заслужили это в области военной. Вот по части торговой; жаль, что мало нас, коммунистов, бьют, но я надеюсь, что в ближайшем будущем этот недостаток будет восполнен и с таким же успехом.

Я сказал, что рассчитываю лично поговорить с Ллойд-Джорджем в Генуе на эти темы и сказать ему, что пугать нас пустячками не следует, ибо от этого только потеряют престиж те, кто пугает ²⁾. Я надеюсь, что этому не помешает моя болезнь, которая несколько месяцев не дает мне возможности непосредственно участвовать в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен. Я имею основание рассчитывать, что через несколько недель я смогу вернуться к своей непосредственной работе. Сумеют ли они через несколько недель сговориться втроем или вчетвером, о чем они уже весь мир оповестили, — в этом я не уверен. Я даже решаюсь утверждать, что никто в мире в этом не уверен, и даже больше, что они сами этого не знают, потому что, когда победившие державы, имеющие в своих руках власть над всем миром, собрались в Каннах ³⁾ после того как они уже много раз собирались, — число их конференций бесконечно, и европейская буржуазная пресса даже сама смеется над этим, — они все же не смогли сказать как следует, чего они хотят.

Правильнее всего поэтому, с точки зрения практических задач, а не с точки зрения дипломатической чехарды, определил положение т. Троцкий. На другой день после известия о том, что Генуя совсем налажена, совсем сговорена, что насчет Генуи полное согласие, но что только неустойчивость одного из буржуазных правительств (они стали как-то подозрительно неустойчивы) вынудила временную отсрочку, он опубликовал приказ: «Пусть каждый красноармеец усвоит себе международное положение; мы знаем твердо, что у них есть устойчивая группа, которая желает попробовать интервенцию; мы будем на-чеку, и пусть каждый красноармеец знает, что такое дипломатическая игра и что такое сила оружия, которая до сих пор решала все классовые конфликты».

Пусть каждый красноармеец знает, что такое эта игра, что такое сила оружия, и тогда мы посмотрим. Как ни развалился капитализм во всех капиталистических странах, по эту штуку попробовать могут многие не влиятельные партии. А если правительства неустойчивы настолько, что не могут созвать собрания во-время, то кто знает, в чьих руках окажутся эти правительства. Мы знаем, что у них есть влиятельные партии и влиятельные лица, желающие войны, и экономические воротилы, мы это прекрасно знаем. И о настоящей сути, которая лежит в основе экономических договоров, мы осведомлены достаточно. Мы тяжелого вынесли необыкновенно много и знаем, какие

бедствия и мучения новая попытка войны может причинить нам, и мы говорим, что мы это еще раз вынесем, попробуйте только это попробовать. Вывод, который сделал тов. Троцкий, опубликовав вместо соображений дипломатической чехарды свой твердый призыв, состоит в том, чтобы каждому красноармейцу разъяснили международное положение заново, что отсрочка генуэзской конференции по случаю неустойчивости итальянского кабинета, — это есть опасность войны. Мы добьемся, что у нас каждый красноармеец это будет знать. Нам тем легче этого добиться, что редко можно найти такую семью, такого красноармейца в России, которые этого не знали бы и не только из газет, циркуляров или приказов, а из своей деревни, где он видел калек, видел семьи, которые эту войну выдержали, где он видит неурожай, мучительный голод и разорение, дьявольскую нужду и знает, чем они вызваны, хотя он не читает парижских изданий меньшевиков и эс-эров, объясняющих это злокачественными свойствами большевиков. У него едва ли есть теперь более прочное настроение во всем его существе, чем настроение отпора (скажу хоть так), — отпора тем, кто навязал нам и поддержал против нас войну Колчака и Деникина. На этот счет нам не нужно создавать новых комиссий агитации и пропаганды. По вопросу о генуэзской конференции нужно строго отличать суть дела от тех газетных уток, которые буржуазия пускает; ей они кажутся страшными бомбами, но нас они не пугают, так как мы их много видели, и они не всегда заслуживают, чтобы на них отвечать даже улыбкой. Всякие попытки навязать нам условия, как побежденным, есть пустой вздор, на который не стоит отвечать. Мы, как купцы, завязывали отношения и знаем, что ты должен нам, и что мы тебе, и какая может быть твоя законная и даже повышенная прибыль. Мы видим много предложений, число договоров у нас растет и будет расти, как бы фигуры трех-четырех держав-победительниц ни складывались, этой отсрочкой конференции вы потеряете, потому что вы своим собственным людям докажете, что вы сами не знаете, чего хотите, и что вы больны так называемой болезнью воли. Эта болезнь заключается в непонимании той экономики и политики, которую мы оцепили глубже вас. Скоро десять лет пройдет, как мы оценили это, а вся эта последующая разруха и развал все еще не ясны для буржуазных государств.

Мы уже видим ясно то положение которое у нас создалось, и можем сказать с полной твердостью, что отступление, которое мы начали, мы уже можем приостановить и приостанавливаем. Мы совершенно ясно видим и не скрываем, что новая экономическая политика есть отступление, мы зашли дальше, чем могли удержать, но такова уже логика борьбы. Если кто помнит, что было в октябре 1917 года,

или если кто тогда был политически незрелым и ознакомился потом с положением, которое было в 1917 г., то он знает, какую массу компромиссных предложений делали тогда большевики по отношению к буржуазии. Они говорили: «Господа, у вас дело разваливается, а мы у власти будем и ее удержим. Не угодно ли вам обдумать, как бы вам, выражаясь по-мужицки, без скандала это уладить». Мы знаем, что были не только скандалы, но и попытки восстаний, которые поднимали и поддерживали меньшевики и эс-эры. Они говорили раньше: «Мы хоть сейчас отдадим власть Советам». На-днях мне пришлось прочесть статью Керенского ⁴⁾ против Чернова в парижском журнале (там этого добра очень много); Керенский говорит: «Разве мы держались за власть? Я еще во время Демократического Сопещения заявлял, что если окажутся лица, которые возьмут на себя образование однородного правительства, то власть будет передана новому правительству без всяких потрясений».

Мы не отказывались взять власть одни. Мы заявляли это еще в июне 1917 года ⁵⁾. В октябре 1917 года на съезде советов это осуществили. Съезд советов получил большевистское большинство ⁶⁾. Тогда Керенский обратился к юнкерам, поехал к Краснову, хотел собрать армию и идти на Петроград. Мы их немножко помяли, а теперь они в обиде и говорят: «Какие обидчики, захватчики, какие палачи». Мы отвечаем: «Пеняйте на себя, друзья! Не думайте, что русские крестьяне и рабочие забыли ваши действия. Вы вызвали нас на борьбу в самой отчаянной форме в октябре, в ответ на это мы выдвинули террор и тройной террор, а если еще потребуется, если вы нас вынудите, выдвинем еще». Ни один рабочий, ни один крестьянин не сомневается в том, что террор против врагов трудящихся необходим. Кроме интеллигентских кликуш, никто в этом не сомневается.

В условиях неслыханных экономических трудностей нам пришлось проделать войну с неприятелем, превышающим наши силы в 100 раз; понятно, что пришлось при этом идти далеко в области экстренных коммунистических мер, дальше, чем нужно: нас к этому заставляли. Наши противники думали, что они быстро покончат с нами, они думали не на словах, а на деле заставить нас подчиниться. Они говорили: «Ни на какие уступки не пойдём». Мы ответили: «Если вы думаете, что мы на крайние коммунистические меры не решимся, то ошибаетесь». И мы решились, мы это сделали, и мы победили. Сейчас мы говорим, что этих позиций нам не удержать, мы отступаем, потому что у нас достаточно завоевано, чтобы удержать за собой нужные позиции. Вся белогвардейщина во главе с меньшевиками и эс-эрами ликует и говорит: «Ага! вы отступаете!..». — Ликуйте, этим

вы ублажаете себя, — говорим мы. Нам это выгодно, если наш неприятель, вместо деловой работы, занимается самоублажением. Торжествуйте, вы ставите нас в еще более выгодное положение тем, что иллюзиями ублажаете себя. Мы завоевали громадные позиции, и, если бы, начиная с 1917 по 1921 год, мы не завоевали себе этих позиций, у нас не было бы пространства для отступления — и в смысле географии, и в смысле экономическом и политическом. Мы сохраняем власть в союзе с крестьянами, а если вы не хотите соглашаться на условия, которые вам предлагались до войны, то после войны получите худшие условия. Это точно запечатлено в истории дипломатической, экономической и политической с 1917 по 1921 год, и это не хвастовство. Это простое констатирование, простое напоминание. Если бы господа капиталисты в октябре 1917 г. приняли наши предложения, они имели бы в пять раз больше, чем сейчас. Вы воевали 3 года. Что получили? Еще хотите воевать? Мы хорошо знаем, что желают воевать среди вас далеко не все. Мы знаем, с другой стороны, что при отчаянном голоде при том состоянии промышленности, какое есть, всех позиций, полученных с 1917 по 1921 год, нам не удержать. Мы целый ряд их сдали. Но мы можем теперь сказать, что это отступление в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено. Мы свои силы и силы капиталистов взвесили. Мы целый ряд примерных разведочных движений в смысле заключения договоров с капиталистами русскими и иностранными имеем и говорим, и я надеюсь и уверен, что и съезд партии скажет это официально от имени руководящей партии России: «Наше экономическое отступление мы теперь можем остановить. Достаточно. Дальше назад мы не пойдем, а займемся тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы». Когда я говорю, что мы свое экономическое отступление приостанавливаем, это не значит, чтобы я сколько-нибудь забыл те дьявольские трудности, в которых мы находимся, и чтобы я хотел вас на этот счет успокоить и утешить. Вопрос о границах отступления и о том, приостанавливаем мы его или нет, — это вопрос не о том, какие трудности перед нами лежат. Мы знаем, какие трудности стоят перед нами. Мы знаем, что такое голод в крестьянской стране, как Россия. Мы знаем, что поправить бедствия, вызванные голодом, нам еще не удалось. Мы знаем, что значит финансовый кризис в стране, которая вынуждена торговать, и в которой выпущено такое обилие бумажных денег, какого свет не видал. Мы знаем эти трудности, мы знаем, что они громадны. Я не боюсь сказать, что они необъятны. Нас это несколько не пугает. Напротив, мы почерпаем свою силу из того, что говорим открыто рабочим и крестьянам: «Вот какие трудности перед вами лежат, вот какая опасность нам угрожает сто-

роны западных держав. Давайте работать и смотреть трезво на наши задачи». Если мы останавливаем наше отступление, то это не значит, что мы не знаем этих опасностей. Мы на них смотрим прямо. Мы говорим: «Вот, где главная опасность; бедствия, вызванные голодом, надо залечить. Мы их еще не залечили. Мы еще отнюдь не преодолели финансового кризиса». Слова о приостановке отступления не надо понимать в том смысле, что фундамент новой экономики нами уже создан, и что мы можем идти спокойно. Нет! Фундамент еще не создан. Спокойно смотреть на будущее мы еще не можем. Опасностями мы окружены и военными, о которых я говорил достаточно, и еще большими опасностями внутри, где существуют опасности экономические, состоящие в страшном разорении крестьянства, в голоде, в финансовом неустройстве. Они чрезвычайно велики. От нас требуется громадное напряжение сил. Но если нам навяжут войну, мы воевать сумеем. Но повести войну им тоже не так легко. В 1918 г. им было легко начать войну и продолжать ее в 1919 г. Но до 1922 г. утекло много и воды, и крови. Западные рабочие и крестьяне совсем не те, что были в 1919 г. И надуть их, говоря им, что мы воюем против немцев, а большевики — так себе, посланцы немцев, и больше ничего, — нельзя.

В связи с новым положением, когда Генуя показывает колебания, которым, кажется, не предвидится и конца, и когда мы в своей внутренней политике сделали столько уступок, — мы должны сказать: «Довольно, больше никаких уступок!». Если господа капиталисты думают, что можно еще тянуть и чем дальше, тем будет больше уступок, повторяю, им нужно сказать: «Довольно, завтра вы не получите ничего!». Если история Советской власти и ее побед их ничему не научила, тогда — как им угодно. Мы со своей стороны все сделали и мы заявили об этом перед всем миром. Я надеюсь, что съезд также подтвердит, что дальше мы не отступаем. Отступление кончилось, а в связи с этим и изменяется наша работа.

Нужно отметить, что у нас до сих пор замечается большая нервность, почти болезненность при обсуждении этого вопроса; составляются всяческие планы, и выносятся всякие решения. По этому поводу мне хочется привести следующее. Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского ⁷⁾ на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам этого поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совер-

шенно правильно. Мы, действительно, находимся в положении людей — и надо сказать, что положение это очень глупое, — которые все заседают, составляют комиссии, составляют планы — до бесконечности. Был такой тип русской жизни — Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени, Россия пределала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел. На этот счет мы должны смотреть на свое положение без всяких иллюзий. Мы не подражали никому из тех, кто слово «революция» пишет с большой буквы, как это делают эс-эры. Но мы можем повторить слова Маркса, что во время революции делается не меньше глупостей, а и иногда и больше. Нужно смотреть на эти глупости трезво и безбоязненно — этому мы, революционеры, должны научиться. Мы сделали в эту революцию так много неотлагаемого, что уже окончательно победили. Об этом знает весь мир, и нам смущаться и нервничать ни в каком случае не надо. Сейчас положение такое, что мы, опираясь на произведенную разведку, делаем проверку того, что нами сделано. Эта проверка имеет очень важное значение, от нее мы должны направляться дальше. И когда нам предстоит выдержать борьбу с капиталистами, нам нужно решительно проводить наш новый путь. Нам нужно построить всю нашу организацию так, чтобы во главе коммерческих предприятий у нас не оказались люди, не имеющие опыта в этой области. У нас сплошь и рядом во главе учреждения ставится коммунист — человек заведомо добросовестный, испытанный в борьбе за коммунизм, человек, прошедший тюрьму, но такой, который торговать не умеет, и по этому случаю он поставлен во главе гостреста. И вот он имеет все неоспоримые достоинства, как коммунист, а купец-то его все-таки вздует — и отлично сделает. Ибо напрасно самых достойных, великолепнейших коммунистов, в преданности которых ни один человек, кроме сумасшедшего, не усомнится, посадили туда, куда надо ставить расторопного, добросовестно относящегося к делу приказчика, который гораздо лучше справится со своей работой, чем самый преданный коммунист. Вот здесь-то и сказывается наша обломовщина. Мы на практическую торговую работу насадили коммунистов со всеми их прекрасными качествами, но для этой работы совершенно непригодных. Сколько у нас коммунистов сидит в государственных учреждениях? У нас имеются громадные материалы, солидные груды, кото-

рые бы привели в восторг самого пунктуального ученого немца; у нас имеются горы бумаги и нужно 50 лет работы Истпарта⁸⁾, умноженных на 50, чтобы во всем этом разобраться, а практически в гостресте вы ничего не добьетесь и не узнаете, кто за что отвечает. Практическое исполнение декретов, которых у нас больше, чем достаточно, и которые мы печем с той торопливостью, которую изобразил Маяковский, не находит себе проверки. Исполняются ли у нас постановления коммунистических ответственных работников? Умеют ли они это дело поставить? Нет, этого нет, и вот почему изменяется и гвоздь нашей внутренней политики. Что такое наши заседания и комиссии? Это очень частая игра. После того, как мы начали чистку партии и сказали себе: «Шкурников, примазавшихся к партии, воров — долой», стало у нас лучше. Сотню тысяч, примерно, мы выкинули, и это прекрасно, но это только начало. На съезде партии мы этот вопрос обсудим как следует. И тогда, я думаю, те десятки тысяч, которые теперь устраивают только комиссии и никакой практической работы не ведут и не умеют вести, подвергнутся той же участи. Вот когда мы таким образом почистимся, наша партия будет заниматься фактической работой и будет понимать ее так же, как она понимала это в области военной. Конечно, эта работа не только нескольких месяцев, но и не одного года. Мы должны отличаться твердокаменностью в этом вопросе. Мы не боимся сказать, что характер нашей работы изменился. Самый худший у нас внутренний враг—это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту и который, пользуясь всеобщим уважением, как человек добросовестный, не научился бороться с волокитой, не умеет бороться с ней, ее прикрывает. От этого врага мы должны очиститься и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся. Против этого врага и против этой обломовщины вся беспартийная рабоче-крестьянская масса пойдет поголовно за передовым отрядом коммунистической партии. На этот счет никаких колебаний быть не может.

Заканчивая свою речь, я подведу краткий итог. Игра в Геную, игра в чехарду, которая около нее происходит, ни мало нас не заставит колебаться. Теперь уже нас не поймают. Мы идем к купцам и будем идти на сделки, продолжая свою политику уступок, но границы их уже определены. То, что мы до сих пор дали купцам в наших договорах, мы сделали в смысле шага назад в нашем законодательстве, — и дальше мы не пойдем.

В связи с этим изменяются наши главные задачи во внутренней, особенно экономической политике. Нам нужны не новые декреты, не новые учреждения, не новые способы борьбы. Нам нужна проверка.

пригодности людей, проверка фактического исполнения. Следующая чистка пойдет на коммунистов, мнящих себя администраторами. Про-Бирайтесь лучше в область пропагандистской и агитаторской и всякой иной полезной работы — все те, кто все эти комиссии, совещания и разговоры ведут, а простого дела не делают. Сочиняют что-нибудь особенное и мудрое и оправдываются тем, что новая экономическая политика, и надо что-нибудь выдумать новое. А то дело, которое им поручено, не делается. Не заботятся о том, чтобы сберечь копейку, которая им дана, и не стараются превратить ее в 2 копейки, а составляют планы на миллиарды и даже триллионы советские. Вот против этого зла мы поведем нашу борьбу. Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики. Это дело не нескольких месяцев, не одного года, а дело нескольких лет. Мы официально должны сказать от имени партии, в чем теперь гвоздь работы, и соответственно перестроить ряды. Тогда мы в этой новой области окажемся такими же победителями, какими до сих пор оказывались во всех областях работы, за которые большевистская пролетарская власть, поддержанная крестьянской массой, принималась.

*«Правда» № 54,
8 марта 1922 г.*

Предисловие к книге И. И. Степанова

«Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства».

От всей души рекомендую настоящую работу тов. Степанова *) вниманию всех коммунистов.

Автору удалось дать замечательно удачное изложение труднейших и важнейших вопросов. Автор прекрасно сделал, что решил писать книгу не для интеллигентов (как у нас принято писать книги, подражая худшим манерам буржуазных писателей), а для трудящихся, для настоящей массы народа, для рядовых рабочих и крестьян. В приложении автор поместил указатель литературы как для тех, кому трудно было бы без пояснений понять некоторые места в изложении тов. Степанова, так и для тех, кто хочет знать главнейшие труды русской и иностранной литературы по данному вопросу вообще. Особо отметить надо начало VI главы, где автор дает прекрасное изложение значения новой экономической политики, а затем превосходно опровергает ходячий «легонький» скептицизм насчет электрификации; скептицизм этот прикрывает обычно отсутствие серьезного размышле-

ния о предмете (если этот скептицизм не является, что тоже иногда бывает, прикрытием вражды белогвардейцев, эс-эров и меньшевиков ко всякому советскому строительству вообще).

Чего нам больше всего не хватает для настоящей (а не чиновнически-бездельной) работы по народному просвещению, — это именно вот таких «пособий для школ» (для всех, обязательно всех школ вообще), как настоящее. Если бы все наши литераторы-марксисты, вместо того чтобы тратить свои силы на всем надоевшую газетную и журнальную политическую трескотню, засели за такие же пособия или учебники по всем без изъятия общественным вопросам, тогда мы не переживали бы такого позора, что почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом, в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее — развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу.

Восьмой съезд Советов ¹⁰⁾ постановил, что преподавание плана электрификации обязательно во всех — во всех без изъятия — учебных заведениях РСФСР. Это постановление осталось, как и многие другие, на бумаге вследствие нашей (нас, большевиков) некультурности. Теперь, с появлением в свет настоящего «Пособия для школ» тов. Степанова, надо добиться — и мы добьемся — того, чтобы в каждой уездной библиотеке (а затем и в каждой волостной) было по несколько экземпляров этого «Пособия»; чтобы при каждой электрической станции в России (а их свыше 800) не только была эта книга, но и устраивались обязательно общественные народные чтения об электричестве, и об электрификации РСФСР и о технике вообще; чтобы каждый народный учитель в каждой школе прочел и усвоил это «Пособие» (для помощи в этом деле должен быть в каждом уезде устроен кружок или группа инженеров и преподавателей физики), и не только прочел, понял и усвоил сам, но умел бы пересказывать это просто и понятно ученикам школы и крестьянской молодежи вообще.

Добиться этого будет стоить немалого труда. Мы — нищие люди и некультурные люди. Не беда. Было бы сознание того, что надо учиться. Была бы охота учиться. Было бы ясное понимание того, что рабочему и крестьянину ученье нужно теперь не для принесения «пользы» и прибыли помещикам и капиталистам, а чтобы улучшить свою жизнь.

А это все у нас есть. И поэтому учиться мы будем и научимся.

*«Правда» № 64,
21 марта 1922 г.*

XI СЪЕЗД РКП.

(27 марта—2 апреля 1922г.)

*Одиннадцатый Съезд
Российской Коммунистической Партии
(большевиков).*

*Стенографический отчет.
Издание ЦК РКП 1922 г.*

Доклад о деятельности ЦК РКП.

[Заседание 27 марта 1922 г. ¹¹).]

Позвольте мне политический доклад ЦК начать не с начала года, а с его конца. Сейчас наиболее злободневным вопросом политики является Генуя. В общем вы его все знаете, потому что печать уделила этому вопросу много места, на мой взгляд, даже непомерно много, в ущерб действительным, практическим и насущным нуждам нашего строительства, хозяйственного в особенности. В Европе, понятно, во всех буржуазных странах, очень любят забивать головы всякой трескотней насчет Генуи. А мы на этот раз (хотя и не только на этот раз) им подражаем и подражаем очень сильно.

Должен сказать, что нами в ЦК были приняты меры, чтобы создать делегацию из лучших наших дипломатов. А у нас теперь советских дипломатов порядочное количество, не так, как в начале существования Советской республики. Детальные директивы нашим дипломатам в Геную мы выработали в ЦК, выработывали очень спешно, несколько раз обсуждали и переобсуждали заново. И само собой разумеется, что тут вопрос стоит, я бы не сказал, военный, потому что это слово вызовет перетолкование, но, во всяком случае, вопрос — о состязании. В буржуазном лагере имеется чрезвычайно сильное и гораздо более могущественное течение, чем другие течения, клонящиеся к тому, чтобы сорвать генуэзскую конференцию ¹²). Имеются течения, которые во что бы то ни стало хотят ее отстоять. Эти течения сейчас взяли верх. Имеется, наконец, в лагере всех буржуазных стран течение, которое можно бы назвать пацифистским, к которому надо причислить и весь второй и двухполовинный Интернационалы. Это — тот лагерь буржуазии, который пытается отстоять ряд пацифистских предложений. Мы, как коммунисты, имеем насчет этого пацифизма определенные взгляды, излагать которые здесь совершенно излишне. Понятно, что в Геную мы идем не как коммунисты, а как купцы. Нам надо торговать и им надо торговать. Нам хочется,

чтобы мы торговали в нашу выгоду, а им хочется, чтобы было в их выгоду. Как развернется борьба, это будет зависеть, хотя и в небольшой степени, от искусства наших дипломатов. Понятно, что когда мы едем в Геную как купцы, нам не безразлично, имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики. Плох был бы тот купец, который не сумел бы усвоить это отличие и, приспособив к этому свою тактику, добиться практических целей.

Мы идем в Геную с практической целью — расширить торговлю и создать условия, при которых бы она наиболее успешно и широко развивалась. Но мы отнюдь не ручаемся за успех конференции. За это ручаться было бы смешно и нелепо. Я должен сказать, что при самой трезвой и осторожной оценке возможностей, которые Генуя сейчас представляет, все-таки, думаю, не будет преувеличенным сказать, что этой своей цели мы добьемся.

Через Геную, если наши тамошние собеседники будут достаточно сообразительны и не слишком упрямы, мимо Генуи, — если им вздумается упрячиться. Но цели своей мы достигнем!

Ведь самые неотложные, насущные, практические и резко обнаружившиеся за последние годы интересы всех капиталистических держав требуют развития, упорядочения и расширения торговли с Россией. А раз такого рода интересы есть, то можно поспорить, можно повздорить, можно разойтись в разных комбинациях — весьма даже правдоподобно, что придется разойтись, — а все же, в конце концов, эта основная хозяйственная необходимость сама себе проложит дорогу. И я думаю, что мы можем быть на этот счет спокойны. Я не ручаюсь за срок, не ручаюсь за удачу, но именно на данном собрании можно довольно уверенно сказать, что развитие правильных торговых сношений между Советской республикой и всем остальным капиталистическим миром неизбежно пойдет дальше. Какие при этом возможны перерывы, об этом я дальше в докладе упомяну, но думаю, что по вопросу о Генуе можно будет этим ограничиться.

Само собой понятно, что товарищи, которые пожелают ознакомиться с вопросом детальнее и не удовлетворятся тем списком членов делегации, который опубликован в газетах, сумеют выбрать комиссию или секцию и ознакомиться со всеми материалами ЦК, с перепиской, с директивами. Детали, разумеется, нами намечались условно, потому что до сих пор точно неизвестно, кто в этой самой Генуе сядет за стол, и какие при этом условия, или предварительные условия, или оговорки

будут изложены. Разбирать всех их здесь было бы в высшей степени нецелесообразно, я думаю, даже практически невозможно. Повторяю, съезд, через секцию или комиссию, имеет полную возможность собрать по этому вопросу все документы как опубликованные, так и имеющиеся в ЦК.

Я ограничусь сказанным, так как уверен, что не в этом вопросе большие наши трудности. Это не то, на что вся партия должна обратить свое самое главное внимание. Европейская буржуазная пресса раздувает и преувеличивает искусственно и умышленно значение этой конференции, обманывая трудящиеся массы (так делает всегда $\frac{9}{10}$ всей буржуазной прессы во всех этих свободных демократических странах и республиках). Мы немножко поддались этой прессе. Как всегда, наши газеты еще поддаются старым буржуазным обычаям, не хотят переходить на новые социалистические рельсы, и мы подняли шумиху больше, чем предмет этого заслуживает. По сути дела для коммунистов, особенно переживших такие серьезные годы, какие мы переживали, начиная с 1917-го, выдавших комбинации политики такие серьезные, какие мы с тех пор видали, Генуя не представляет из себя трудностей. Я не помню, чтобы по этому вопросу не только в составе ЦК, но и в составе нашей партии поднимались какие-нибудь разногласия или споры. Это естественно, ибо здесь нет ничего спорного с точки зрения коммунистов, — даже имея в виду разные оттенки среди них. Мы едем в Геную, повторяю, как купцы, чтобы добиться выгоднейших форм для развития торговли, которая началась, которая идет и которая, даже если бы удалось кой-кому насильственно ее перервать на то или иное время, все-таки в дальнейшем неминуемо будет развиваться.

Ограничиваясь поэтому вот этими краткими указаниями о Генуе, я перейду к тому, что, на мой взгляд, является главным вопросом политики за истекший год и главным вопросом политики на будущий год. Мне кажется, или, по крайней мере, такова моя привычка, что в политическом докладе ЦК нам надо вести речь не просто о том, что было за отчетный год, но о том, какие за отчетный год получились политические уроки — основные и коренные. Надо свою политику на ближайший год определить верно, чтобы кое-чему за год научиться. Речь идет, конечно, о новой экономической политике. Весь отчетный год прошел под знаком новой экономической политики. Если какое-нибудь крупное серьезное и неотъемлемое завоевание мы за этот год сделали — это еще не так для меня несомненно, — то только в том, чтобы научиться чему-нибудь из начал новой экономической политики. Мы за этот год в области новой экономической политики научились чрезвычайно

многому. А проверка того, научились ли мы действительно и насколько, будет уже дана, вероятно, последующими событиями, очень мало зависящими от нашей воли. Мне кажется, главное, что надо иметь в виду, по вопросу о нашей экономической политике, как основу для всех рассуждений и для учета опыта за год и для приобретения практических уроков на грядущий год, — это следующие три пункта:

Во-первых, прежде всего важна нам новая экономическая политика, как проверка того, что мы действительно достигаем смычки с крестьянской экономикой. В предшествующую эпоху развития нашей революции, когда все внимание и все силы, главным образом, были устремлены или почти поглощены задачей отпора от нашествия, мы об этой смычке не могли как следует подумать, — нам было не до нее. Ею до известной степени можно было и должно было пренебречь, когда стояла абсолютно неотложная и нависшая задача отпора от опасности быть немедленно задушенными гигантскими силами мирового империализма.

Поворот к новой экономической политике был решен на прошлом съезде ¹³⁾ с чрезвычайным единодушием, с ббольшим даже единодушием, чем решались другие вопросы.

Единодушие это показало, что абсолютно назрела необходимость нового подхода к социалистической экономике. Люди, по многим вопросам расходившиеся, с различных точек зрения оценивающие положение, единодушно и очень быстро пришли без всяких колебаний к тому, что у нас подхода настоящего к социалистической экономике, построению ее фундамента — нет, и есть единственный способ найти этот подход — это новая экономическая политика. Нам пришлось, в силу развития событий военных и политических, в силу развития капитализма в старом культурном западе и развития общественных и политических условий в колониях, — нам пришлось первым пробить брешь в старом буржуазном мире и в тот момент, когда наша страна принадлежала экономически, если не к самой отсталой, то к одной из самых отсталых. Огромное большинство крестьянства нашей страны ведет мелкое индивидуальное хозяйство. Постройка того, что мы могли бы сразу осуществить из намеченной нами программы коммунистической общественности, шла до известной степени в сторонке от того, что делалось в широчайшей крестьянской массе, па которую мы возлагали очень тяжелые повинности, оправдывая их тем, что война никаких колебаний в этом отношении не допускает. Это оправдание, если взять его во всем объеме, было принято крестьянством. Крестьянская масса в общем увидела и поняла, что эти огромные тяжести, которые на них возлагались, были необходимы, чтобы отстоять рабоче-

крестьянскую власть от помещиков, чтобы не быть задушенными капиталистическим нашествием, которое грозило отобрать все завоевания революции. Но смычки между экономикой, которая строилась в национализированных, социализированных фабриках, заводах, совхозах, и экономикой крестьянской не было.

Это ясно мы увидели на прошлом съезде партии. Это мы видели так ясно, что в партии не было никаких колебаний по вопросу о том, что новая экономическая политика неизбежна. Забавно читать в печати разных русских партий за границей, что левые коммунисты ¹⁴⁾ до сих пор еще против новой экономической политики. Они, вспомнив в 1921 г. то, что было в 1918 г., и что у нас сами-то левые коммунисты давно забыли, жуют и пережевывают это до сих пор, уверяя, что большевики скрывают от Европы разногласия в своих рядах. Когда читаешь это, то думаешь: пускай себе заблуждаются. Мы знаем, что у нас никаких разногласий не было и не было потому, что практическая необходимость иного подхода к постройке фундамента социалистической экономики для всех была ясна.

Смычки с крестьянской экономикой, с той новой экономикой, которую мы пытались создать, у нас не было. Есть ли она теперь? Еще нет. Мы к ней только подходим. Все значение новой экономической политики, которое в нашей прессе еще часто продолжают искать везде, где угодно, но не там, где следует, все значение в этом и только в этом: найти смычку той новой экономики, которую мы с громадными усилиями создаем. И в этом наша заслуга, и без этого мы бы не были коммунистами-революционерами. Новую экономику мы стали строить совершенно по-новому, ни с чем старым не считаясь. И если бы мы ее не начали строить, то мы были бы разбиты на-голову в первые же месяцы.

Мы с самого начала говорили, что нам приходится приступать к непомерно новому делу. И если нам быстро не помогут товарищи рабочие стран, более развитых в капиталистическом отношении, то дело наше будет невероятно трудным, и мы допустим, несомненно, ряд ошибок. Главное: надо трезво уметь смотреть, где и какие ошибки допущены и переделывать все с начала. Если не два, а даже много раз придется переделывать все с начала, то это покажет, что мы без пред-рассудков, трезвыми глазами подходим к нашей величайшей в мире задаче. Надо помнить, что основная рещающая, все себе остальное подчиняющая, задача новой экономической политики, это — установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить, очень плохо, очень неумело, но все же начали строить, и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян. Смычки

этой не было, и ее нам надо прежде всего создать. Этому соображению надо все подчинить.

Мы строим свою экономику в связи с крестьянством. Мы должны ее переделывать неоднократно и устроить так, чтобы была смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству и той работой, которой занят каждый крестьянин и которую он ведет так, как он может, выбиваясь из нужды, не мудрствуя (потому что, где ему мудрствовать для того, чтобы вылезти и спастись из прямой опасности мучительнейшей голодной смерти). Надо показать эту смычку, чтобы мы ее ясно видели, чтобы весь народ ее видел, чтобы вся крестьянская масса видела, что между ее тяжелой, неслыханно разоренной, неслыханно нищенской, мучительной жизнью теперь и той работой, которую ведут во имя отдаленных социалистических идеалов, есть связь. Надо сделать так, чтобы простому, рядовому, трудящемуся человеку было понятно, что он получил какое-нибудь улучшение и получил не так, как получали немногие из крестьян в эпоху помещичьей власти и капитализма, когда каждый шаг улучшений — бывали, несомненно, улучшения, и очень крупные — был связан с издевкой, с надругательством, с издевательством над мужиком, с насилием над массой, которого никто из крестьян не забыл и десятки лет в России не забудет. Наша цель — восстановить смычку, доказать крестьянину делами, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо и сейчас доступно при всей его нищете, а не с чего-то отдаленного, фантастического с точки зрения крестьянина, — доказать, что мы ему умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения разоренного, обнищавшего, мучительно голодающего мелкого крестьянина ему сейчас помогают на деле. Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо.

Вот в чем значение новой экономической политики, вот в чем основа всей нашей политики. Здесь — главный наш урок за весь прошедший год применения новой экономической политики и главное наше, так сказать, политическое правило на год наступающий. Крестьянин нам кредит оказывает и, конечно, после пережитого не может не оказывать. Но этот кредит не может быть неисчерпаемым.

Это надо знать и, получивши кредит, все-таки поторавливаться. Надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными. «Но сейчас все-таки, после стольких месяцев и стольких лет отсрочки, вы, любезнейшие правители, приобрели самый верный, надежный способ помочь нам выйти из нужды, нищеты, голода, разорения. Вы умеете, вы это доказали».

Вот какой экзамен на нас неминуемо надвигается, и он решит в последнем счете судьбу нэп'а и коммунистической власти в России.

Сумеет ли мы доделать непосредственное дело или нет? Что новая экономическая политика пригодится ли на что-нибудь или нет? Если окажется правильным отступление, то сомкнуться, отступивши, с крестьянской массой, и вместе с ней в сто раз медленнее, но зато твердо и неуклонно идти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед. Тогда наше дело будет абсолютно непобедимо, и никакие силы в мире нас не победят. Еще до сих пор, за первый год, мы не достигли этого. Это надо сказать прямо. И я глубоко убежден (а наша новая экономическая политика дает возможность сделать этот вывод), что если мы усвоим всю громадную опасность, которая в новой экономической политике заключается, и направим наши силы на слабые пункты, то тогда мы эту задачу решим.

Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый основной политический урок новой экономической политики.

Второй, более частный, урок, это — проверка соревнования государственных и капиталистических предприятий. У нас теперь создаются смешанные общества — я немного о них скажу дальше, — которые, как и вся наша государственная торговля, и вся наша новая экономическая политика, являются применением нами, коммунистами, приемов торговых, приемов капиталистических. Они имеют и то значение, что тут устанавливается практическое соревнование способов капиталистических и способов наших.

Мы до сих пор писали программы и обещали. В свое время это было совершенно необходимо. Без программы и обещаний выступить с мировой революцией было нельзя. Если нас за это белогвардейцы, и в том числе меньшевики, ругают, то это только показывает, что меньшевики и социалисты второго и двухсполовинного Интернационалов не имеют никакого понятия о том, как революции делаются. Иначе мы начать не могли.

Но сейчас дело обстоит так, что мы должны проверку нашей работы установить уже серьезную, не ту, которая бывает через контрольные учреждения, теми же коммунистами создаваемые, хотя бы эти контрольные учреждения и в системе советских учреждений, и в системе партийных учреждений были бы почти-что идеальными

контрольными учреждениями. Не эта проверка нам нужна, а та, которая является проверкой с точки зрения массовой экономики.

Капиталист умел снабжать. Он это делал плохо, он это делал грабительски, он нас оскорблял, он нас грабил. Это знают простые рабочие и крестьяне, которые не рассуждают о коммунизме, потому что не знают, что это за штука такая.

Но капиталисты все же умели снабжать, а вы умеете? Ведь вот какие голоса раздавались в прошлом году весной. Они не всегда ясно слышались, но составляли подпочву всего прошлогоднего весеннего кризиса. «Люди-то вы превосходные, но то дело, экономическое дело, за которое вы взялись, вы делать не умеете». Вот самая простая и самая убийственная критика, которую крестьянство в прошлом году, а через крестьянство целый ряд слоев рабочих, направляли против коммунистической партии. И вот почему пункт в вопросе о нэп'е, этот старый пункт, приобретает такое значение.

Проверка нужна настоящая. Рядом действует капиталист, действует грабительски, берет прибыли, но он умеет. А вы — вы по-новому пробуете: прибылей у вас нет, принципы коммунистические, идеалы хорошие расписаны и расписаны так, что вы, святые люди, в рай живыми проситесь, а дело делать умеете? Нужна проверка, настоящая проверка, да проверка не такая, что ЦКК¹⁵⁾ исследует и вынесет порицание, а ВЦИК назначит взыскание, — нет, а проверка настоящая, с точки зрения народной экономики.

Отсрочки коммунистам были даны всякие, в кредит было дано столько, сколько ни одному другому правительству не давалось. Конечно, коммунисты помогли избавиться от капиталистов, от помещиков, крестьянство это ценит, и оно в кредит отсрочки давало, но все до известного срока. А затем уже проверка: умеете ли вы хозяйничать не хуже, чем другие?

Вот первый урок, первая главная часть политического доклада ЦК. Мы хозяйничать не умеем. Это за год доказано. Я бы очень хотел взять, например, нескольких гострестов (если выразаться этим прекрасным русским языком, который так хвалил Тургенев) и показать, как мы умеем хозяйничать.

Но, к сожалению, по ряду причин и в значительной степени по болезни, этой части доклада я не мог разработать и только должен ограничиться выражением своего убеждения, основанного на наблюдении того, что происходит. За этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем. Это основной урок. Если бы все коммунисты, ответственные работники, ясно сознали: не умеем, давайте учиться с начала, тогда мы бы выиграли дело. Это, по-моему, был бы

основной и коренной вывод. Но этого не сознают и уверены, что если кто так думает, то это неразвитый народ. Не учились, мол, коммунизму. Может быть, поймут, поучатся. Нет, извините, не в том дело, что в оценке этого крестьянин, беспартийный рабочий не учился коммунизму, а в том дело, что миновали времена, когда нужно было развить программу и призвать народ к ее исполнению. Это время прошло, теперь нужно доказать, что вы при нынешнем трудном положении умеете практически помочь хозяйству рабочего и мужика, чтобы они видели, что соревнование вы выдержали.

Смешанные общества, которые мы начали создавать, в которых участвуют и частные капиталисты, русские и заграничные, и коммунисты, эти общества — одна из форм, в которой можно правильно поставить соревнование, показать и научиться тому, что мы умеем не хуже капиталистов установить смычку с крестьянским хозяйством, можем удовлетворить его потребности, помочь ему двинуться вперед.

Вот какое соревнование стоит перед нами, как неотложная задача. Вот в чем гвоздь новой экономической политики и вся, по моему убеждению, суть партийной политики. У нас чисто-политических вопросов и трудностей сколько угодно. И вы их знаете: и Генуя, и опасность интервенции. Трудности велики, но они все ничтожны по сравнению с этой трудностью. Там мы уже видели, как это делается, там мы научились многому, испытали буржуазную дипломатию. Это такая штука, которой нас меньшевики 15 лет учили и кое-чему полезному научили. Это не ново.

Но вот выдержать соревнование с простым приказчиком, с простым капиталистом, купцом, который к крестьянину пойдет и не будет спорить о коммунизме, а станет ему говорить, что ежели нужно достать, правильно сторговать, суметь построить, то я-то построю дорого, коммунисты, может быть, построят подешевле, а может быть, — в десять раз дороже. Вот такая агитация представляет теперь суть дела, вот в чем корень экономики.

Повторяю, отсрочку и кредит от парода мы получили благодаря нашей правильной политике, и это, если выразиться по-нэповски — векселя, по сроки на этих векселях не написаны. Когда они будут предъявлены ко взысканию, этого справкой с текстом векселя не узнаешь. Вот в чем опасность, вот особенность, которая отличает эти политические векселя от обыкновенных, торговых векселей. На это нам надо обратить все внимание, не успокаиваться на том, что везде ответственные и лучшие коммунисты в государственных трестах и смешанных обществах, толку от этого нет никакого, потому что они не умеют хозяйничать и хуже рядового капиталистического при-

казчика, прошедшего школу крупной фабрики и крупной фирмы. Этого мы не сознаем, тут осталось коммунистическое чванство, комчванство, выражаясь тем же великим русским языком. Коммунист и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, а торговли он вести не умел, потому что он не делец и этому не учился и не хочет учиться и не понимает, что с азов должен учиться. Он, коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он, на которого смотрят если не сорок пирамид, то сорок европейских стран с надеждой на избавление от капитализма, — он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабазе десять лет, который это дело знает, а он, ответственный коммунист и преданный революционер, не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает.

И вот мы, товарищи, должны с этого съезда уйти с убеждением, что мы этого не знали и будем учиться с азов. Все-таки мы не перестали быть революционерами, хотя многие говорят, что мы обюротратились. Мы должны понять ту простую вещь, что в новом, необыкновенно трудном деле надо уметь начинать с начала несколько раз. Начали, уперлись в туник, начинай снова, и так десять раз передельвай, но добейся своего, не важпичай, не чванься, что ты коммунист, а там какой-то приказчик беспартийный, а может быть, белогвардеец (и наверное, белогвардеец), но он умеет делать дело, которое экономически надо сделать во что бы то ни стало, а ты не умеешь. Если ты ответственный коммунист, сотни чинов и званий и «кавалера» коммунистического и советского имеешь, если ты это поймешь, тогда ты своей цели достигнешь, ибо научиться этому можно.

Кое-какие, хотя и малюсенькие, успехи, у нас за этот год есть, по они ничтожны. Главное то, что нет сознания и широко распространенного, всеми коммунистами разделяемого убеждения, что сейчас у нас, у русского ответственного и преданнейшего коммуниста, этого умения меньше, чем у любого старого приказчика. Надо, повторяю, начать учиться с начала. Если мы это сознаем, тогда мы экзамен выдержим, а экзамен серьезный, экзамен, который устранил приближающийся финансовый кризис, экзамен, который устроит русский и международный рынок, которому мы подчинены, с которым связаны, от которого не оторваться. Экзамен этот серьезный, ибо тут могут побить нас экономически и политически.

Вопрос стоит так и только так, потому что тут соревнование серьезное, и это соревнование решающее. Много у нас было всяких ходов и выходов из наших политических и экономических трудностей, и мы можем с гордостью похвастаться, что мы до сих пор умели

все эти ходы и выходы в разных сочетаниях, применительно к разным обстоятельствам, использовать, но больше у нас никаких выходов нет. Позвольте это вам сказать без всякого преувеличения, так что в этом смысле, действительно, «последний и решительный бой» не с международным капитализмом, — там еще много будет «последних и решительных боев», — нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить.

Чтобы выдержать этот экзамен, для этого мы имеем политическую власть и целую кучу всяких экономических и других ресурсов — все, чего хотите, кроме уменья. Уменья нет, и вот, если мы этот простой урок извлечем из опыта минувшего года и сделаем его руководящим для себя на весь 1922 год, тогда мы и эту трудность победим, несмотря на то, что она гораздо больше, чем предыдущая трудность, потому что она лежит в нас самих.

По вопросу о государственном капитализме наша пресса и вообще наша партия делают ту ошибку, что мы впадаем в интеллигентщину, в либерализм, мудрим насчет того, как понимать государственный капитализм, и заглядываем в старые книги, а там написано совершенно не про то, там написано про тот государственный капитализм, который бывает при капитализме, но ни одной книги нет, которая была бы написана про государственный капитализм, который бывает при коммунизме. Даже Маркс не догадался написать ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому, нам сейчас приходится выкарабкиваться самим без цитат. Наша пресса, которую я попытался обзреть, готовясь к настоящему докладу по вопросу о государственном капитализме, не про то говорит и совсем мимо стреляет, глядит совершенно в другую сторону. Государственный капитализм во всей литературе экономической — это тот капитализм, который бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть прямо себе подчиняет те или иные капиталистические предприятия, а у нас государство пролетарское, пролетариатом избранное, на пролетариат опирается, пролетариату дает все преимущества политические и через пролетариат привлекает к себе крестьянство с низов (вы помните, что мы начали эту работу с комбедов). Поэтому-то государственный капитализм сбивает очень и очень многих с толку. Чтобы этого не было, надо помнить основное, что государственный капитализм в таком виде, какой мы имеем у себя, ни в какой теории, ни в какой литературе не разбирается по той простой причине, что все обычные понятия,

связанные с этими словами, приурочены к власти буржуазной в капиталистическом обществе. А у нас общественность, которая с рельсов капиталистических соскочила, а на новые рельсы еще не вошла, и руководствует этим государством не буржуазия, а пролетариат. Мы не хотим понять что, когда мы говорим «государство», то государство это — мы, это — пролетариат, это — авангард рабочего класса. Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это — рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы. Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить. Вот в чем вся штука. И уже от нас зависит, каков этот государственный капитализм будет. Политической власти у нас достаточно, совершенно достаточно, экономических средств в нашем распоряжении тоже достаточно, но недостаточно уменья у того авангарда рабочего класса, который выдвинут, чтобы это дело непосредственно ведать, и чтобы определить границы, и чтобы размежеваться, и чтобы подчинить себе, а не быть подчиненным. Тут нужно только уменья, а его у нас нет. Ведь это положение, совершенно невиданное в истории, когда у пролетариата, революционного авангарда совершенно достаточно политической власти, а на-ряду с этим — государственный капитализм. Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что это тот капитализм, который мы можем и должны допустить, который мы можем и должны поставить в рамки, ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворять нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства и капиталистического оборота был возможен, ибо это нужно народу, без этого жить нельзя. Сумейте вы, коммунисты, вы, рабочие, вы, сознательная часть пролетариата, которая взялась государством управлять, сумейте вы сделать так, чтобы государство, которое вы взяли в руки, чтобы оно по-вашему действовало. А вот мы год пережили, государство в наших руках, а в новой экономической политике оно в тот год действовало по-нашему? Нет. Этого мы не хотим признать, оно действовало не по-нашему. А как оно действовало? Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то незаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частно-хозяйственные капиталисты или те и другие. Машина едет

не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто у руля этой машины сидит. Вот основное, что надо помнить по вопросу о государственном капитализме. Надо в этой основной области учиться с начала и только тогда, если это станет нашим абсолютным достоянием и сознанием, мы можем ручаться, что мы этому научимся.

Теперь я перейду к вопросу об остановке отступления, о чем мне пришлось говорить в моей речи на съезде металлистов *). Я не встретил с тех пор никаких возражений ни в партийной прессе, ни в частных письмах товарищей, ни в Центральном Комитете. Центральный Комитет мой план одобрил, а состоял этот план в том, чтобы и в докладе от имени Центрального Комитета на настоящем съезде эту остановку отступления со всей энергией подчеркнуть и просить съезд дать соответствующую директиву уже от имени всей партии уже как обязательную. Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: Достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, она достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил. Мы пришли в новое место, отступление в общем и целом мы все-таки произвели в сравнительном порядке. Правда, с разных сторон не было недостатков в голосах, которые это отступление хотели обратить в паническое. Одни с той стороны, что, дескать, вы в той или иной части неверно отступали, как, например, некоторые представители группы, которая носила название рабочей оппозиции. (Думаю, что они неправильно это название носили.) Они от чрезмерного усердия шли в одну дверь, а попали в другую, и теперь наглядно обнаружили это. Тогда они не видели того, что их деятельность была направлена не к тому, чтобы исправить наше движение, а на самом деле их деятельность имела одно значение — сеяла панику, мешала тому, чтобы отступление произвести дисциплинированно.

Отступление — штука трудная, особенно для тех революционеров, которые привыкли наступать, особенно, когда они привыкли наступать несколько лет с гигантским успехом, особенно, если они окружены в других странах революционерами, которые только и мечтают о том, чтобы начать наступление. Видя, что мы отступаем, некоторые из них даже непозволительным образом и по-детски расплакались, как это произошло на последнем расширенном Исполкоме Коминтерна. От самых хороших коммунистических чувств и коммунистических устремлений некоторые товарищи расплакались от того, что хорошие русские коммунисты, представьте себе, отступают. Может

*) См. стр. 5 наст. тома.

быть, мне уже теперь трудно перенестись в эту психологию западно-европейскую, хотя я достаточное количество лет выжил в этих же красных демократических странах и т. д. Нам было ясно, что именно потому, что мы наступали так успешно в течение многих лет и одерживали так много необыкновенных побед, и что это в стране, невероятно разоренной, лишенной материальных предпосылок, чтобы закрепить это наступление, нам совершенно необходимо было, раз мы так много завоевали, совершенно необходимо было отступить. Мы не могли удержать всех позиций, которые захватили, а с другой стороны, только благодаря тому, что мы спалегу, на гребне энтузиазма рабочих и крестьян, захватили необъятно много, только поэтому у нас было много места, и мы могли очень далеко отступать и сейчас еще можем далеко отступать, нисколько не теряя главного и основного. Самая опасная штука при отступлении, это — паника. Ежели вся армия (тут я говорю в переносном смысле) отступает, тут такого настроения, когда все идут вперед, быть не может. Тут уже на каждом шагу вы встретите настроение, до известной степени подавленное. У нас даже поэты были, которые писали, что вот, мол, и голод, и холод в Москве, «тогда как раньше было чисто, красиво, теперь — торговля, спекуляция». У нас есть целый ряд таких поэтических произведений.

И понятно, что это порождается отступлением. И вот в этом громадная опасность: отступать после победоносного, великого наступления страшно трудно; тут совершенно иные имеются отношения; там дисциплину если и не поддерживаешь, все сами собой прут и летят вперед; тут и дисциплина должна быть сознательной и в сто раз нужнее, потому что, когда вся армия отступает, ей неясно, она не видит, где остановится, а видит лишь отступление, — тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали, тут опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «стреляй!». И правильно.

Если люди вносят панику, хотя бы и руководствуясь лучшими побуждениями, в такой момент, когда мы ведем неслыханно трудное отступление и когда все дело в том, чтобы хороший порядок сохранить, — в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины, и не только по отношению к некоторым внутрипартийным нашим делам, но — это надо иметь в виду, — еще больше по отношению к таким господам, как меньшевики или все господа из двухсполовинного Интернационала.

На днях я прочел в 20 книжке «Коммунистического Интернационала» статью тов. Ракоши ¹⁶⁾ о новой книжке Отто Бауэра, у которого мы все когда-то учились, но который после войны, как и Каутский, стал жалким мещанином. Он теперь пишет: «Вот они отступают к капитализму, мы всегда говорили: революция — буржуазная!».

И меньшевики, и эс-эры, которые все такие вещи проповедуют, удивляются, когда мы говорим, что мы за такие вещи будем расстреливать. Они изумляются, а ведь вопрос ясен: когда армия отступает, то тут нужна дисциплина во сто раз большая, чем при наступлении, потому что при наступлении все рвется вперед. А если теперь все начнут рваться назад, то это — гибель, неизбежная и немедленная.

Именно в такой момент отступить в порядке, точно установить предел отступления и не поддаваться панике, это — самое главное. И когда меньшевик говорит: «вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление, я с вами согласен, я ваш человек, давайте отступать вместе», а мы ему на это говорим: «за публичное доказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши судьи, а бог знает что такое».

Они никак не могут понять и говорят: «какие у этих людей диктаторские замашки». Они до сих пор думают, что мы преследуем меньшевиков за то, что они в Женеве дрались. Но если бы мы таким путем шли, то, вероятно, и двух месяцев у власти не продержались бы. Действительно, такая проповедь, которую изрекают и Отто Бауэр, и руководители второго и двухсполовинного Интернационала, и меньшевики, и эс-эры, составляет их собственную натуру: «революция зашла далеко. Мы всегда говорили то, что ты сейчас говоришь. Позволь нам еще раз это повторить». А мы на это отвечаем: «позвольте поставить вас за это к стенке, либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться, либо, если вы желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении, когда мы в гораздо более трудных условиях, чем при прямом нашествии белых, то, извините, мы с вами будем обращаться, как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины».

Этого мы забыть не должны.

Когда я говорю об остановке отступления, я вовсе не имею в виду сказать этим, что мы научились торговать. Наоборот, я держусь обратного мнения, и я был бы неправильно понят и было бы доказано, что я не умею правильно излагать свои мысли, если бы от моего выступления осталось подобное впечатление.

Но дело в том, чтобы то нервничество, та суетливость, которые создались у нас вследствие нэп'а, стремление создать все по-новому,

приспособлять, чтобы это было приостановлено. У нас сейчас есть ряд смешанных обществ. Правда, их очень немного. У нас, с участием иностранных капиталистов, учреждено девять обществ, утвержденных Внешторгом. Комиссия Сокольникова утвердила 6, и Северолес заключил 2. Сейчас налицо таким образом семнадцать обществ с многомиллионным капиталом, утвержденных разными инстанциями (конечно, у нас путаница и в инстанциях достаточная, так что зевок тут тоже возможен). Но во всяком случае с русскими и иностранными капиталистами у нас сейчас общества есть. Их немного. Это маленькое, но практическое начало показывает, что коммунистов оценили, оценили с точки зрения их практики, оценили не такие высокие учреждения как ЦКК и ВЦИК (конечно, ЦКК — учреждение очень хорошее, и мы ему власти теперь дадим побольше). Но все-таки когда эти учреждения проверяют коммунистов, то... представьте себе, что на международном рынке их авторитета не признают. А когда обыкновенные капиталисты, русские и заграничные, идут в смешанное общество с коммунистами, мы говорим: «А все-таки, кое-что мы умеем, все-таки, как это ни плохо, как это ни мизерно, но в смысле начала мы уже имеем кое-что». Конечно, не так много; подумайте, уже год, как провозгласили, что всю энергию (а говорят, энергии у нас много), всю энергию положили на это дело, и за год только семнадцать обществ.

Это показывает, до какой степени мы дьявольски неповоротливы, мешковаты, сколько еще у нас обломовщины, за которую нас еще неминуемо будут бить. Но все-таки, повторяю, начало есть, разведка сделана. Капиталисты не пошли бы к нам, если бы элементарных условий для их действия не было. Но если даже ничтожная часть пошла, это уже показывает, что частичная победа есть.

Конечно, они еще внутри обществ этих вздуют нас, вздуют так, что несколько лет затем придется разбирать. Но это ничего. Я не говорю, что это есть победа, это есть разведка, которая показывает, что у нас уже есть поприще, есть кусок земли и что мы отступление можем уже приостановить.

Разведкой установлено ничтожное количество договоров с капиталистами, но все-таки они заключены. На этом надо учиться и действовать дальше. В этом смысле пора перестать нервничать, кричать, суетиться. Идут записки за записками, телефонограммы за телефонограммами: «Нельзя ли нас тоже переорганизовать, потому что у нас нэп?». Все суетятся, получается кутерьма; практического дела никто не делает, а все рассуждают, как приспособиться к нэп'у, и результата никакого не получается.

А купцы над коммунистами смеются и, вероятно, приговаривают: «раньше были главноуговаривающие¹⁷⁾, а теперь — главноуговариваемые». Что над нами капиталисты издевались, что мы опоздали, прозевали, — в этом нет тени сомнения, и в этом смысле я говорю, что нужно и от имени съезда эту директиву утвердить.

Отступление кончено! Главные приемы деятельности, как с капиталистами работать, намечены. Есть образцы хотя бы в ничтожном количестве. Перестаньте умничать, рассуждать о нэп'е, стихи пускай себе поэты пишут, на то они и поэты. Но, экономисты, не рассуждайте о нэп'е, а увеличивайте число этих обществ, проверяйте число коммунистов, которые умеют поставить соревнование с капиталистами.

Отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил. Вот директива, которую съезд должен вынести, которая сутолоке, суматохе должна положить конец. Успокойтесь, не мудрствуйте, это не будет зачитываться в минус. Практически нужно доказать, что ты работаешь не хуже капиталистов. Капиталисты создают смычку с крестьянством экономическую, чтобы обогатиться, ты же должен создать смычку с крестьянской экономикой, чтобы усилить экономическую власть нашего пролетарского государства. У тебя перевес перед капиталистами потому, что государственная власть в твоих руках, целый ряд экономических средств в твоих руках, ты не умеешь только ими пользоваться, смотри на вещи трезвее, скинь с себя мишуру, торжественное коммунистическое облачение, попросту учись простому делу, и тогда мы побьем частного капиталиста. У нас государственная власть, у нас масса экономических средств; если мы капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой создадим, тогда будем абсолютно непобедимой силой. И тогда строительство социализма не будет делом капли в море, называющейся коммунистической партией, а всей трудящейся массы; тогда рядовой крестьянин будет видеть: они мне помогают; и он тогда пойдет за нами так, что если эта поступь и будет в сто раз медленнее, зато будет в миллион раз прочнее и крепче.

Вот в каком смысле нужно говорить об остановке отступления, и этот лозунг, в той или другой форме, было бы правильно превратить в решение съезда.

Я хотел в связи с этим коснуться вопроса о том, что такое новая экономическая политика большевиков — эволюция или тактика? Так поставили вопрос сменовеховцы¹⁸⁾, которые, как вы знаете, — представляют течение, привившееся в эмигрантской России, течение общественно-политическое, во главе которого стоят крупнейшие кадетские деятели, некоторые министры бывшего колчаковского

правительства,— люди, пришедшие к убеждению, что Советская власть строит русское государство, и надо поэтому идти за ней. «Но эта Советская власть строит какое государство? Коммунисты говорят, что коммунистическое, уверяя, что это — тактика: большевики обойдут в трудный момент частных капиталистов, а потом, мол, возьмут свое. Большевики могут говорить, что им это нравится, а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение, они придут к обычному буржуазному государству, и мы должны их поддерживать. История идет разными путями», так рассуждают сменовеховцы.

Некоторые из них прикидываются коммунистами, но есть люди более прямые, в том числе Устрялов¹⁹⁾. Кажется, он и был министром при Колчаке. Он не соглашается со своими товарищами и говорит: «вы там насчет коммунизма как хотите, а я утверждаю, это у них не тактика, а эволюция». Я думаю, что этот Устрялов этим своим прямым заявлением приносит нам большую пользу. Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья, «комвранья», кажишний день и тошнехонько от этого бывает, иногда убийственно. И вот, вместо этого «комвранья» приходит номер «Смены Вех»¹⁸⁾ и говорит напрямик: «у вас это вовсе не так, это вы только воображаете, а на самом деле вы скатываетесь в обычное буржуазное болото, и там будут коммунистические флажки болтаться со всякими словечками».

Это очень полезно, потому что в этом мы видим уже не простой перепев того, что мы постоянно кругом себя слышим, а просто классовую правду классового врага. Такую вещь очень полезно посмотреть, которая пишется не потому, что в коммунистическом государстве принято так писать или запрещено иначе писать, а потому, что это действительно есть классовая правда, грубо, открыто высказанная классовым врагом. «Я за поддержку Советской власти в России,— говорит Устрялов, хотя был кадет, буржуа, поддерживал интервенцию,— я за поддержку Советской власти, потому что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти».

Это очень полезная вещь, которую, мне кажется, необходимо иметь в виду, и гораздо лучше для нас, когда сменовеховцы так пишут, чем когда некоторые из них почти что коммунистами прикидываются, так что издали, пожалуй, не отличишь, может быть — он в бога верует, может — в коммунистическую революцию. Этакие откровенные враги полезны, надо сказать прямо. Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны. История знает превращения всяких сортов; полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества, это — вещь в политике совсем не серьезная. Пре-

восходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число людей не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо.

Много тому было примеров, и поэтому надо сие откровенное заявление сменовеховцев приветствовать. Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит. Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным. Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это — основная и действительная опасность. И поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмет. Я говорил о соревновании. Прямого натиска на нас нет, нас не хватают за горло. Что будет завтра, это мы еще посмотрим, но сегодня на нас не наступают с оружием в руках, и, тем не менее, борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг, и кто наш друг. Я говорил о коммунистическом соревновании с точки зрения развития форм хозяйства и форм общественного уклада. Это не есть соревнование, это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом.

И тут нужно ясно поставить вопрос — в чем наша сила и чего нам не хватает? Политической власти совершенно достаточно. Едва ли кто-нибудь найдется здесь, который бы указал, что в таком-то практическом вопросе, в таком-то деловом учреждении у коммунистов, у коммунистической партии власти недостаточно. Основная экономическая сила — все решающие крупные предприятия, железные дороги и т. д., — они все в наших руках. Аренда, как бы она местами ни была широко развита, в общем играет ничтожнейшую роль, в общем это совершенно ничтожная доля. Экономической силы в руках пролётарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же не хватает? Ясное дело, чего не хватает. Не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет. Но если взять Москву — 4.700 ответственных коммунистов — и взять эту бюрократическую машину, груды, — кто кого ведет? Я очень сомневаюсь, чтобы можно было сказать, что коммунисты ведут эту груды. Если правду говорить, то не они ведут, а их ведут. Тут произошло нечто подобное тому, что нам в детстве рассказывали по истории. Нас учили: бывает, что один народ завоевывает другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоева-

телем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР, и не получилось ли тут так, что 4.700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) не оказались ли подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников-коммунистов, потому что у них нет достаточного умения управлять. Коммунисты, становясь во главе учреждений — а их иногда нарочно так подставляют искусно саботажники, чтобы получить вывеску-фирму, — зачастую оказываются одураченными. Это признание очень неприятное. Или, по крайней мере, не очень приятное, но мне кажется, что его надо сделать. К этому, по-моему, политический урок за год сводится, и под этим знаком пройдет борьба 1922 г.

Сумеют ли ответственные коммунисты РСФСР и РКП понять, что они не умеют управлять? Вот если они сумеют понять, то, конечно, научатся, потому что научиться можно, но для этого надо учиться. У нас направо и налево махают приказами и декретами, и выходит совсем не то, чего хотят.

Соревнование и состязание, которое мы поставили на очередь дня, провозгласив нэп, — это есть серьезное соревнование. Кажется, что оно бывает во всех государственных учреждениях, а на самом деле это есть еще одна форма борьбы двух классов, непримиримо враждебных друг другу. Это — еще одна форма борьбы буржуазии с пролетариатом, это — борьба, которая еще не завершена и даже в центральных учреждениях Москвы не превзойдена культурно. Ибо сплошь и рядом буржуазные деятели знают дело лучше, чем наши лучшие коммунисты, имеющие всю власть, все возможности и ни одного шага не умевшие делать со своими правами и со своей властью.

Я хотел бы привести одну цитату из книжечки Александра Тодорского. Книжечка вышла в г. Весьегонске (есть такой уездный город Тверской губ.) и вышла она в первую годовщину советской революции в России — 7-го ноября 1918 г., в давно-давно прошедшие времена. И этот весьегонский товарищ, повидимому, член партии. Я книжку эту давно читал и не ручаюсь, что в этом отношении ошибки

не сделаю: он говорит, как он приступил к оборудованию двух советских заводов, как привлек двух буржуев и сделал это по-тогдашнему: под угрозой лишения свободы и конфискации всего имущества. Они были привлечены к воссозданию завода. Мы знаем, как в 1918 г. привлекали буржуазию, так что подробно останавливаться на этом не стоит: мы ее иными способами теперь привлекаем. «Это еще полдела — мало буржуазию победить, доконать, надо ее заставить на нас работать».

Вот это — замечательные слова. Замечательные слова, показывающие, что даже в городе Весеьгонске, даже в 1918 г., было правильное понимание отношений между победившим пролетариатом и побежденной буржуазией.

Это еще полдела, если мы ударим эксплуататора по рукам, обезвредим и доконаем. А у нас, в Москве, из ответственных работников около 90 человек из 100 воображают, что в этом все дело, т.-е. в том, чтобы доконать, обезвредить, ударить.

Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это — ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты, это — капля в море, капля в народном море. Они только в том случае сумеют повести народ по своему пути, если правильно определяют путь в смысле всемирного исторического направления. В этом случае мы наш путь определили абсолютно правильно, и каждое государство приносит подтверждение, что мы определили его правильно, и в нашей родине, в своей стране, мы должны этот путь определить правильно. Он определяется не только этим, а и тем, что не будет интервенции, тем, что мы сумеем крестьянину давать товар за хлеб. Крестьянин скажет: «Ты — прекрасный человек, ты защищал нашу родину; мы тебя за это слушались, но если ты хозяйничать не умеешь, то поди вон». Да, крестьянин это скажет.

Управлять хозяйством мы сможем тогда, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят.

А если коммунист воображает, что я, мол, все знаю, потому что я — ответственный коммунист, я не таких людей побеждал, как какого-нибудь приказчика, а мы били на фронтах, и разве таких били, — вот такое преобладающее настроение нас и режет. Это — самая неважная часть дела, если мы эксплуататора обезвредим, ударим по рукам и обкорнаем. Это надо делать. И наше госполитуправление, и наши суды должны делать это не так вяло, как делают до сих пор, а помнить, что они — пролетарские суды, окруженные врагами всего

мира. Это нетрудно, этому в основном мы научились. Тут должен быть произведен некоторый нажим, но это легко.

А вторая часть победы, чтобы не коммунистическими руками строить коммунизм, чтобы уметь практически делать то, что экономически делать приходится, — это находить смычку с крестьянским хозяйством, удовлетворить крестьян, чтобы крестьянин сказал: «Как ни труден, как ни тяжел, как ни мучителен голод, а я вижу, что власть хотя и непривычная, но от нее получается практическая, реально ощутимая польза». Нужно добиться, чтобы те многочисленные, во много раз превосходящие нас, элементы, с которыми мы сотрудничаем, работали бы так, чтобы мы умели наблюдать их работу, чтобы мы понимали эту работу, чтобы их руками делалось нечто полезное для коммунизма. Вот в этом гвоздь теперешнего положения, ибо если отдельные коммунисты это и понимали и видели, то в широкой массе нашей партии нет сознания необходимости привлечения беспартийных к работе. Сколько об этом писалось циркуляров, сколько было говорено, а за год что-нибудь сделано? Ничего. И из сотни комитетов нашей партии и пять комитетов не могли бы показать практические свои результаты. Вот насколько мы отстали от той потребности, которая на очереди сейчас имеется, насколько мы живем в традициях 1918 и 1919 гг. То были великие годы, сделано величайшее всемирное историческое дело. А если смотреть назад на эти годы и не видеть, какая теперь задача на очереди, то это была бы гибель, несомненная, абсолютная гибель.

Я бы хотел теперь привести два практических примера того, как у нас выходит с нашим управлением. Я уже сказал, что правильнее было бы для этого взять один из гострестов. Должен извиниться, что этого правильного приема употребить не могу, потому что для этого требовалось бы конкретнейшим образом изучить материалы хотя бы об одном гостресте, но этого изучения, к сожалению, я лишен был возможности произвести, и беру поэтому два небольших примера. Один пример такой: МПО обвиняло в бюрократизме Наркомвнешторг; другой — из области Донбасс.

Первый пример мало подходящий, но лучшего взять не имею возможности. Основную мысль могу иллюстрировать и на этом примере. Последние месяцы мне, как вы знаете из газет, не было возможности касаться дела непосредственно, я не работал в Совнаркоме, не был и в ЦК. При временных и редких наездах в Москву мне бросились в глаза отчаянные и страшные жалобы на Внешторг. В том, что Внешторг плох, что там волокита, я ни одной минуты никогда не сомневался. Но когда жалобы стали особенно страстны, я попытался

разобраться, — взять конкретный случай, докопаться хоть раз до низов, как это там выходит, почему эта машина не идет.

МПО нужно было купить консервы. Явился для этого французский гражданин. Не знаю, делал ли он это в интересах международной политики и с ведома руководителей Антанты, или вследствие аппробации ²⁰⁾ Пуанкаре и других врагов Советской власти. (Я думаю, наши историки разберутся в этом после генуэзской конференции.) Но факт, что французская буржуазия принимала участие не только теоретически, но и практически, так как представитель французской буржуазии оказался в Москве и продавал консервы.

Москва голодает, летом будет голодать еще больше, мяса не привезли и — по всем известным качествам нашего Наркомпути — наверное, не привезут. Продаются мясные консервы на советские знаки.

Чего же проще? Оказывается, что ежели рассуждать по-советски и как следует, то совсем не просто. Я не имею возможности следить за делом непосредственно, а организовал следствие, имею теперь тетрадку, в которой рассказано, как эта знаменитая история развивалась. Началась она с того, что 11-го февраля, по докладу тов. Каменева, состоялось постановление Политбюро ЦК РКП о желательности закупки за границей предметов продовольствия. Конечно, без Политбюро ЦК РКП как же это русские граждане могут такой вопрос решать? Представьте себе, как это могли бы 4.700 ответственных работников (это только по переписи) без Политбюро ЦК решить вопрос о закупке предметов продовольствия за границей? Это, конечно, представление сверхъестественное. Тов. Каменев, очевидно, прекрасно знает нашу политику и действительность и поэтому не слишком полагался на большое число ответственных работников, а начал с того, что взял быка за рога и если не быка, то, во всяком случае, Политбюро, и получил сразу (я не слышал, чтобы были по этому поводу прения) резолюцию: «Обратить внимание Наркомвнешторга на желательность ввоза из-за границы продовольствия, при чем пошлины и т. д.». Обращено внимание Наркомвнешторга. Дело начинает двигаться. Это было 11-го февраля. Я припоминаю, что в Москве мне пришлось быть в самом конце февраля или около того, и на что я сразу натолкнулся — на вопли, прямо па отчаянные вопли московских товарищей. В чем дело? Не можем никак закупить продовольствия. Почему? Волокита Наркомвнешторга. Я долго не принимал участия в делах и не знал тогда, что па это есть постановление Политбюро, и только сказал управделу: проследить, добыть бумажку и показать мне. И закончилось это дело тем, что когда приехал Красин, Каменев погово-

рил с Красиным, дело было улажено, и консервы мы купили. Все хорошо, что хорошо кончается. Что Каменев с Красиным умеют столкнуться и правильно определить политическую линию, требуемую Политбюро ЦК РКП, в этом я несколько не сомневаюсь.

Если бы политическая линия и в торговых вопросах решалась Каменевым и Красиным, у нас была бы лучшая из Советских республик в мире, по нельзя так делать, чтобы по каждой сделке тащить члена Политбюро Каменева и Красина, — последнего, занятого дипломатическими делами пред Генуей, делами, которые требовали отчаянной, непомерной работы, — тащить этих товарищей для того, чтобы купить у французского гражданина консервы. Так работать нельзя. Тут не новая, не экономическая и не политика, а просто издевка. Теперь я имею следствие по этому делу. Я имею даже два следствия, одно — произведенное управделами Совнаркома Горбуновым ²¹⁾ и его помощником Мирошниковым ²²⁾, другое дело — то, которое производило Государственное Политическое Управление.

Как это случилось, что в столичном городе Советской республики потребовалось два следствия: вмешательство Каменева и Красина и директивы Политбюро, чтобы купить консервы? Чего не хватало? Политической власти? Нет. Деньги нашли, так что была и экономическая власть и политическая. Все учреждения на месте. Чего не хватает? Культурности 99 сотых работников МПО, против которых я ничего не имею и считаю превосходными коммунистами, и работников Внешторга — они не могли культурно подойти к делу.

Когда я впервые об этом услышал, я написал письменное предложение в ЦК: по-моему, всех, кроме членов ВЦИК, которые, вы знаете, неприкосновенны, всех, кроме членов ВЦИК, из московских учреждений посадить в худшую московскую тюрьму на 6 часов, а из Внешторга — на 36 часов. А теперь оказалось, что виновный не найден. В самом деле, из того, что я рассказал, совершенно очевидно, что виновного не найдешь. Просто обычное русское интеллигентское неумение практически дела делать — бестолковщина и безалаберщина. Сначала сунется, сделает, потом подумает, а когда у них не выходит — побегут к Каменеву жаловаться, тащат в Политбюро. Конечно, в Политбюро нужно нести все государственные трудные вопросы — об этом мне еще придется говорить, — но надо сначала подумать, а потом уже делать. Если ты не уступаешь, потрудись выступать с документами. Сначала дай телеграмму, в Москве есть еще телефоны, пошли телефонограмму в соответствующие учреждения, дай копию Цюрупе, скажи, я считаю сделку спешной и за волокиту буду преследовать. Об этой элементарной культурности надо подумать, подойти к делу

обдуманно. если дело не решается сразу двумя минутами, разговором по телефону, возьми документы, обставь себя ими и скажи: «если ты проявишь волокиту, я тебя посажу в тюрьму». Но ни капли обдуманности, никакой подготовки, обычная суетня, несколько комиссий, все устали, измучились, больны, а дело можно двинуть тогда, когда Каменева можно сочетать с Красиным. Это дело типичное. И отнюдь не только в столичном городе Москве, но наблюдается и в др. столицах, в столицах всех независимых республик и отдельных областей, и не в столичных городах постоянно делаются такие вещи и даже во сто раз хуже.

В нашей борьбе нужно помнить, что коммунистам нужна обдуманность. Они вам расскажут превосходно о революционной борьбе, о состоянии революционной борьбы во всем мире. А чтобы вылезти из отчаянной нужды и нищеты, для этого надо быть обдуманным, культурным, порядочным — этого они не умеют. Если мы будем обвинять ответственных коммунистов, что они недобросовестно подходят к делу, это будет неправильно. Громадное большинство из них — 99 проц. — люди не только добросовестные, а доказавшие свою преданность революции в самых трудных условиях и до падения царизма, и после революции, буквально жертвовавшие жизнью. Нужен культурный подход к простейшему государственному делу, нужно понимание, что это — дело государственное, торговое, если будут препятствия, надо уметь их устранить и тянуть к суду виновных за волокиту. Я думаю, пролетарский суд сумеет наказать, а чтобы наказать — надо найти виновных, а я вам ручаюсь, что найти виновных нельзя, пусть каждый из вас посмотрит это дело — нет виновных, а есть сутолока, суматоха и ерунда... Никто не умеет подойти к делу, не понимает, что к государственному делу надо подойти не так, а этак. А вся белогвардейщина, саботажники этим пользуются. У нас была пора бешеной борьбы с саботажниками, она и сейчас стоит на очереди; правильно, конечно, что саботажники есть, и с ними надо бороться. Но разве можно бороться с ними, когда положение такое, как я говорил. Это вреднее всякого саботажа, саботажнику ничего и не надо, кроме как увидеть, что два коммуниста спорят между собой по вопросу о том, в какой момент обратиться в Политбюро о принципиальной директиве для покупки продовольствия, и в эту щель пролезть. Если сколько-нибудь толковый саботажник встанет около того или иного коммуниста или у обоих по очереди и подержит их, — тогда конец. Дело погибло навсегда. Кто виноват? Никто. Потому что два коммуниста, ответственных, преданных революционера, спорят из-за прошлогоднего снега, спорят по вопросу о том,

в какой момент внести вопрос в Политбюро, чтобы получить принципиальную директиву для покупки продовольствия.

Вот как стоит вопрос, вот в чем трудность. Любой приказчик, выдержавший школу крупного капиталистического предприятия, этакую вещь делать умеет, а 99⁰/₀ ответственных коммунистов не умеют и не хотят понять, что у них нет этого умения, что надо учиться с азов. Если мы не поймем этого, не сядем снова учиться с przygotowательного класса, то мы ни в коем случае не решим экономической задачи, которая стоит сейчас в основе всей политики.

Другой пример, который я хотел бы привести, это — Донбасс. Вы знаете, что это — центр, настоящая основа всей нашей экономики. Ни о каком восстановлении крупной промышленности в России, ни о каком настоящем строительстве социализма не может быть и речи, ибо его нельзя построить иначе, как через крупную промышленность, если мы не восстановим, не поставим на должную высоту Донбасс. В ЦК мы за этим наблюдали.

С этим районом не было беззаконного, смехотворного, нелепого перенесения мелочного вопроса в Политбюро, а было настоящее абсолютное неотложное дело.

ЦК присмотреть бы за тем, чтобы в таких действительных цептах, основах и фундаменте всей нашей экономики, действительно путно работали, а там во главе ЦККП, в центральном правлении каменноугольной промышленности, стояли люди не только, несомненно, преданные, но люди действительно образованные и с громадными способностями, и даже не ошибусь, если скажу — талантливые люди, и поэтому внимание ЦК было туда устремлено. И когда мы увидели, что Украина, что она независимая республика, это очень хорошо, а что она в партийном отношении иногда берет, как бы повежливее выразиться, обход, и что нам как-нибудь придется до них добраться, потому что там сидит народ хитрый, и ЦК — не скажу, что обманывает, но как-то немного отодвигается от нас. Чтобы видеть все это дело, мы разбирали в здешнем ЦК и видели трения и разногласия. Там есть Кимка — комиссия по использованию мелких копеек. Конечно, между Кимкой и между ЦККП идут сильные трения. Но мы, ЦК, все же некоторый опыт имеем и решили единогласно не убирать руководящие группы, а если будут трения, доложить нам, хотя бы даже и со всеми деятелями, потому что, когда мы имеем в крае не только преданных, но и способных людей, нужно стараться поддерживать их, чтобы они доучились, если допустить, что они не научились. Кончилось тем, что на Украине был партийный съезд, и я не знаю, что там вышло, было всяческое. Я справлялся у украинских

товарищей и тов. Орджоникидзе я просил специально, а также и ЦК поручил поехать и посмотреть, что там было. Видимо, там была интрига и всяческая каша, и Истпарт не разберется даже и через 10 лет, если этим займется. Но получилось фактически, что, вопреки единоголосным директивам ЦК, эта группа оказалась смененной другой группой. В чем тут было дело? В основном часть этой группы, несмотря на все свои высокие качества, сделала известную ошибку. Они попали в положение людей, которые переадминистрировали. Там мы имеем дело с рабочими. Очень часто, когда говорят «рабочие», думают, что значит это фабрично-заводский пролетариат. Вовсе не значит. У нас со времен войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы спрятаться от войны, а разве у нас сейчас общественные и экономические условия таковы, что на фабрики и заводы идут настоящие пролетарии. Это неверно. Это правильно по Марксу, но Маркс писал не про Россию, а про весь капитализм в целом, начиная с пятнадцатого века. На протяжении шестисот лет это правильно, а для России теперешней неверно. Сплошь да рядом шли на фабрики в то время не пролетарии, а всяческий случайный элемент.

Уметь поставить работу правильно, так, чтобы не отставать, чтобы во-время разрешить трения, которые происходят, и не отрывать администрирования от политики, — вот в чем задача. Ибо наша политика и администрирование держатся на том, чтобы весь авангард был связан со всей пролетарской массой, со всей крестьянской массой. Если кто-нибудь забудет про эти колесики, если он увлечется одним администрированием, то будет беда. Ошибка, которую они совершили, ничтожна по сравнению с другими нашими ошибками, но это типичный пример, когда было единодушное требование в ЦК: «Оставьте группу, давайте нам в ЦК даже мелкие конфликты, потому что Донбасс, это — не случайный район, а это — район, без которого социалистическое строительство останется простым добрым пожеланием», но вся наша политическая власть, весь авторитет ЦК оказались недостаточными.

На этот раз сделана ошибка в администрировании, конечно, кроме того, была куча и других ошибок.

Вот вам пример того, что вся загвоздка не в политической власти, а в том, чтобы уметь управлять, уметь правильно расставлять людей, уметь избегать мелких столкновений так, чтобы государственная хозяйственная работа не прерывалась.

Я думаю, что когда мы говорим о нашей революции и взвешиваем судьбы революции, нам надо строго отличить те задачи рево-

люции, которые решены полностью и которые вошли, как нечто совершенно неотъемлемое, в историю всемирного исторического поворота от капитализма. Такие дела за нашей революцией есть. Конечно, пусть меньшевики и Отто Бауэр — представитель 2¹/₂ Интернационала — кричат: «У них там буржуазная революция», но мы говорим, что наша задача — буржуазную революцию довести до конца. Как одно белогвардейское издание выразилось: 400 лет собирали навоз в наших государственных учреждениях, а мы вычистили этот навоз за 4 года, это — величайшая наша заслуга. А что же сделали меньшевики и эс-эры? Ничего. Ни у нас, ни даже в передовой, просвещенной Германии, даже там средневекового навоза вывезти не могут. И они нашу величайшую заслугу нам ставят в укор. Доведение дела революции до конца, это — неотъемлемая наша заслуга.

Теперь пахнет войной. Рабочие союзы, как, например, реформистские союзы, принимают резолюции против войны и грозят стачкой против войны. Недавно, если не ошибаюсь, я видел газетную телеграмму о том, что во французской палате один прекрасный коммунист держал речь против войны и указал, что рабочие предпочтут восстание войне. Нельзя ставить вопрос так, как мы его ставили в 1912 г., когда печатался Базельский манифест. Только русская революция показала, как можно выйти из войны и каких трудов это стоит, что значит — из реакционной войны выйти революционным путем. Реакционные империалистические войны на всех концах мира неизбежны. И забыть то, что десятки миллионов перебиты тогда и будут еще биты теперь, при решении всех вопросов такого свойства, человечество не может, и оно не забудет. Ведь мы живем в XX веке, и единственный народ, который вышел революционным путем не в пользу того или другого правительства, а сорвав их, это — русский народ, и вывела его русская революция. И то, что завоевано русской революцией, — неотъемлемо. Этого никакая сила не может взять, как никакая сила в мире не может взять назад того, что Советским государством было создано. Это — всемирно-историческая победа. Сотни лет государства строились по буржуазному типу, и впервые была найдена форма государства не буржуазного. Может быть, наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже неизвестно, работала ли она. Но не в этом дело, а дело в том, что изобретение было сделано. Пускай первая паровая машина по своей форме и была непригодна, но зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, по все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано, и государство пролетарского типа

создано, и поэтому пусть вся Европа, тысячи буржуазных газет повествуют о том, какие у нас безобразия и нищета, все-таки во всем мире все рабочие тяготеют к Советскому государству. Вот те великие завоевания, которые нами достигнуты и которые являются неотъемлемыми. Но для нас, представителей коммунистической партии, это значит открыть только дверь. Перед нами стоит теперь задача постройки фундамента социалистической экономики. Сделано это? Нет, не сделано. У нас еще нет социалистического фундамента. Те коммунисты, которые воображают, что он имеется, делают величайшую ошибку. Весь гвоздь состоит в том, чтобы отделить твердо, ясно и трезво, что у нас составляет всемирно-историческую заслугу русской революции, от того, что нами исполняется до последней степени плохо, что еще не создано и что еще много раз надо переделывать.

Политические события всегда очень запутаны и сложны. Их можно сравнить с цепью. Чтобы уцепиться за всю цепь, нельзя зацепиться за одно только звено. Нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь зацепиться. В 1917 г. в чем был весь гвоздь? В выходе из войны, чего требовал весь народ, и это покрывало все. Выхода из войны революционная Россия достигла. Были большие усилия, но зато основная потребность народа была учтена, и это дало нам победу на много лет...

И народ почувствовал, крестьянин видел, всякий возвращающийся с фронта солдат превосходно понимал, что в лице Советской власти он получает более демократическую, более близкую к трудящимся власть. Сколько бы мы глупостей и безобразий ни делали в других областях, раз мы эту главную задачу учли, — значит, все было правильно. В 1919 и 1920 годах в чем был гвоздь? Отпор военный. Тут на нас шли, нас душила всемирно могущественная Антанта, и не нужно было пропаганды — любой беспартийный крестьянин понимал, что делается. Идет помещик. Коммунисты умеют с ним бороться. Вот почему крестьянин в массе своей был за коммунистов, вот почему мы победили. В 1921 году гвоздем было отступление в порядке. Вот почему нужна была сугубая дисциплина. «Рабочая оппозиция» говорила: «Вы не дооцениваете рабочих, рабочие должны проявлять больше инициативы». Инициатива должна состоять в том, чтобы в порядке отступать и сугубо держать дисциплину. Тот, кто сколько-нибудь вносит ноты паники или нарушение дисциплины, погубил бы революцию, потому что нет ничего труднее, как отступление с людьми, которые привыкли завоевывать, которые пропитаны революционными воззрениями и идеалами и в душе всякое отступление считают вроде гнусности. Самая большая опасность состоит в том,

чтобы не нарушить порядка, и самая большая задача — в том, чтобы сохранить порядок.

А теперь в чем гвоздь? Этот гвоздь представляет собой — к чему бы я и хотел подвести и подытожить свой доклад — гвоздь не в политике, в смысле перемены направления; об этом говорят неизменно многие в связи с нэп'ом. Все это говорят впустую. Это — вреднейшая болтовня. В связи с нэп'ом у нас принимаются возиться, переделывать учреждения, основывать новые учреждения. Это — вреднейшая болтовня. Мы пришли к тому, что гвоздь положения — в людях, в подборе людей. Это трудно усвоить революционеру, который привык бороться против мелких дел, против культуриничания, который вместо переиздания учреждения выдвинул роль личности. Но мы пришли к положению, которое в смысле политическом надо оцепить трезво, мы подвинулись так далеко, что не можем всех позиций удерживать и не должны удерживать.

В смысле международном улучшение нашего положения в эти последние годы гигантское. Советский тип государства нами завоеван, это есть шаг вперед всего человечества, и Коминтерн каждый день нам подтверждает в этом сведениями из любой страны. И тени сомнения ни у кого нет. Но в смысле практической работы дело обстоит так, что если коммунисты не смогут оказать практической помощи крестьянской массе, то она их не поддержит. Центр внимания не в том, чтобы законодательствовать, лучшие декреты издавать и т. д., у нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах. Это было время, это была полоса, которая была необходима в начале революции, без этого мы бы не стали во главе революционной войны, а стали бы плестись в хвосте. Но эта полоса прошла, а мы этого не хотим понять. Теперь крестьяне и рабочие будут смеяться, когда предпринут построить, переделать такое-то учреждение. Теперь простой рабочий и крестьянин интересоваться этим не будут, и они правы, ибо центр тяжести не в этом. Ты, коммунист, должен идти к народу теперь не с этим, хотя мы, сидящие в государственных учреждениях, завалены такими мелочами всегда, но не за это звеню

цепи надо браться, не в этом гвоздь, а гвоздь в том, что люди посажены неправильно, что ответственный коммунист, превосходно проделавший всю революцию, приставлен к тому торгово-промышленному делу, в котором он ничего не понимает и мешает видеть правду, ибо за его спиной превосходно прячутся деляги и мошенники. В том дело, что практической проверки того, что выполнено, у нас нет. Это — задача прозаическая, маленькая, это — мелкие дела, но мы после величайшего политического переворота, при тех условиях, когда мы должны некоторое время существовать среди капиталистического уклада, гвоздь всего положения не в политике, в узком смысле слова, гвоздь всего положения не в резолюциях, не в учреждениях, не в реорганизации. Поскольку они нам необходимы, это делать мы будем, но не суйтесь с этим к народу, а подбирайте нужных людей и проверяйте практическое исполнение, — и это народ оценит.

В народной массе мы все же капля в море и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится. Сейчас народ и все трудящиеся массы видят основное для себя только в том, чтобы практически помочь отчаянной нужде и голоду и показать, что действительно происходит улучшение, которое крестьянину нужно, которое ему привычно. Крестьянин знает рынок и знает торговлю. Прямого коммунистического распределения мы вести не могли. Для этого не хватало фабрик и оборудования для них. Тогда мы должны дать через торговлю, но дать это не хуже, чем это давал капиталист, иначе такого управления народ вынести не может. В этом весь гвоздь положения. И если не будет ничего неожиданного, то это должно стать гвоздем всей нашей работы на 1922 г. при трех условиях. Во-первых, при том условии, что не будет интервенции. Мы все делаем своей дипломатией для того, чтобы ее избежать, тем не менее она возможна каждый день. Мы действительно должны быть на-чеку и в пользу Красной армии мы должны идти на известные тяжелые жертвы, конечно, строго определяя размер этих жертв. Перед нами весь мир буржуазии, которая ищет только формы, чтобы нас задушить. Наши меньшевики и эс-эры — не что иное, как агенты этой буржуазии. Таково их политическое положение.

Второе условие — если финансовый кризис не будет слишком силен. Он надвигается. О нем вы услышите по вопросу о финансовой политике. Если он будет слишком силен и тяжел, нам придется многое опять перестраивать, и все силы бросить на дно.

Если он будет не слишком тяжел, он может быть даже полезным: он почистит коммунистов из всяких гострестов. Только надо будет не забыть это сделать. Финансовый кризис перетряхивает учреждения и предприятия, и негодные из них лопаются прежде всего. Надо будет только не забыть, чтобы не свалили все это па то, что виноваты спецны, а что ответственные коммунисты очень хороши, боролись на фронтах и всегда хорошо работали. Так что если финансовый кризис не будет непомерно тяжел, то из него можно будет извлечь пользу и почистить не так, как чистит ЦКК или Центропроверком, а почистить, как следует, всех ответственных коммунистов в хозяйственных учреждениях. И третье условие — чтобы не делать за это время политических ошибок. Конечно, если будем делать политические ошибки, тогда все хозяйственное строительство будет подрезано, тогда придется заниматься тем, чтобы вести споры об исправлении и направлении. Но если таких печальных ошибок не будет, то гвоздь в ближайшем будущем не в декретах и не в политике, в узком смысле этого слова, не в учреждениях, не в их организации — этим делом будут заниматься постольку, поскольку это необходимо, в кругах ответственных коммунистов и советских учреждениях, — а гвоздь для всей работы — это в подборе людей и в проверке исполнения. Если мы в этом отношении практически научимся, принесем практическую пользу, тогда мы снова все трудности преодолеем.

Я в заключение должен коснуться практической стороны вопроса о наших высших учреждениях и отношении к ним партии. У нас создалось неправильное отношение между партией и советскими учреждениями, и на этот счет у нас полное единодушие. На одном примере я показывал, как конкретное мелкое дело тащат уже в Политбюро. Формально выйти из этого очень трудно, потому что управляет у нас единственная правительственная партия, и жаловаться члену партии запретить нельзя. Поэтому из Совнаркома тащат все в Политбюро.

Я надеюсь, что съезд отнесется к этому вопросу с большим вниманием и утвердит директивы в том смысле, что надо освободить Политбюро и ЦК от мелочей и повысить работу ответственных работников. Нужно, чтобы наркомы отвечали за свою работу, а не так, чтобы сначала шли в Совнарком, а потом в Политбюро. Надо пресекать всякое обращение по мелочам, но нужно повысить авторитет Совнаркома, чтобы там больше участвовали наркомы, а не заместители, нужно изменить характер работы Совнаркома в том отношении, в каком мне не удалось это сделать за последний год: гораздо

больше внимания обратить на то, чтобы следить за проверкой исполнения.

Надо обратить внимание, чтобы комиссии Совнаркома, СТО ²³⁾ были урезаны, чтобы они знали и разрешали свои собственные дела, а не разбрасывались па бесконечное число комиссий. На-днях была произведена чистка комиссий. Насчитали 120 комиссий. А сколько оказались необходимыми? 16 комиссий. И это — не первая чистка. Вместо того, чтобы отвечать за свое дело, вынести решение Совнаркому и знать, что ты за это держишь ответ, — прячутся за комиссии. В комиссиях чорт ногу сломит, никто ничего не разберет, кто отвечает: все спуталось, и, в конце концов, выносится такое решение, в котором все ответственные.

В связи с этим надо указать, что необходимо расширить и развить автономию и деятельность областных Экосо ²⁴⁾. У нас теперь деление России на областные районы произведено по научным основаниям, при учете хозяйственных условий, климатических, бытовых, условий получения топлива, местной промышленности и т. д. На основании этого деления созданы районные и областные Экосо. Конечно, частные исправления будут, но надо повысить авторитет этих Экосо.

Затем надо добиться, чтобы ВЦИК работал более энергично и правильно собирался на сессиях, которые должны быть более длительными. Сессии должны обсуждать проекты законов, которые иногда на-спех вносятся в Совнарком без обязательной надобности. Лучше отложить и дать местным работникам внимательно обдумать и строже требовать от составителей законов, чего у нас не делается.

Если сессии ВЦИК будут более длительны, они разделятся на секции и подкомиссии и сумеют провести работу более строго, добиваясь того, что, по-моему, составляет весь гвоздь, всю сущность теперешнего момента.

Центр тяжести перенести на подбор людей, на проверку фактического исполнения.

Надо сознать и не бояться сознать, что ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны сейчас учиться. Если это будет признано, и раз есть у нас достаточная к этому возможность, — а, судя по общему международному положению, у нас хватит времени на то, чтобы успеть выучиться, — это надо сделать во что бы то ни стало.

Заключительное слово по докладу ЦК РКП.

(Заседание 28 марта 1922 г.)

Мне прежде всего придется уделить некоторое время критике тех замечаний, которые здесь сделали гг. Преображенский и Осинский. Я думаю, что гг. Преображенский и Осинский в самом главном и основном стреляли совершенно мимо цели, и как раз своими выступлениями они показали неправильность той линии, как они себе представляют политику.

Тов. Преображенский говорил о капитализме и о том, что по программе нам следовало бы учинить общую дискуссию. Я думаю, что это была бы самая непроизводительная и неправильная трата времени.

Прежде всего по вопросу о госкапитализме.

«Госкапитализм есть капитализм», говорил Преображенский, и только так понимать можно и должно. Я утверждаю, что это есть только схоластика. До сих пор никто не мог написать такой книжки о капитализме в истории человечества, потому что это впервые теперь переживаем только мы. До сих пор сколько-нибудь путные книжки о госкапитализме писались при таких условиях и при том положении, что государственный капитализм есть капитализм. Теперь вышло иначе, и никакой Маркс и никакие марксисты не могли это предвидеть. И не нужно смотреть назад. Если вы будете писать историю, вы ее напишете прекрасно, а когда вы будете писать учебник, вы будете писать: государственный капитализм, это — капитализм до такой степени неожиданный, никем абсолютно непредвиденный, ведь никто не мог предвидеть того, что пролетариат достигнет власти в стране из наименее развитых и попытается сначала организовать крупное производство и распределение для крестьян, а потом, когда, по условиям культурным, не осилит этой задачи, привлечет к делу капитализм. Всего этого никогда не предвидели, но это же бесспорнейший факт.

В речи тов. Ларина полная неясность представления, что такое новая экономическая политика, как к ней надо относиться.

Ни одного серьезного возражения не было сказано против того, что нужно было перейти к новой экономической политике. Пролетариат не боится признать, что в революции у него то-то вышло великолепно, а то-то не вышло. Все революционные партии, которые до сих пор гибли, гибли от того, что зазнавались и не умели видеть, в чем сила, они боялись говорить о своих слабостях. А мы не по-

гибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях, и научимся преодолевать слабость. Капитализм, который мы допустили, необходимо было допустить. Если он уродлив и плох, мы можем это исправить, потому что власть у нас в руках, и нам бояться нечего. Это признают все, и смешивать это с сеянием паники смешотворно. Если бы мы боялись это признать, тогда неминуемо погибли бы! Но что мы этому научимся и захотим учиться этому, показывают три-четыре-пять лет, когда мы научились более сложным вещам в более короткие периоды времени. Правда, тогда нас подталкивала необходимость. На войне нас подталкивали чрезвычайно энергично, и, кажется, ни на одном фронте, ни в одном походе не обходилось без того, чтобы нас не подталкивали: сначала к Москве подходили на расстояние сотни верст, подходили к Орлу, были за пять верст от Петрограда... Вот когда мы настоящим образом спохватывались и начали и учиться, и применять свои плоды учения и выгнали неприятеля.

В тысячу раз труднее положение, когда приходится иметь дело с неприятелем, стоящим здесь в обыденщине экономической. Споры, которые в литературе до сих пор поднимались о государственном капитализме, споры эти, в лучшем случае, могут войти в исторический учебник. Я несколько не отрицаю пользы учебников и недавно писал, что было бы лучше, если бы наши литераторы поменьше уделяли внимания газетам, политической трескотне, а писали бы учебники, что превосходным образом сделали бы многие, в том числе и тов. Ларин. Там его качества чрезвычайно были бы полезны, тогда бы у нас была разрешена задача, которую тов. Троцкий хорошо подчеркнул, заявив, что основное дело сейчас — воспитание молодого поколения, а его не на чем воспитывать. В самом деле — на чем оно учится общественным наукам? На старом буржуазном хламе. Это — позор! И это тогда, когда у нас сотни марксистских литераторов, которые могут дать учебники по всем общественным вопросам, но не дают потому, что не тем заняты, не туда устремляются.

Относительно государственного капитализма нужно знать то, что должно стать лозунгом для агитации и пропаганды, что необходимо разъяснять, добиваться практического понимания. Это — то, что государственный капитализм у нас теперь не тот, о котором писали немцы. Это — капитализм, допущенный нами.

Мы приняли на съезде коммунистов решение, что государственный капитализм допущен нашим пролетарским государством, а государство, это — мы. Если плохо допустили, виноваты мы, нечего валить на другого! Надо учиться, добиваться того, чтобы государственный капитализм в пролетарском государстве не мог и не смел

выходить из рамок и условий, определенных ему пролетариатом, из условий, которые выгодны пролетариату. И тут было верно указано, что мы должны были считаться с крестьянством, как с массой, и дать ему свободную торговлю. Всякий разумный рабочий пошмагет, что это необходимо для пролетарской диктатуры, и только тов. Шляпников может шутить и издеваться над этим. Это усвоено всеми, достаточно разжевано тысячу раз, и вы просто не хотите этого понять. Если крестьянину необходима свободная торговля в современных условиях и в известных пределах, то мы должны ее дать, но это не значит, что мы позволим торговать сивухой. За это мы будем карать. Это не значит, что мы разрешим торговать политической литературой, которая называется меньшевистской и эс-эровской и которая вся содержится на деньги капиталистов всего мира.

Вот, о чем я говорил, когда я упомянул о пулеметах, и тов. Шляпников должен был это понять. То, что он говорит, это — пустяки!

Никого вы этим не запугаете и никакого сострадания к себе не возбудите!

Бедный Шляпников! Ленин собрался на него пулеметы выставить.

Речь идет о партийных мерах воздействия, а вовсе не о каких-то пулеметах. О пулеметах речь идет для тех людей, которые у нас теперь называются меньшевиками, эс-эрами и которые делают выводы о том, что вы, мол, говорите об отступлении к капитализму, и мы говорим то же: мы с вами согласны! Мы это слышим постоянно, и за границей идет гигантская агитация, что большевики хотят меньшевиков и эс-эров держать в тюрьмах, а сами допускают капитализм. Конечно, капитализм мы допускаем, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству. Это нужно! Без этого крестьянин жить и хозяйничать не может. А без эс-эровской и меньшевистской пропаганды он, русский крестьянин, мы утверждаем, жить может. А кто утверждает обратное, то тому мы говорим, что лучше мы все погибнем до одного, но тебе не уступим! И наши суды должны все это понимать. Когда мы переходим от ВЧК к государственно-политическим судам, то надо сказать на съезде, что мы не признаем судов внеклассовых. У нас должны быть суды выборные, пролетарские, и суды должны знать, что мы допускаем. Члены суда должны твердо знать, что такое государственный капитализм.

Вот в чем политический лозунг дня, а не в споре о том, как понимали немецкие профессора государственный капитализм, и как мы понимаем государственный капитализм. С тех пор мы очень много вынесли, и назад оглядываться совершенно не подобает.

До какой степени т. Преображенский политически совершенно глядит мимо, — это показывает его рассуждение об экономическом бюро или о программе. Такая прекрасная вещь эта программа, и так мы ее искажаем! И как может это делаться? Это делается от того, что читается буква за буквой и строчка за строчкой, а на дальнейшее человек глядеть не хочет. Выдернул цитату и говорит: вот тут был спор. Говорят, правильная линия была рабфаков и ком'ячеек, а не тех, которые говорили: «поосторожнее, поумереннее, будьте с этими спецами». Что ком'ячейки есть прекрасные ком'ячейки, и рабфаки есть прекрасные рабфаки, — это так, но они не застрахованы от ошибок, они не святые...

Да, ком'ячейки есть представители нашей партии, и рабфаки есть представители нашего класса, но что они делают ошибки, и мы должны их исправлять, это — азбучная истина. Как тут поправлять, я не знаю, потому что лично в собраниях ЦК, где обсуждался этот вопрос, не участвовал. Но я знаю, что пересол у нас имеется в смысле линии рабфаков и ком'ячеек против профессоров. Но когда ЦК, рассмотрев дело со всех сторон, увидел, что тут был пересол и что по отношению к этим профессорам, чужим, представителям не нашего класса нужно взять линию поосторожней, тогда является тов. Преображенский, вынимает программу и говорит: никаких политических уступок этому слою, иначе это — надувание программы.

Если так начать управлять партией, то это приведет нас, наверное к гибели. Не потому, что тов. Преображенский неправильно понимает политику вообще, а потому, что он подходит ко всему с тем, что составляет его сильную сторону: он теоретик, устремленный на определенные рамки, привычные и обычные, пропагандист, который занят разными мерами, направленными к тому, чтобы пропагандировать. Все знают и ценят эту сильную сторону. Экономбюро создавать?!. Ведь только что все говорили и все согласились, и получилось полное единогласие (а это очень важно): от этого единства и действие зависит), что аппараты партийный и советский следует размежевать.

Сделать это страшно трудно, — людей нет! Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и проч. вопросами? Ведь это все политические вопросы! А знаем мы хотя бы одного представителя этой нации? Да, но нам нет возможности узнать, а разрешать

эти вопросы необходимо, это—вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках.

Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей нации мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю и тов. Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме тов. Сталина.

Тоже относительно Рабкрина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах.

Тов. Преображенский предлагает экономбюро, но тогда все, что мы говорим о разделении партийной и советской работы, пойдет на смарку. Тов. Преображенский предлагает будто хорошую схему: с одной стороны, политбюро, затем экономбюро, оргбюро. Но гладко это только на бумаге, а в жизни смехотворно! Я решительно не понимаю, как мог человек, у которого есть чутье к живой политике, после 5 лет существования Советской власти, вносить и настаивать на таком предложении!

Чем у нас отличается оргбюро от политбюро? Ведь нельзя точно разграничить, какой вопрос политический и какой организационный. Любой политический вопрос может быть организационным, и наоборот. И только установленная практика, что из оргбюро можно перенести в политбюро любой вопрос, дала возможность правильно наладить работу ЦК.

Кто-нибудь, когда-нибудь предлагал иное? Никогда никто не предлагал, и потому, что иного исхода с точки зрения разумности предложить нельзя. Нельзя механически отделить политическое от организационного. Политика ведется через людей, а если будут писать бумажки другие люди, то ничего не выйдет.

Ведь вы знаете, бывали ведь революции, когда в парламентских собраниях писали бумажки, а проводили их люди другого класса. Получались щелчки, и их вышибали вон. Отделять организационные вопросы от политики нельзя. Политика—это сконцентрированная экономика.

Товарищ Кассиор²⁵⁾ жалуется на ЦК, фамилии назвал, я всех их записал, я лично не знаю и ответить не могу, но если вы, как партийный съезд, интересуетесь, ваша обязанность—выбрать комиссии по каждому имени и учинить Кассиору и соответственным лицам допрос с пристрастием. Здесь сущность дела в том, что если у ЦК отнимается право распоряжаться распределением людей, то он не

сможет направлять политику. Хотя мы и делаем ошибки, перебрасывая тех или иных людей, по все же я позволю себе думать, что политбюро ЦК за все время его работы сделало минимум ошибок. Это не самохвальство. Работа политбюро проверяется не комиссиями, не теми людьми, которые поставлены нашей же партией, по она проверяется белогвардейцами, она проверяется нашими врагами, доказательство этому — итоги политики, в которой крупных ошибок не было.

У тов. Осипского, сильная его сторона — с энергией и нажимом наступать на то дело, за которое он берется. Если бы эта сильная сторона была так обставлена, чтобы его слабая сторона была урезана (хотя Осинский будет кричать; он человек энергичный, а все-таки надо это сделать — иначе он, как работник, погиб). Я думаю, что мы в ЦК приняли меры, чтобы сочетать его слабые стороны с сильными.

Лучшим обвинительным материалом против тов. Осинского — если бы я хотел полемизировать с ним, а я не хочу этого — лучшим материалом было бы, отпечатать и вывесить на доске сегодняшнюю речь тов. Осинского... Был человек..

Будучи замнаркомом и руководящим лицом важнейшего из наркоматов, находясь в передних рядах тех людей, которые по любому вопросу дадут платформу, — он, этот человек, предложил перейти к системе кабинетной. Я утверждаю, что этот человек навсегда абсолютно убит... Я не стану это разбирать, подробно полемизировать, интерес весь в том, чтобы такая громадная сила, как тов. Осинский, была бы использована правильно. Если тов. Осинский по-товарищески не отнесется к тем советам, которые ему зачастую давались в ЦК и в которых я немало повинен, и не умерит себя в этой части, то он неизбежно и абсолютно свалится в болото, как это случилось сегодня.

Это очень неприятно бывает людям, которые любят проявить свою натуру; это стремление законно, если у человека богато одаренная натура, и он хочет ее проявить. Дай бог всякому. Но ЦК должен смотреть за тем, чтобы натура проявилась с пользой. ЦК должен устроить так, чтобы рассуждение о кабинете обрезать, и даже если этот человек, который подвергается, так сказать, обрезанию, и будет вносить жалобы. Это будет полезно. Нужно свои способности умерить, чтобы в это болото не заезжать, и советоваться с товарищами по наркоматам и проявлять общую линию, а у нас хотя бы в одном наркомате сделано что-нибудь без спора? Не сделано

«Улучшение системы управления и психологическая мобилизация масс». Это смертоубийство! Если бы на такую точку зрения политической реакции съезд встал, то это был бы вернейший и лучший способ самоубийства.

Улучшение системы управления?! Дай бог подойти к тому, чтобы выйти из той сутолоки, которая существует.

Мы системы не имеем?! 5 лет лучшие силы уходили на то, чтобы создать эту систему! Эта система есть величайший шаг вперед.

Практический аппарат плох! Знаем ли мы, как дело обстоит? Не знаем! А тов. Осинский говорит, как будто бы знает. Он, ведь, может сесть и в 10 минут написать систему управления, и, если не ограничить этого желания, это будет вредно и будет политической ошибкой. При другой же обстановке, если он и впредь будет относиться с тем же рвением, с каким относится к работе сейчас, работа будет очень полезна.

Вот вам иллюстрация. Затем о том, что когда я говорил насчет самого важного, тт. Преображенский и Осинский это доказали, а тов. Ларин это доказал сугубо. Посмотрите, что он сделал. Он обвинял меня и очень весело шутил и смеялся.

Это выходит у него великолепно, тут его сильная сторона. Если бы эта сильная сторона тов. Ларина не была связана с тем, что ему приходится применять ее к государственной работе, тов. Ларин принес бы в тысячу раз больше пользы Республике, потому что он человек очень способный и обладает большой фантазией. Эта способность чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна. даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности, но у товарища Ларина ее маленький избыток. Например, я сказал бы так, что если бы весь запас фантазии тов. Ларина разделить поровну на все число членов РКП, тогда бы получилось очень хорошо. А пока мы этой операции сделать не можем, до тех пор государственное, хозяйственно-плановое, экономическое дело предоставить тов. Ларину нельзя; было бы то же самое, что в старом ВСНХ, когда тов. Рыков еще не выздоровел, а работал и подписывал «Ю. Ларин» от имени всего Высовнархоза; было плохо не потому, что тов. Ларин проявлял только свои худшие свойства, а наоборот, — лучшие способности, ибо в его преданности и знании дела и тени ни у кого нет сомнения, а дело было поставлено все же неправильно.

Это я и говорил. Правда, это все прописи. Но насчет прописей еще Камков ²⁶⁾ на съезде эс-эров меня высмеивал. Камков говорил:

Ленин проповедует сегодня: «Не укради», а завтра прибавит: «Не прелюбы сотвори». Вот и вся премудрость Ленина. Это я от эс-эра Камкова слышал еще в 1918 году. И если Камков, который сопровождал эти доводы громом пушек, никакого впечатления не произвел, то тем паче не произведет и тов. Ларин. Сейчас нужно применить эти задачи к основным моментам нашей новой экономической политики. Тут тов. Ларин пытался вести партию по неверному направлению; а будь он занят тем делом, где у него проявится масса способностей и где он принесет большую пользу молодежи, и где он не сделает такой штуки, какую сделал в Госплане, было бы совершенно другое. Там для молодого поколения остались бы следы тов. Ларина. Я сказал, кажется, достаточно ясно. И не было бы той путаницы, которую здесь внес тов. Ларин.

Я читал, что тов. Каменев внес в политбюро предложение-директиву — признать ввоз продовольствия полезным, и чтобы консервы покупались на советские деньги. Ларин тут сидел, все великолепно слышал и все великолепно помнит и сейчас же, взойдя на эту трибуну, сказал: «Ленин забыл по болезни — простим ему на этот раз, — что для траты золотого фонда нужно войти в политбюро». Если бы тов. Каменев предлагал, чтобы мы золотой фонд давали французским спекулянтам на покупку консервов, мы бы и слушать его не стали. Ни одной копейки золотой на консервы не давали. Вульфсон ²⁷) меня вчера уверял даже, что эти консервы хорошего качества (хотя они еще не пришли). Но я ему не верю, раньше попробуем, потому что тут еще может быть надувательство. Но дело в том, что тут тов. Ларин сам спутал: ни одной копейки золотой не давали, а дали 160 миллиардов советских бумажек.

Конечно, было бы смешно и нелепо думать, что тов. Ларин, говоря так, делает это из злых намерений; нет, не в этом дело, но у него фантазия летает за триллион километров, и от этого получается то что дело запутывается.

Далее он сказал, что Госплан предлагал сдать в аренду $\frac{3}{4}$ железнодорожного транспорта. Хорошо, что он это сказал на партийном съезде, где Кржижановский тут же опроверг. Это не так часто бывает. А вы думаете, что попытка так говорить бывает только на партийном съезде? Угодно ли справиться в ЦКК, как они разбирали дело о дискуссионном клубе Москвы, почему вообще дело было о дискуссионном клубе Москвы, где тт. Ларин и Рязанов... (Рязанов с места: Насчет золотого фонда не говорил там, говорили хуже.) Я не был в Москве, не участвовал в разборе этого дела, имел только краткое извещение... (Рязанов: Не всякому слуху верить.) Я знаю

это из беседы с тов. Сольцем ²⁸⁾, это не слух, а беседа с лицом, которое высшим партийным съездом назначено в ЦКК, — он мне сказал и то, что он мне сказал, не может вызвать никакого сомнения. Называть это слухом можно от большого легкомыслия. ЦКК разбирала дело о поведении дискуссионного клуба, и ей пришлось единогласно указать на неправильность постановки дела. Для меня ясно, в чем неправильность. Сегодня Ларин мимоходом, потому что он увлекся, это собственная речь его подогнала, договорился, что сдают в аренду $\frac{3}{4}$ железнодорожного транспорта, и ЦК исправил. Кржижановский говорит, что ничего подобного—ЦК не исправил и Ларин напутал. Так бывает постоянно.

Мы не умеем за 4 года научиться такому делу, чтобы приставить полезного работника Ларина к настоящей полезной работе и отставить от той работы, в которой он против своей воли приносит вред.

Кажется, довольно противоестественно: диктатура пролетариата, террористическая власть, победа над всеми армиями в мире, кроме победы над армией Ларина. Тут поражение полное! Возьмется всегда за то, за что браться не нужно. Его громадные знания, умение увлечь людей принесли бы насущнейшую пользу молодому поколению, которое идет впотьмах. Его знаний мы не умеем использовать, поэтому начинаются трения, сопротивление; тут политбюро, оргбюро, ЦК, пленумы ЦК, которые обвиняются в чрезмерной власти, оказываются имеющими недостаточно власти или авторитета, чтобы правильно распределить всех товарищей.

Над этим надо подумать и серьезно обсудить этот вопрос. В этом центр тяжести работы, это исправить нужно. Если это исправим, мы из трудности выйдем. Этого достигнем исправлением, а не тем, что будем говорить о новых задачах аграрной программы, о чем говорили Осинский и Ларин. Я на нее написал рецензию в ЦК. О ней я сейчас говорить не буду — всякий член партии, который интересуется ею, имеет право это взять и прочитать в секретариате. Пожалуйста! Если правильно приложить силы Ларина и Осинского, при отсечении их неверных устремлений, мы получим гигантскую пользу от применения их сил.

Я заканчиваю несколькими словами о Шляпникове. Я хотел говорить о нем больше. Троцкий, который по поручению ЦК вместе с Зиновьевым, в Коминтерне давал ответ на заседании о 22-х ²⁹⁾,

исчерпал эту тему на $\frac{99}{100}$.

Тов. Шляпников, во-первых, прикинулся непонимающим того, по поводу чего я говорил о пулеметах и панекерах; шутил, что меня,

мол, так много раз судили. Товарищи, шутка, конечно, хорошая вещь. Без шуток, конечно, нельзя говорить на большом собрании, потому что люди устали; надо по-человечески понимать. Но есть вещи, которыми шутить непозволительно; есть такие вещи, как единство партии.

Когда мы врагами окружены со всех сторон, когда международная буржуазия достаточно умна, чтобы Милюкова пересадить налево, а эс-эров снабдить деньгами на издание каких угодно газет, двинуть Вандервельде ³⁰⁾, Отто Бауэра, поднять кампанию по поводу суда над эс-эрами ³¹⁾, кричать, что большевики — звери; когда эти люди сотни лет учились политике, имеют миллиарды в своем распоряжении золотых рублей, франков и т. д., когда все это мы имеем против себя — при таких условиях шутить, как тов. Шляпников шутит, что «меня в ЦК судили» и т. д., это, товарищи, печально. Партийному съезду надо сделать определенные выводы. Мы зря в ЦК судов не устраиваем! Суд над Шляпниковым был, и не хватило в ЦК голосов чтобы исключить его из партии. Членам партии, собравшимся на партийный съезд, надо поинтересоваться этим, взять протокол этого собрания ЦК. Этим не шутят!

Обратиться к Коминтерну вы имеете законное право. Но задолго до этого обращения громадное большинство ЦК было за исключение тов. Шляпникова, — нехватило законных двух третей голосов. Шутить с этим нельзя! Не мешает вам познакомиться с тем, что тов. Шляпников на собрании фракции членов съезда вел прямую агитацию за раскол.

О роли брошюры тов. Коллонтай ³²⁾ тов. Троцкий сказал.

Если мы такими вещами будем шутить, тогда речи не может быть о том, чтобы мы устояли в трудном положении, в котором мы находимся. Для того, чтобы мы устояли, я выставлял три условия: первое — если не будет интервенции, второе — если финансовый кризис не будет слишком тяжел, третье — чтобы мы не делали политических ошибок.

Кто-то тут из ораторов сказал, что будто бы я говорил о политических осложнениях. Нет, я говорил о политических ошибках. Если мы не сделаем политической ошибки, тогда я могу сказать,

99
100
партии будет с нами так же, как и беспартийные рабочие и крестьяне, которые поймут, что теперь время учебы.

Я вспоминаю, что в своей статье по поводу годовщины Красной армии тов. Троцкий сказал: «год учебы». И для партии, и для рабочего класса этот лозунг так же верен. Мы за это время накопили

много геройских людей, которые закрепили безусловно перелом во всемирной истории. Это не оправдание, что мы не поняли задачи, которая теперь стоит перед нами: «год учебы».

Теперь мы стоим гораздо крепче, чем стояли год назад. Конечно, и теперь буржуазия попытается сделать новую интервенцию, но это им дастся труднее, чем раньше; сегодня это труднее, чем вчера.

Чтобы осуществить учебу, мы должны не допускать политической ошибки. Мы не должны тратить время на игру в единство партии, как это делает тов. Шляпников. Так играть нельзя! Мы знаем, что от борьбы в партии мы немало теряем. Этому урока забывать нельзя! За этот год ЦК с полным правом может сказать, что партия пришла на съезд менее фракционной и более единой, чем в прошлом году. Я не хочу хвастаться, чтобы все фракционное в партии исчезло. Но что этой фракционности стало меньше — это самый бесспорный факт, уже доказанный.

Вы знаете, что «Рабочая оппозиция» — она уже есть обломом прежней. Сравните подписи заявления 22-х с подписями платформы, которая была перед X съездом. Здесь — не все подписи. Надо сказать тем людям, которые законно используют свое право обращения в Коминтерн, что было незаконно ходатайствовать за Мясникова. История с Мясниковым была летом прошлого года. Тогда меня в Москве не было, и я ему написал длинное письмо³²), которое он поместил в своей брошюрке. Я видел, что способности у человека есть, что с ним стоит переговорить, но надо сказать человеку, что если он с такой критикой выступит, то это будет недопустимо.

Он пишет письмо: соберите по данному району всех недовольных. Да, собрать в данном районе всех недовольных очень нетрудно. Вот речи, какие здесь держал Шляпников, и не здесь держит тов. Медведев. (Медведев: Кто вас информирует?) Меня информируют учреждения, установленные съездом РКП: Оргбюро ЦК, Секретариат ЦК, ЦКК. Обратитесь к ним, если желаете, и вы увидите, какие речи держит тов. Медведев. Если этого не прекратить, то мы единства не сохраним, а это едва ли не главное завоевание: беспощадно ошибки наши вскрывать и говорить о них. Если мы это ясно сознаем, а на этом съезде это достигается, тогда нет ни тени сомнения, что мы их преодолеть сумеем.

Заключительное слово перед закрытием съезда.

(Заседание 2 апреля 1922 г.)

Товарищи! Мы подошли к концу работ нашего съезда.

Первое отличие, которое бросается в глаза при сравнении этого съезда с предыдущим, это — большая сплоченность, большее единодушие, большое организационное единство.

Лишь небольшая часть одной части оппозиции прошлого съезда поставила себя вне партии.

По вопросу о профсоюзах и о новой экономической политике разногласий в нашей партии не оказалось, или не оказалось в сколько-нибудь заметном размере.

Коренное и главное, что мы приобрели нового на этом съезде, это — живое доказательство неправоты наших врагов, которые, не уставая, твердили, что партия наша впадает в старчество, теряет гибкость ума и гибкость всего своего организма.

Нет. Этой гибкости мы не потеряли. Когда надо было по всему объективному положению вещей и в России и во всем мире идти вперед, наступая на врага с беззаветной смелостью, быстротой, решительностью, мы так и поступали. Когда понадобится, сумеем это сделать и еще раз, и еще раз.

Мы подняли этим нашу революцию на невиданную еще в мире высоту, никакая сила в мире, сколько бы зла, бедствий и мучений она ни могла принести еще миллионам и сотням миллионов людей, основных завоеваний нашей революции не возьмет назад, ибо это уже теперь не «наше», а всемирно-историческое завоевание. А когда оказалось к весне 1921 г., что нашему передовому отряду революции грозит опасность оторваться от массы народа, от массы крестьянской, которую он должен умело вести вперед, тогда мы единодушно и твердо решили отступить. И за истекший год мы отступали в общем и целом в революционном порядке.

Революциям пролетариата, которые зреют во всех передовых странах мира, не удастся решить своей задачи без того, чтобы соединить умение беззаветно бороться и наступать с умением отступать в революционном порядке. Опыт второй полосы нашей борьбы, т.-е. опыт отступления, тоже пригодится, вероятно, в будущем рабочим, по крайней мере, некоторых стран, как, несомненно, пригодится рабочим всех стран наш опыт первой полосы революции, опыт беззаветно смелого наступления. Теперь мы постановили признать

отступление законченным. Это значит, что по-повому ставится вся задача нашей политики.

Весь гвоздь теперь в том, что авангард не побоялся задачи поработать над самим собою, переделать самого себя, признать открыто свою недостаточную подготовленность, недостаточное умение.

Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой не иначе, как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед. Такую задачу при данном международном положении, при данном состоянии производственных сил России можно решить, лишь решая ее очень медленно, осторожно, деловито, тысячу раз проверяя практически каждый шаг.

Если найдутся в нашей партии голоса, которые будут против этого архимедлешого и архисторожного движения, — эти голоса будут одиноки.

Партия в целом поняла стоящие перед ней задачи. Теперь она на деле докажет, что поняла необходимость построить в данный момент свою работу именно так, и только так. А раз мы это поняли мы сумеем добиться своей цели.

Объявляю XI съезд закрытым.

Письмо гражданину Штейнмец ³⁴⁾.

Дорогой мистер Штейнмец!

Душевно благодарю Вас за Ваше дружественное письмо от 16 февраля 1922 года. Я должен признаться к стыду моему, что первый раз услышал Ваше имя всего только немного месяцев тому назад от товарища Кржижановского, который был председателем нашей «Государственной комиссии по выработке плана электрификации России» и состоит теперь председателем «Государственной общеплановой комиссии». Он рассказал мне о выдающемся положении, которое Вы заняли среди электротехников всего мира.

Товарищ Мартенс ³⁵⁾ познакомил меня теперь больше с Вами своими рассказами о Вас. Я увидел из этих рассказов, что Вас привели к сочувствию Советской России, с одной стороны, Ваши социально-политические воззрения. С другой стороны, Вы, как представитель электротехники и притом в одной из передовых по развитию техники стран, убедились в необходимости и неизбежности замены капитализма новым общественным строем, который установит планомерное регулирование хозяйства и обеспечит благосостояние всей народной массы на основе электрификации целых стран. Во всех странах мира растет медленнее, чем того следует желать, но неудержимо и неуклонно растет число представителей науки, техники, искусства, которые убеждаются в необходимости замены капитализма иным общественно-экономическим строем, и которых «страшные трудности» борьбы Советской России против всего капиталистического мира не отталкивают, не отпугивают, а, напротив, приводят к сознанию неизбежности борьбы и необходимости принять в ней посильное участие, помогая новому осилить старое.

В особенности хочется мне поблагодарить Вас за Ваше предложение помочь России советом, указаниями и т. д. Так как отсутствие официальных и законно-признанных отношений между Советской Россией и С. Штатами крайне затрудняет и для нас и для

Вас практическое осуществление Вашего предложения, то я позволю себе опубликовать и Ваше письмо и мой ответ в надежде, что тогда многие лица, живущие в Америке или в странах, связанных торговыми договорами и с С. Штатами и с Россией, помогут Вам (информацией, переводами с русского на английский и т. п.) осуществить Ваше намерение — помочь Советской Республике.

*«Правда» № 85,
19 апреля 1922 г.*

К десятилетнему юбилею „Правды“.

Десять лет исполнилось со времени основания легальной «Правды»³⁶⁾ — легальной по царским законам — большевистской ежедневной газеты. А перед этим десятилетием стоит еще, примерно, десятилетие: девять лет (1903—1912 г.), считая со времени возникновения большевизма, а если считать со времени основания вполне «большевистской» по направлению старой «Искры»³⁷⁾ (1900), то тринадцать лет (1900—1912).

Десятилетний юбилей ежедневной, в России издаваемой большевистской газеты... Только десять лет прошло с тех пор. А прожито по содержанию борьбы и движения за это время лет сто. Быстрота общественного развития за последнее пятилетие прямо-таки сверхъестественная, если мерить на старые мерки, на мерки европейских филистеров, вроде героев второго и двухсполовинного Интернационалов, — этих цивилизованных филистеров, которые привыкли считать «естественным», чтобы сотни миллионов людей (свыше миллиарда, если быть точным) в колониях, в полузависимых и совсем бедных странах соглашались терпеть обращение с ними, как с индусами или китайцами, терпеть неслыханную эксплуатацию, и прямой грабеж, и голод, и насилия, и издевательства, все ради того, чтобы «цивилизованные» люди могли «свободно», «демократично», «парламентски» решать вопрос, мирно ли поделить добычу или перебить десяток-другой миллионов для раздела империалистической добычи — вчера между Германией и Англией, завтра между Японией и Америкой (с тем или иным участием Франции и Англии).

Основная причина этого громадного ускорения мирового развития есть вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей. Старая буржуазная и империалистическая Европа, которая привыкла считать себя пупом земли, загнила и лопнула в первой империалистической бойне, как вонючий нарыв. Как бы ни хныкали

по этому поводу Шпенглеры⁸⁸⁾ и все способные восторгаться или хотя бы заниматься им образованные мещане, но этот упадок староевропейской Европы означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистским грабежом и угнетением большинства населения земли.

Это большинство теперь проснулось и пришло в движение, которое не в силах остановить самые сильные и «могущественные» державы. Куда им! Теперешние «победители» в первой империалистской войне не в силах победить даже маленькой, ничтожно маленькой Ирландии, не в силах победить даже той путаницы, которая создавалась между ними самими в финансовых и валютных вопросах. А Индия и Китай кипят. Это — свыше 700 миллионов человек. Это с добавлением окрестных и вполне подобных им азиатских стран — большая половина населения земли. Там надвигается, неудержимо и все быстрее надвигается, 1905 год с тем существенным и громадным отличием, что в 1905 году революция в России могла еще пройти (по крайней мере, сначала) изолированно, т.-е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А растущая в Индии и в Китае революция уже сейчас втягивается в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию.

Десятилетний юбилей ежедневной легальной большевистской «Правды» показывает нам наглядно одну из вех великого ускорения величайшей мировой революции. В 1906—1907 годах царизм разбил революцию, казалось бы, наголову. Большевистская партия сумела через немного лет продвинуться — в другой форме, по-иному — в цитадель врага и ежедневно «легально» начать работу взрыва проклятого царского и помещичьего самодержавия изнутри. Прошло еще немного лет, и организуемая большевизмом пролетарская революция победила.

Когда основывалась старая «Искра», в 1900 году, в этом участвовал какой-нибудь десяток революционеров. Когда возникал большевизм, в этом участвовало, на нелегальных съездах Брюсселя и Лондона в 1903 году⁸⁹⁾, десятка четыре революционеров.

В 1912—1913 годах, когда возникла легальная большевистская «Правда», за ней стояли десятки и сотни тысяч рабочих, своими копеечными сборами победивших и гнет царизма, и конкуренцию мелкобуржуазных предателей социализма — меньшевиков.

В ноябре 1917 года на выборах в Учредилку голосовало за большевиков 9 миллионов из 36. А на деле, не в голосовании, а в борьбе за большевиков было в конце октября и в ноябре 1917 года большинство пролетариата и сознательного крестьянства, в лице боль-

пипства делегатов II Всероссийского съезда Советов, в лице большинства самой активной и сознательной части трудящегося народа, именно тогдашней двенадцатимиллионной армии.

Такова маленькая цифровая картинка «ускорения» всемирного революционного движения за последнее двадцатилетие. Очень маленькая, очень неполная картинка, в которой очень грубо выражена история всего только 150-миллионного народа, тогда как за эти двадцать лет началась и выросла в непобедимую силу революция в странах с населением до одного миллиарда и свыше (вся Азия, да не забыть еще Южной Африки, которая недавно напомнила о своей претензии быть людьми, а не рабами, и напомнила не совсем «парламентски»).

И если какие-нибудь, извините за выражение, «шпеиглерята» умозаклучат отсюда (всякой глупости надо ожидать от «вумных» вождей второго и двухсполовинного Интернационалов), будто этим расчетом исключается из революционных сил пролетариат Европы и Америки, то мы ответим: упомянутые сейчас «вумные» вожди рассуждают постоянно так, будто из того обстоятельства, что через девять месяцев после зачатия следует ожидать рождения ребенка, вытекает возможность определить и час, и минуту родов, и положение ребенка при родах, и состояние роженицы во время родов, и точную степень болей и опасностей, которые предстоит претерпеть ребенку и роженице. «Вумные» люди. Они никак не могут догадаться, что с точки зрения развития международной революции переход от чартизма к лакействующим перед буржуазией Гендерсонам ⁴⁰⁾, или от Варлена ⁴¹⁾ к Ренделю ⁴²⁾, или от Вильгельма Либкнехта ⁴³⁾ и Бебеля к Зюдекуму ⁴⁴⁾, Шейдеману и Носке есть лишь нечто, вроде «перехода» автомобиля от гладкого и ровного шоссе в сотни верст к грязной, вонючей лужице на том же шоссе, к лужице в несколько аршин.

Люди сами творят свою историю. Но чартисты ⁴⁵⁾, Варлены и Либкнехты творят ее своей головой и своим сердцем. А вожди второго и двухсполовинного Интернационалов «творят» ее совсем другими частями тела: удобряют почву для новых чартистов, для новых Варленов, для новых Либкнехтов.

Самообман был бы величайшим вредом для революционеров в настоящий труднейший момент. Хотя большевизм стал международной силой, хотя во всех цивилизованных и передовых странах уже родились новые чартисты, новые Варлены, новые Либкнехты, растущие в виде легальных (как была легальна наша «Правда» при царизме десять лет тому назад) коммунистических партий, тем не ме-

нее, международная буржуазия остается пока все еще несравненно более сильной, чем ее классовый противник. Эта буржуазия, сделавшая все, от нее зависящее, чтобы затруднить роды, чтобы удесятерить опасности и муки родов пролетарской власти в России, в состоянии еще осудить на муки и на смерть миллионы и десятки миллионов людей посредством белогвардейских и империалистских войн и т. д. Этого мы не должны забывать. О этой особенности теперешнего положения вещей мы должны умело сообразовать свою тактику. Мучить, истязать, убивать буржуазия пока может свободно. Но остановить неминуемую и — с всемирно-исторической точки зрения — совсем недалекую полную свободу революционного пролетариата она не может.

*«Правда» № 98,
5 мая 1922 г.*

Письмо V всероссийскому съезду профессиональных союзов.

Дорогие товарищи!

Мне первый раз приходится, после долгой болезни, выступить — хотя бы и письменно — перед съездом. Позвольте мне поэтому ограничиться горячим приветствием и немногими краткими словами о положении и задачах нашей промышленности и нашей Республики. Наше положение особенно трудно, потому что нет средств для восстановления основного капитала — машин, орудий, зданий и т. п., а ведь именно эта промышленность, так называемая «тяжелая индустрия», есть основная база социализма. В капиталистических государствах обычно восстанавливают этот основной капитал посредством займов. Нам не хотят дать займа, пока мы не восстановим собственности капиталистов и помещиков, а мы этого сделать не можем и не сделаем. Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстановить разрушенные жел. дороги, машины, здания и проч. Во всем мире мы пока остаемся одни, как государство, в котором трудящиеся крестьяне, под руководством рабочих, строят социализм, решительно отказываясь от руководства капиталистов, которые, прикрываясь всякими пышными словами о демократии, свободе и т. п., на деле укрепляют частную собственность капиталистов и помещиков, создают господство немногих богачей, делящих весь земной шар и воюющих между собой за его переделы, за порабощение сотен миллионов народов, более слабых и отсталых.

Пока мы остаемся одни, задача восстановления нашего народного хозяйства ложится на наши плечи необыкновенно тяжело. Необходимо величайшим образом напрягать силы всех крестьян и всех рабочих, необходимо усовершенствовать и удешевлять наш государственный аппарат, который у нас еще очень плох, чтобы улучшить положение трудящихся и восстанавливать, хотя бы по-немногу, наше разрушенное войной империалистической и войной гражданской хозяйство.

Пусть каждый сознательный крестьянин и рабочий, которым случится прийти в уныние под влиянием тяжелых условий жизни или чрезвычайной медленности нашего государственного строительства, припомнит недавнее прошлое с господством капиталистов и помещиков. Такое воспоминание вернет ему бодрость в работе. Всеми силами, со всех сторон усилить и улучшить работу — в этом единственное спасение рабоче-крестьянской власти.

*«Правда» № 210,
19 сентября 1922 г.*

„Обществу друзей Советской России“ в Америке ⁴⁶⁾.

Дорогие товарищи!

Я только что проверил специальным опросом Пермского губисполкома те чрезвычайно благоприятные сведения, которые были опубликованы в наших газетах относительно работы членов вашего общества, во главе с Гарольд Веер ⁴⁷⁾, с тракторным отрядом Пермской губ. на совхозе (советском хозяйстве) «Тойкино».

Несмотря на гигантские трудности, в особенности, в виду крайней отдаленности от центра указанного места работы, а также в виду разорения Колчаком во время гражданской войны, вы достигли успехов, которые следует признать совершенно исключительными.

Спешу выразить вам свою глубокую признательность, с просьбой опубликовать в органе вашего Общества, а также, если возможно, и в общей прессе Северо-Американских Соединенных Штатов.

Я вхожу с ходатайством в президиум ВЦИК о признании этого советского хозяйства образцовым и об оказании ему специальной и экстраординарной помощи как в отношении строительных работ, так и в снабжении бензином, металлом и др. материалами, необходимыми для организации ремонтной мастерской.

Еще раз выражаю вам от имени нашей Республики глубокую благодарность и прошу иметь в виду, что ни один вид помощи не является для нас столь своевременным и столь важным, как оказанный вами.

*«Правда» № 240,
24 октября 1922 г.*

„Обществу технической помощи Советской России“⁴⁸⁾.

Дорогие товарищи!

В наших газетах появились чрезвычайно благоприятные сведения относительно работ членов вашего Общества в советских хозяйствах Кирсановского уезда, Тамбовской губ., и при ст. Митино, Одесской губ., а также о работе группы шахтеров Донецкого бассейна.

Несмотря на гигантские трудности и, в особенности, в виду разорения во время гражданской войны, вы достигли успехов, которые следует признать исключительными.

Спешу выразить вам свою глубокую признательность, с просьбой опубликовать в органе вашего Общества, а также, если возможно, и в общей прессе С.-А. Соед. Штатов.

Я вхожу с ходатайством в президиум ВЦИК о признании наиболее выдающихся хозяйств образцовыми и об оказании им специальной и экстраординарной помощи, необходимой для благоприятного развития их работы.

Еще раз выражаю вам от имени нашей Республики глубокую благодарность и прошу иметь в виду, что ваша помощь по тракторной обработке земли является для нас особенно своевременной и важной.

Особенное удовольствие мне доставляет возможность поздравить вас с предполагаемой вами организацией 200 сельско-хозяйственных коммун.

*«Правда» № 240,
24 октября 1922 г.*

Речь на IV сессии ВЦИК.

(Заседание 31 октября 1922 г.)

Товарищи, позвольте мне ограничиться лишь небольшими словами приветствия. Прежде всего необходимо, конечно, направить наше приветствие нашей Красной армии, которая на днях оказала

еще раз свою доблесть и, взявши Владивосток, очистила всю территорию последней из республик, связанных с Советской Республикой⁴⁹). Я уверен, что выражу общее мнение, когда скажу, что мы все здесь приветствуем этот новый подвиг Красной армии и приветствуем также то, что к окончанию войны сделан шаг, кажется, достаточно решительный: сброшены в море последние силы белогвардейцев. Я думаю, папа Красная армия надолго нас избавила от всякого возможного повторения натиска белогвардейцев на Россию, или на какую бы то ни было из республик, прямо или косвенно, тесно или более менее отдаленно с нами связанных.

Но вместе с тем мы должны также сказать, чтобы сразу же не впасть в тон чрезмерного самохвальства, что здесь сыграли роль не только подвиг Красной армии и силы ее, а и международная обстановка и наша дипломатия.

Было время, когда Япония и Соединенные Штаты подписывали соглашения о поддержке Колчака. Это время ушло так далеко, что многие из нас, пожалуй, о нем совсем и забыли. Но оно было. И если мы добились того, что подобное соглашение уже невозможно, что японцы, несмотря на всю их военную силу, объявили о своем уходе и выполнили это обещание, то тут, конечно, есть заслуга и нашей дипломатии. В ближайшем будущем нашим дипломатам предстоит показать себя еще раз на вопросе громадной важности, на вопросе, в котором мы заинтересованы существенным образом — на ближневосточной конференции, которую Англия созывает 13 ноября в Лозанне⁵⁰). Я уверен, что наши дипломаты и там в грязь лицом не ударят и что интересы всех федеральных республик вместе с РСФСР мы сумеем и там отстоять; во всяком случае, мы сумеем добиться того, чтобы ясно открыть перед массами, где помеха, в чем она состоит, в какой степени идет она против наших законнейших желаний и стремлений, и не только наших, а и всех государств, заинтересованных в вопросе о проливах.

Этими краткими замечаниями о внешней политике я и ограничусь, и теперь перейду к вашим работам.

Я думаю, что здесь мы успехов достигли очень немалых, несмотря на то, что, может быть, с первого взгляда вопросы эти казались кому-нибудь не столь важными. Возьмем первый кодекс, который у нас уже проведен, — кодекс о труде. Это — громадное завоевание Советской власти, что в такое время, когда все страны ополчаются на рабочий класс, мы выступаем с кодексом, который прочно устанавливает основы рабочего законодательства, как, например, 8-часовой рабочий день. Правда, может быть, можно было бы по от-

ношению к этому кодексу выразить то или иное пожелание большего. Я думаю, однако, что подобное пожелание было бы неправильно.

Надо считаться с тем, что из всех государств, в которых теперь идет бешеная капиталистическая конкуренция, в которых — миллионы и десятки миллионов безработных, в которых капиталисты организуют своими силами могущественные капиталистические союзы, организуют поход на рабочий класс, — из всех них мы наименее культурны, производительные силы у нас развиты менее всех, работать мы умеем хуже всех. Это очень неприятно, может быть, что нам приходится в этом сознаться. Но я думаю, что именно потому, что мы таких вещей не прикрывали благовидными фразами и казенными восклицаниями, а сознаемся в них прямоком — именно потому, что мы все это сознаем и не боимся сказать с трибуны, что на исправление этого направлено больше сил, чем у любого из государств, мы и добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали.

Конечно, это не фантастическая быстрота, конечно, нам нужно несколько лет упорного труда, чтобы этого добиться. Разумеется, с сегодня на завтра ничего не сделаешь. Мы пять лет уже прожили и научились вопросу о том, что значит срок. И надо, чтобы мы этому учились и дальше. В фантастическую быстроту каких бы то ни было пермен у нас никто не поверит, но зато в быстроту действительную, в быстроту, по сравнению с любым периодом исторического развития, взятым как он был, — в такую быстроту, если движение руководится действительно революционной партией, в такую быстроту мы верим, и такой быстроты мы во что бы то ни стало добьемся.

Затем я коснусь вопроса о кодексе земельном, который вами проведен. В этом отношении, вы знаете, наши законы с первого же дня после знаменитого 27-го октября 1917 г. сразу, в отличие от всех и всяких законов, выступили с положением о земле, которое технически, а может быть, и юридически, было очень несовершенно, но которое все существенное, что для крестьянина абсолютно необходимо, что обеспечивало ему союз с рабочим — дало. И начиная с этого времени, как ни трудно было нам прожить текущие пять лет в непрерывных войнах, мы своих забот о том, чтобы крестьянин получил наибольшее удовлетворение в земле, не оставляли. И если тот закон, который теперь вами принят, тоже окажется в тех или иных отношениях заслуживающим поправок, мы без всякого затруднения эти дальнейшие поправки, дальнейшие улучшения будем принимать так же, как вы вот сию минуту принимали поправки и улучшения к нашему уголовному кодексу. Вопрос о земле, вопрос об устрой-

стве быта громадного большинства населения — крестьянского населения — для нас вопрос коренной. В этом отношении мы уже добились того, что русский крестьянин знает, что всякое предложение, касающееся изменения старых законов, встретит у нас всегда не только не тормоз, а, напротив, самое благожелательное отношение в высшем законодательном нашем учреждении.

Затем у вас были еще на рассмотрении такие вопросы, как кодекс гражданский, общее судоустройство. При той политике, которую вы поставили твердо и относительно которой у вас не может быть колебаний, это — вопрос для широкой массы населения самый важный. Мы и здесь старались соблюсти грани между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребление нэп'ом, которое во всех государствах легально, и которое мы легализовать не хотим. Насколько успешны те поправки, которые мы вынесли специально с этой целью и которые вы одобрили, — это покажет будущее. Мы ни в коем случае не будем себе связывать рук на этот счет. Если текущая жизнь обнаружит злоупотребления, которых мы не досмотрели раньше, мы сейчас же внесем нужные исправления. На этот счет вы все, конечно, прекрасно знаете, что быстроты законодательства, подобной нашему, другие державы, к сожалению, не знают. Посмотрим, не заставит ли недалекое будущее их тоже позаботиться о том, чтобы в этом отношении немножечко нагнать Советскую Россию.

Дальше, из вопросов, не менее важных, надо остановиться на вопросе, который вы также здесь подвели к окончательному решению. Это — вопрос о съездах советов на местах и о губисполкомах. Это — вопрос, который очень опаздывал при всех прежних системах и законодательствах и при всех прежних конституциях. Это считалось неважным. Казалось, что на местах можно оставить и старинку. Мы думаем наоборот. Мы убеждены, что если наша революция достигла тех успехов, каких она достигла, то это потому, что именно власти на местах, опыту самих мест мы всегда уделяли главное свое внимание. Если революция в октябре 1917 г. добилась сразу таких успехов, что к весне 1918 г. нам казалось, что война уже прекращена, а на самом деле она только начиналась в худшей своей форме, в форме гражданской войны, на самом деле мир с немцами означал поддержку этими немцами худших элементов гражданской войны. На самом деле тогдашний мир с немцами, который к осени развалился, означал сплошь и рядом поддержку этих элементов из союзных держав, которые нас же обвиняли в заключении мира с немцами, — и если,

говорю, революция с такой быстротой в несколько месяцев сделала свое дело, то это потому, что мы всецело полагались на местные элементы, что мы открывали им полный простор действий, что мы именно с мест ждали того энтузиазма, который создал непреоборимость и быстроту действий нашей революции. Я знаю, что с тех пор нашим местам приходилось переживать много весьма различных, так сказать, пертурбаций. Отношение мест к центру составляло нашу немалую задачу, и я вовсе не хочу сказать, что эта задача всегда решалась нами идеально: при общем уровне культуры, который мы имеем, нам о таком идеальном решении мечтать нечего. Но что она решена искреннее, правдивее и прочнее, чем в каком бы то ни было другом государстве, — это мы можем сказать смело.

Я сейчас должен кончить и коснусь еще только одного вопроса, который меня особенно интересует и который, я думаю, должен также интересовать и всех вас, хотя формально ни на вашей повестке, ни в списке вопросов он не стоит. Это — вопрос о нашем государственном аппарате, старый и вечно новый вопрос.

В 1918 г., в августе месяце, мы произвели перепись нашего аппарата в Москве. Мы получили число 231.000 государственных и советских служащих в Москве, число, обнимающее и центральных служащих и местных московских, городских. Недавно, в октябре 1922 г., мы произвели эту перепись еще раз, уверенные, что мы сократили наш раздутый аппарат и что он должен уже, наверное, оказаться меньшим. Он оказался в 243.000 чел. Вот вам итоги всех сокращений. Этот пример потребует еще большего труда изучения и сопоставлений. Тогда, в 1918 г., когда мы, так сказать, в первом пылу реформы, произвели подобную перепись, мы, говоря попросту, почти ничего путного извлечь из ее итогов не могли. Не до того было. Гражданская война не оставляла нам ни малейшей свободной минуты. Теперь мы надеемся, что это будет сделано. Мы уверены, что наш аппарат, который страдает весьма многими недостатками, который раздут гораздо больше, чем вдвое, который очень часто работает не для нас, а против нас, — эту правду нечего бояться сказать, хотя бы и с трибуны высшего законодательного учреждения нашей Республики, — будет улучшен. Для того, чтобы его улучшить, нужно много труда и умения. У нас есть подступы к очень серьезной работе над вопросом, в чем именно должно состоять это улучшение, но пока только подступы — отдельные статьи, отдельные местные исследования. Если мы все уйдем отсюда с решимостью посвятить этому вопросу гораздо больше внимания, чем это обыкновенно делалось. с решимостью поменьше времени уделять суетне и суетлоке — а мы

все сплошь и рядом уделяем этому непомерное количество времени, — а будем изучать действительно наш аппарат и работать над ним годами, то это будет громадным завоеванием, это и будет обеспечением нашего успеха. Мы должны иметь мужество сказать, что мы создаем свой аппарат стихийно. Лучшие рабочие шли и брались за самые трудные обязанности в области военной и в области гражданской, брались сплошь и рядом неправильно, но умели поправляться и работать. Соотношение между этими, может быть, десятками мужественных людей и сотнями тех, которые сидят или саботируют, или полусаботируют, путаясь в объеме своих бумаг, это соотношение губило сплошь и рядом наше живое дело в непомерном море бумаг. Мы должны самым обстоятельным образом изучить этот вопрос, которого до сих пор изучить не могли. Годы и годы должны пройти, годы и годы мы должны учиться, потому что уровень культуры наших рабочих низок, рабочим трудно взяться за совершенно новое дело производства, а только на одних рабочих мы можем положиться в смысле искренности и энтузиазма. Годы и годы должны пройти, чтобы мы добились улучшения нашего государственного аппарата, подъема его не в смысле отдельных лиц, а в полном его объеме, на высшие ступени культуры. Я уверен, что, посвятив свои силы в дальнейшем такой же работе, какая была проделана настоящей сессией, мы к результатам лучшим и лучшим подойдем необходимо и неизбежно.

*«Правда» № 247,
1 ноября 1922 г*

IV КОНГРЕСС
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

(3 ноября — 3 декабря 1922 г.)

IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Избранные доклады, речи и резолюции.
Издание Госуд. Издательства.
1923 г.

Пять лет российской революции и перспективы мировой революции.

(Заседание 13 ноября 1922 г.)

Товарищи, я числюсь в списке ораторов главным докладчиком, но вы поймете, что после моей долгой болезни сделать большого доклада я не могу, и мне придется дать лишь введение к важнейшим вопросам. Моя тема будет весьма ограниченной. Тема «5 лет российской революции и перспективы мировой революции» слишком обширна, чтобы ее вообще мог исчерпать один оратор в одной речи. Поэтому я беру себе только небольшую часть этой темы, именно — вопрос о новой экономической политике. Я умышленно беру только эту малую часть, чтобы ознакомить вас с этим важнейшим теперь вопросом, — важнейшим, по крайней мере, для меня, ибо я над ним сейчас работаю.

Итак, я буду говорить о том, как мы начали новую экономическую политику, и каких результатов мы с ее помощью достигли. Если я ограничусь этим вопросом, то я, вероятно, сумею сделать общий обзор и дать общее представление о данном вопросе.

Если начать с того, как мы пришли к новой экономической политике, то я должен обратиться к одной статье, написанной мною в 1918 г. ⁵¹⁾. В начале 1918 г. я как раз коснулся вопроса, какое положение должны мы занять по отношению к государственному капитализму. Я писал тогда:

«Государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего (т.-е. против тогдашнего) экономического положения дел в нашей Советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм».

Это было сказано, конечно, в то время, когда мы были поглупее, чем сейчас, но не настолько уж глупы, чтобы не уметь рассматривать такие вопросы.

Я держался таким образом в 1918 г. того мнения, что по отношению к тогдашнему хозяйственному состоянию Советской республики государственный капитализм представлял собой шаг вперед. Это звучит очень странно и, быть может, даже нелепо, ибо уже и тогда наша республика была социалистической республикой; тогда как раз мы предпринимали каждый день с величайшей поспешностью — вероятно, с излишней поспешностью, — различные хозяйственные мероприятия, которые нельзя назвать иначе, как социалистическими. И все же я и тогда полагал, что государственный капитализм по сравнению с тогдашним хозяйственным положением Советской республики представляет собой шаг вперед. Чтобы разъяснить эту мысль я просто перечислил основные элементы нашего хозяйственного строя. Эти элементы, по-моему, следующие: 1) патриархальная, т.-е. наиболее примитивная форма сельского хозяйства; 2) мелкое товарное производство (сюда относится и большинство крестьянства, продающее хлеб); 3) частный капитализм; 4) государственный капитализм, и 5) социализм.

Все эти хозяйственные элементы были представлены в тогдашней России. Я поставил себе тогда задачу разъяснить, в каком отношении друг к другу находятся эти элементы, и не следует ли один из несоциалистических элементов, именно государственный капитализм, расценивать выше, чем социализм. Я повторяю: это всем кажется странным, что несоциалистический элемент оценивается выше, чем социализм, в республике, которая назвала себя социалистической. Но это недоумение разъяснится, если вы вспомните, что мы не рассматривали хозяйственный строй России, как нечто однородное и высокоразвитое, а в полной мере сознавали, что имеем в России патриархальное земледелие, т.-е. наиболее примитивную форму земледелия на-ряду с формой социалистической. Итак, какую роль может играть государственный капитализм в такой обстановке?

Я далее спрашивал себя: какой из этих элементов является преобладающим? Ясно, что в мелкобуржуазной среде господствует мелкобуржуазный элемент. И я тогда сознавал, что мелкобуржуазный элемент преобладает; представить себе положение иначе было невозможно. Вопрос, который я тогда поставил себе в связи с полемикой по иному, совершенно частному вопросу, был: как мы относимся к государственному капитализму? И я ответил себе: государственный капитализм, хотя он и не является социалистической формой, был бы для нас и для России формой более благоприятной, чем те-перешняя. Что это означает? Это означает, что мы не переоценивали: ни зародышей, ни основ социалистического хозяйства, хотя мы уже:

и совершили социальную революцию. Мы уже тогда в известной степени сознавали, что было бы лучше, если бы мы раньше пришли к государственному капитализму, а уже затем — к социализму.

Я должен особенно подчеркнуть эту часть потому, что, полагаю, только исходя из этого, во-первых, можно объяснить, что представляет собой теперешняя экономическая политика, и, во-вторых, из этого можно сделать важные практические выводы для Коммунистического Интернационала. Я этим не хочу сказать, что у нас уже был готовый план отступления. Этого не было. Эти краткие полемические строки не были в то время ни в коем случае планом отступления. Об одном очень важном пункте, — о свободе торговли, — который имеет основное значение для государственного капитализма, здесь нет еще ни слова.

И все же общая, неопределенная идея отступления этим была уже дана.

Я полагаю, что этот вопрос заслуживает внимания не только с точки зрения России, которая и до сих пор остается отсталой, но и с точки зрения Коммунистического Интернационала и западноевропейских передовых стран. Теперь, например, мы заняты выработкой программы. Я лично полагаю, что правильнее было бы, если бы мы обсуждали все программы лишь предварительно, так сказать, в первом чтении, и дали бы их отпечатать, но окончательно решение вынесли бы не сейчас, не в настоящем году. Почему? Прежде всего, конечно, потому, что мы едва ли могли хорошо их продумать. А затем, еще и потому, что мы почти совершенно не продумали вопроса о возможном отступлении и об обеспечении этого отступления. А между тем, с этим вопросом необходимо считаться в деле переустройства мира, уничтожения капитализма и связанного с такими трудностями создания социалистического строя. Рассчитать, как мы будем действовать, если прямо перейдем в нападение и при этом одержим победу, — этого мало. В революционное время это уж не так трудно, но и не так важно, по крайней мере, это не есть самое главное. Во время революции бывают такие моменты, когда противник теряется, и если мы на него тогда обрушимся, то можем его легко победить. Но это еще ничего не означает, так как наш противник, если он имеет достаточную выдержку, может заранее собрать силы и пр. Он легко может спровоцировать нас на нападение и затем отбросить на многие годы назад. Вот почему я полагаю, что мысль о том, что мы должны подготовить себе возможность отступления, имеет очень важное значение, и не только с теоретической точки зрения, но также и практически важно, чтобы этот вопрос продумали все партии, которые

в ближайшем будущем готовятся перейти в прямое наступление против капитализма, чтобы они предвидели, как обеспечить себе отступление. Если мы учтем этот урок на ряду со всеми другими уроками из опыта нашей революции, то это нам, конечно, не только не принесет никакого вреда, но, вероятно, принесет нам большую пользу.

После того как я подчеркнул, что мы уже в 1918 году рассматривали государственный капитализм, как возможную линию отступления, я перехожу к результатам нашей новой экономической политики. Я повторяю: тогда это была очень неопределенная идея, но в 1921 г., после того как мы проделали все важнейшие этапы гражданской войны и проделали с успехом, мы наткнулись на большой — я полагаю, на самый большой — внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, несознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас.

Чем было вызвано это своеобразное, и для нас, разумеется, очень неприятное, положение? Причина была та, что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, не обеспечив себе достаточной базы. Массы почувствовали то, чего мы тогда еще не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель, признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы, и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление и ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель.

Кризис начался, мне кажется, в феврале 1921 года. Уже весной того же года мы единогласно решили — больших разногласий по этому поводу я не заметил — перейти к новой экономической политике. Я полагаю, что теперь, по истечении полутора лет, в конце 1922 г., мы уже в состоянии сделать некоторые сравнения. Что мы пережили за этот период более чем в полтора года? Каков результат? Принесло ли нам пользу это отступление, и действительно ли спасло оно нас, или определенный результат еще не намечился? Это — главный вопрос, который я себе ставлю. Я полагаю, что этот главный вопрос имеет первостепенное значение и для всех коммунистических партий, ибо если ответ был бы дан отрицательный, то все было бы обречено на гибель. Я полагаю, что мы со спокойной совестью можем утвердительно ответить на этот вопрос, а именно — в том смысле, что про-

шедшие полтора года с абсолютной несомненностью показали, что мы этот экзамен выдержали.

Перехожу к доказательствам. Я должен для этого кратко коснуться всех составных частей нашего хозяйства.

Прежде всего остановлюсь на нашей финансовой системе и знаменитом русском рубле. Я думаю, что можно русский рубль считать знаменитым, хотя бы уже потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион. Это уже кое-что. Это — астрономическая цифра, и я уверен, что здесь не все знают, что эта цифра означает. Но мы не считаем, и притом с точки зрения экономической науки, эти числа уж чересчур важными. Нули можно зачеркнуть, и мы уже это искусство, которое с экономической точки зрения тоже совершенно неважно, немного постигли. И я уверен, что в дальнейшем ходе вещей достигнем в этом искусстве еще большего. Что действительно важно, это — вопрос стабилизации рубля. Над этим вопросом работают лучшие наши силы, и этой задаче мы приписываем решающее экономическое значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать этот рубль — значит, мы выиграли. Тогда все эти астрономические цифры, все эти триллионы и квадриллионы — ничто. Тогда мы сможем наше хозяйство твердо поставить и твердо вести. Я могу вам привести по этому вопросу довольно важные и решающие факты. В 1921 г. период устойчивости курса бумажного рубля продолжался менее трех месяцев. В текущем 1922 году, хотя он еще и не закончился, этот период продолжался свыше пяти месяцев. Я полагаю, что этого уже достаточно. Конечно, этого недостаточно, если вы хотите от нас научного доказательства, что мы в будущем полностью разрешим эту задачу. Но доказать это целиком и полностью, по моему мнению, вообще невозможно. Те цифры, которые я вам сообщил, показывают, что с прошлого года, когда мы начали новую экономическую политику, до сегодняшнего дня мы уже научились идти вперед. Если мы этому научились, то я уверен, что мы научимся и впредь добиваться на этом пути дальнейших успехов, если только не сделаем какой-нибудь особой глупости.

Самое важное, однако, это — торговля, именно товарный оборот, который нам необходим. И если мы справились с ней в течение двух лет, несмотря на то, что находились в состоянии войны (ибо, как вам известно, Владивосток занят всего несколько недель тому назад), несмотря на то, что мы только теперь можем начать вести вполне систематически нашу хозяйственную деятельность, — если мы все же добились того, что период устойчивости поднялся с трех месяцев до пяти, то, я полагаю, мы имеем основание сказать, что

мы этим можем быть довольны. Ведь мы одни, мы не получили и не получаем никаких займов ни от одного из тех мощных капиталистических государств, которые так «блестяще» ведут свое капиталистическое хозяйство: ни одно из них нам не помогло. Версальским миром они создали такую финансовую систему, в которой они сами не разбираются. Если эти великие капиталистические государства так хозяйничают, то я полагаю, что мы, отсталые и необразованные, можем все же быть довольны тем, что мы добились важнейшего: подняли основу стабилизации рубля. Это доказывается не каким-нибудь теоретическим анализом, а практикой, а она, я считаю, важнее, чем все теоретические дискуссии. Практика же показывает, что мы здесь добились решающих результатов, именно — начинаем приспосабливать хозяйство в направлении стабилизации рубля, что имеет решающее значение для торговли, для свободного товарооборота, для крестьян и громадной массы мелких производителей.

Теперь я перехожу к нашим социальным целям. Самое главное, это — конечно, крестьянство.

В 1921 г. мы безусловно имели налицо недовольство громадной части крестьянства. Затем мы имели голод. И это означало для крестьянства самое тяжелое испытание. И вполне естественно, что вся заграница закричала тогда: «вот, смотрите, вот результаты социалистической экономики». Вполне естественно, конечно, что вся заграница промолчала о том, что на самом деле голод является чудовищным результатом гражданской войны. Все помещики и капиталисты, начавшие наступление на нас в 1918 году, представляли дело так, будто голод является результатом социалистической экономики.

Голод был действительно большим и серьезным несчастьем, таким несчастьем, которое грозило уничтожить всю нашу организационную и революционную работу.

Я спрашиваю: после этого небывалого и неожиданного бедствия, как обстоит дело теперь, после того, как мы ввели новую экономическую политику, после того, как мы предоставили крестьянам свободу торговли? Ответ ясен и у всех на глазах. Крестьянство за один год не только справилось с голодом, но и сдало продналог в таком объеме, что мы уже теперь получили сотни миллионов пудов, и притом почти без применения каких-либо мер принуждения. Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 г., так сказать, определяли общую картину России, почти совершенно исчезли. Мы спокойно можем утверждать, что крестьянство довольно своим настоящим положением. Мы считаем, что эти доказательства более важны, чем

какие-нибудь статистические доказательства. Что крестьянство является у нас решающим фактором, — в этом никто не сомневается. И это крестьянство находится теперь в таком состоянии, что нам не приходится опасаться с его стороны какого-нибудь движения против нас. Мы говорим это с полным сознанием, без преувеличения. Это уже достигнуто. Крестьянство может быть недовольно той или другой стороной работы нашей власти, и оно может жаловаться на это.

Это, конечно, возможно и неизбежно, так как наш аппарат и наше государственное хозяйство еще слишком не налажены. Но возможность какого бы то ни было серьезного недовольства нами со стороны всего крестьянства, во всяком случае, совершенно исключена. Это достигнуто в течение одного года. Я полагаю, что это очень много.

Перехожу дальше к легкой индустрии. Мы должны нашу промышленность разделить на 2 части: тяжелую и легкую, так как они находятся в разных положениях. Что касается легкой промышленности, то я могу спокойно сказать: здесь наблюдается общий подъем. Я не буду вдаваться в детали. В мою задачу не входит приводить статистические данные. Но это общее впечатление основано на фактах, и я могу заверить, что в нем нет ничего неверного или неточного. Мы имеем общий подъем легкой промышленности и в связи с этим определенное улучшение положения рабочих как Петрограда, так и Москвы. В остальных районах это наблюдается в меньшей степени, потому что там преобладает тяжелая промышленность, так что этого не надо обобщать. Во всяком случае, я повторяю, легкая промышленность находится в безусловном подъеме, и улучшение положения рабочих Петрограда и Москвы — несомненно. В обоих этих городах весной 1921 г. господствовало недовольство среди рабочих. Теперь этого нет совершенно. Мы, которые изо дня в день следим за положением и настроением рабочих, не можем ошибиться в этом вопросе.

Третий вопрос, это — тяжелая промышленность. Здесь я должен сказать, что положение все еще остается тяжелым. Известный поворот в этом положении наступил в 1921 г. Мы можем таким образом надеяться, что положение в ближайшем будущем улучшится. Мы отчасти собрали для этого необходимые средства.

В капиталистической стране для улучшения положения тяжелой промышленности потребовался бы заем в сотни миллионов, без которых улучшение было бы невозможно. И экономическая история капиталистических стран показывает, что в отсталых странах только долгосрочные стомиллионные займы в долларах или в золотых рублях

могли бы быть средством для поднятия тяжелой промышленности. У нас этих займов не было, и мы ничего не получили.

То, что теперь пишут о концессиях и прочем, ничего почти не составляет, кроме бумаги. Писали мы об этом в последнее время много, в особенности, между прочим, и об уркартовской концессии. Все-таки наша концессионная политика кажется мне очень хорошей. Но, несмотря на это, концессий мы еще не видели. Этого я прошу не забывать.

Таким образом, тяжелая промышленность оказалась действительно тяжелым вопросом для отсталой страны, так как мы не могли рассчитывать на займы в богатых странах. Несмотря на это, мы наблюдаем уже заметное улучшение и мы видим далее, что наша торговая деятельность принесла нам уже некоторый капитал. Правда, пока очень скромный, немногим превышающий двадцать миллионов золотых рублей. Во всяком случае, начало положено: наша торговая деятельность дает нам средства, необходимые для улучшения положения тяжелой промышленности.

Теперь наша тяжелая промышленность находится еще в очень трудном положении. Но я полагаю, что решающим является то обстоятельство, что мы уже в состоянии кое-что сберечь, и это мы будем делать и впредь.

Правда, часто это делается за счет населения, но мы должны теперь экономить и работать над тем, чтобы сократить наш государственный бюджет, сократить наш государственный аппарат. Я скажу еще в дальнейшем несколько слов о нашем государственном аппарате.

Мы должны его, во всяком случае, сократить, мы должны экономить, сколько только возможно. Мы экономим на всем, даже на школах. Почему? Потому что мы знаем, что без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности. Без нее же мы вообще погибнем, как самостоятельная страна.

Мы знаем, что спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало, — не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления, — этого тоже еще мало, — нам необходима также *тяжелая* индустрия. Потребуется несколько лет работы, чтобы привести ее в хорошее состояние.

Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если у нас не найдется этих субсидий, то мы, как цивилизованное государство — я уже не говорю, как социалистическое, — погибли.

И в этом отношении мы сделали решительный шаг. А именно, — мы начали накапливать средства, необходимые для того, чтобы поставить тяжелую индустрию на ноги. Для начала, в этом году мы накопили еще очень мало, немногим больше двадцати миллионов золотых рублей. Но, во всяком случае, эта сумма имеется, и мы используем ее не иначе, как для того, чтобы поднять нашу тяжелую индустрию.

Я думаю, что в общем я вкратце, как это обещал, изложил главные элементы нашего народного хозяйства. И мне кажется, что из всего этого можно сделать вывод, что новая экономическая политика уже теперь дала плюс. Уже теперь мы имеем доказательство того, что мы, как государство, в состоянии вести торговлю, сохранить за собою самую сильную позицию сельского хозяйства и индустрии и идти вперед. Практическая деятельность это доказала. Я думаю, что этого для нас пока достаточно. Нам придется еще многому учиться, и мы поняли, что нам еще необходимо учиться. Пять лет мы держим власть и притом в течение всех этих пяти лет мы находились в состоянии войны. Мы, стало быть, имели успех.

Это понятно, потому что крестьянство было за нас. Трудно быть более за нас, чем было крестьянство. Оно понимало, что за белыми стоят помещики, которых оно ненавидит больше всего на свете. И поэтому крестьянство со всем энтузиазмом, со всей преданностью стояло за нас. Чтобы крестьянство нас защищало и чтобы оно, ненавидевшее ранее войну, делало все для войны против белых, для этой гражданской войны против помещиков, — достигнуть этого было нетрудно. Тем не менее, это было еще не все, потому что в сущности здесь дело шло только о том, останется ли власть в руках помещиков или в руках крестьян. Для нас это было недостаточно. Крестьяне понимают, что мы захватили власть для рабочих и имеем перед собой цель — создать социалистический порядок, опираясь на эту власть. Поэтому важнее всего была для нас экономическая подготовка социалистического хозяйства. Мы не могли подготовить социалистического хозяйства прямым путем, мы принуждены были сделать это окольными путями. Государственный капитализм, как мы его установили у нас, является своеобразным государственным капитализмом; он не соответствует обычному понятию государственного капитализма.

Мы имеем в своих руках все командные высоты, мы имеем в своих руках землю, она принадлежит государству. Это очень важно, хотя наши противники и представляют дело так, будто это ничего не значит.

Это неверно. То обстоятельство, что земля принадлежит государству, чрезвычайно важно и имеет также большое практическое

значение в экономическом отношении. Этого мы добились, и я должен сказать, что и вся наша дальнейшая деятельность должна развиваться только в этих рамках.

Мы уже достигли того, что наше крестьянство довольно, что промышленность и торговля оживают. Я уже сказал, что наш государственный капитализм отличается от буквально понятого государственного капитализма тем, что мы имеем в руках пролетарского государства не только землю, но и все важнейшие части промышленности. Прежде всего мы сдали в аренду лишь известную часть мелкой и средней индустрии, все же остальное остается в наших руках. Что касается торговли, я хочу еще подчеркнуть, что мы стараемся основывать смешанные общества, что мы уже основываем их, т.-е. общества, где часть капитала принадлежит частным капиталистам, притом иностранным, а другая часть — нам. Во-первых, мы таким путем учимся торговать, а это нам необходимо, и, во-вторых, мы всегда имеем возможность, в случае если мы сочтем это необходимым, ликвидировать такое общество, так что мы, так сказать, ничем не рискуем. У частного капиталиста мы учимся и приглядываемся к тому, как развивать промышленность, и какие ошибки мы совершаем. Мне кажется, что этим я могу ограничиться.

Отмечу еще некоторые небольшие пункты.

Несомненно, что мы сделали и еще сделаем колоссальное количество глупостей. Никто не может судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я. Почему мы делаем глупости? Это понятно: во-первых, мы — отсталая страна, во-вторых, образование в нашей стране минимальное, в-третьих, мы не получаем помощи извне. Ни одно цивилизованное государство нам не помогает. Напротив, они все работают против нас.

В-четвертых, по вине нашего государственного аппарата. Мы переняли старый государственный аппарат, и это было нашей бедой.

Государственный аппарат очень часто работает против нас. Дело было так, что в 1917 году, после того, как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал, а мы тогда очень испугались и попросили: «пожалуйста, вернитесь к нам назад». И вот они все вернулись, и это было нашим несчастьем. У нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, но что там, внизу, где они распоряжаются, там они очень часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только не-

сколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу — сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих сознательно, отчасти бессознательно против нас. Здесь в короткий срок ничего не поделаешь, это — несомненно. Придется работать в течение нескольких лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы. Мы это делаем довольно быстрым темпом, может быть, слишком быстрым. Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся, может быть, слишком быстро, но, во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат.

Я сказал, что мы совершили неимоверное количество глупостей, но я должен сказать также кое-что в этом отношении и о наших противниках. Если наши противники указывают нам, как, например, на то, что, дескать, Ленин сам признает, что большевики совершили неимоверное количество глупостей, я хочу ответить на это: да, знаете, наши глупости все-таки совсем другого рода, чем ваши.

Мы только начали учиться, но учимся с такой систематичностью, что мы уверены, что добьемся хороших результатов. Но если наши противники, т.-е. капиталисты и герои II Интернационала, подчеркивают совершенные нами глупости, то я позволю себе привести здесь для сравнения слова одного знаменитого русского писателя. Этот пример я несколько изменяю, тогда он получится в таком виде: если большевики делают глупости, то большевик говорит: «дважды два — пять». А если его противники, т.-е. капиталисты и герои II Интернационала, делают глупости, то у них выходит: «дважды два — стеариновая свечка». Это нетрудно доказать. Возьмите, например, договор с Колчаком, заключенный Америкой, Англией, Францией, Японией. Я спрашиваю вас: имеются ли более просвещенные и могущественные державы в мире? И что же получилось? Они обещали Колчаку помощь, не сделав подсчета, не размышляя, не наблюдая. Это было фиаско, которое, по-моему, трудно даже понять с точки зрения человеческого рассудка.

Теперь второй пример, еще более близкий и более важный: версальский мир. Что сделали здесь «великие», «покрытые славой» державы?

Как могут они теперь найти выход из этого хаоса и бессмыслицы? Я думаю, что это не будет преувеличением, если я повторю, что наши глупости еще ничто по сравнению с теми глупостями, которые совер-

шают вкупе капиталистические государства, капиталистический мир и II Интернационал. Поэтому, я полагаю, что перспективы мировой революции — тема, которой я должен вкратце коснуться, — благоприятны. И при одном определенном условии, я полагаю, они станут еще, лучшими. Об этих условиях я хотел бы сказать несколько слов.

В 1921 году на III конгрессе ⁵²⁾ мы приняли одну резолюцию об организационном построении коммунистических партий и о методах и содержании их работы. Резолюция прекрасна, но она почти насквозь русская, т.-е. все взято из русских условий. В этом ее положительная сторона, но также и отрицательная. Отрицательная потому, что я убежден, что почти ни один иностранец прочесть ее не может — я эту резолюцию вновь перечитал перед тем, как это сказать. Во-первых, она слишком длинна, в ней 50 или больше параграфов. Таких вещей обыкновенно иностранцы не читают. Во-вторых, если они ее даже прочтут, то никто из них ее не поймет, именно потому, что она слишком русская. Не потому, что она написана по-русски, — она прекрасно переведена на все языки, — но она насквозь проникнута русским духом. И, в-третьих, если в виде исключения какой-нибудь иностранец ее поймет, то он не сможет ее выполнить. Я беседовал с некоторыми прибывшими сюда делегатами и надеюсь в дальнейшем ходе конгресса подробнее поговорить со многими из них. У меня создалось впечатление, что мы совершили с этой резолюцией большую ошибку, что мы сами отрезали себе путь к дальнейшему успеху. Как я уже говорил, резолюция составлена прекрасно, я подписываюсь под всеми ее 55 или больше параграфами. Но мы не поняли, как следует подходить к иностранцам с нашим русским опытом. Все сказанное в резолюции осталось мертвой буквой. Но если мы этого не поймем, мы не сможем продвинуться дальше.

Я полагаю, что самое важное для нас всех как для русских, так и для иностранных товарищей то, что мы после 5 лет российской революции должны учиться. Мы теперь только получили возможность учиться. Я не знаю, как долго эта возможность будет продолжаться, и не знаю, как долго капиталистические державы предоставят нам возможность учиться. Но каждый момент, свободный от боевой деятельности, от войны, мы должны использовать для учебы.

Вся партия и все слои России доказывают это своим порывом к учению. Этот порыв к учению показывает, что важнейшей задачей для нас является сейчас: учиться и учиться.

Учиться также должны и иностранные товарищи. Правда, не в том смысле, как учимся мы — читать, писать и понимать прочитан-

ное, в чем мы еще нуждаемся. Спорят о том, относится ли это к пролетарской или буржуазной культуре? Этого я не знаю, во всяком случае, я скажу: нам необходимо прежде всего учиться читать, писать и понимать прочитанное. Иностранцам этого не нужно. Им нужно уже нечто более высокое: сюда относится прежде всего и то, чтобы также поняли, что мы писали об организационном построении коммунистических партий, и что иностранные товарищи подписали, не читая и не понимая. Это должно стать их первой задачей. Необходимо привести эту резолюцию в исполнение. Этого нельзя сделать за одну ночь, это абсолютно неважно. Резолюция слишком русская: она отражает российский опыт, поэтому она иностранцам совершенно непонятна, и они не могут удовлетвориться тем, что повесят ее, как икону, в угол и будут на нее молиться. Этим ничего достигнуть нельзя. Они должны воспринять часть русского опыта. Как это произойдет, этого я не знаю. Может быть, нам окажут большие услуги, например, фашисты в Италии, тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены, и что их страна еще не гарантирована от черной сотни. Может быть, это будет очень полезно. Мы, русские, должны тоже немного попытаться разъяснить иностранцам основы этой резолюции. Иначе они не в состоянии эту резолюцию выполнить. Я убежден в том, что мы должны в этом отношении сказать не только русским, но и иностранным товарищам, что важнейшее в наступающий теперь период, это — учеба. Мы учимся в общем смысле. Вы же должны учиться в специальном смысле, чтобы постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы. Если это совершится, тогда, я убежден, перспективы мировой революции будут не только хорошими, но и превосходными.

Речь на пленуме Московского Совета Р., К. и К. Д.

(Заседание 19 ноября 1922 г.)

Я очень сожалею и очень извиняюсь, что не мог прибыть на ваше заседание раньше. Вы, насколько мне известно, собирались несколько недель тому назад устроить мне возможность посетить Моск. Совет. Мне не удавалось сделать это потому, что после болезни, начиная с декабря месяца, я, выражаясь языком профессионалиста, потерял работоспособность на довольно длительный срок, и в силу уменьшения работоспособности мне пришлось откладывать с недели на неделю настоящее выступление. Мне пришлось также очень значительную долю работы, которую я вначале, как вы помните, взвалил на тов. Цюрупу, а потом на тов. Рыкова, еще дополнительно взвалить на тов. Каменева. И надо сказать, что на нем, выражаясь сравнением, которое я уже употребил, оказалось внезапно два воза. Хотя, продолжая то же сравнение, надо сказать, что лошадка оказалась исключительно способной и ретивой, но все-таки тащить два воза не полагается, и я теперь с нетерпением жду времени, когда вернутся гг. Цюрупа и Рыков, и мы разделим работу хоть немножко по справедливости. Я же в силу уменьшения работоспособности должен присматриваться к делам в гораздо более значительный срок, чем это хотел бы. В декабре 1921 г., когда мне пришлось совершенно прервать работу, у нас был копец года. Тогда мы осуществляли переход на новую экономическую политику, и оказалось тогда же, что этот переход хотя мы с начала 1921 г. за него и взялись, довольно труден, я сказал бы — очень труден.

Прошло более полутора лет, как мы этот переход осуществляем, когда, казалось бы, пора уже большинству пересесть на новые места и разместиться сообразно новым условиям, в особенности условиям новой экономической политики.

В отношении внешней политики у нас изменений оказалось всего меньше. Здесь мы продолжали тот курс, который был взят раньше,

и я считаю, могу сказать вам по чистой совести, что продолжали его совершенно последовательно и с громадным успехом. Вам, впрочем, об этом подробно докладывать не нужно: взятие Владивостока, следовавшая за сим демонстрация и государственно-федеративное заявление, которое вы на днях прочли в газетах, доказали и показали яснее ясного, что в этом отношении нам ничего менять не приходится. Мы стоим на дороге, совершенно ясно и определенно очерченной, и обеспечили себе успех перед государствами всего мира, хотя некоторые из них до сих пор готовы заявлять, что садиться с нами за один стол не желают. Тем не менее, экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, налаживаются непременно. Всякое государство, которое этому притиводействует, рискует оказаться опоздавшим и, может быть, кое в чем, довольно существенном, рискует оказаться в невыгодном положении. Это все мы теперь видим и не только из газет. Я думаю, что и из поездов за границу товарищи убеждаются в том, как велики происшедшие изменения. В этом отношении у нас не было, так сказать, если употребить старое сравнение, никаких пересадок ни на другие поезда ни на другие упряжки.

А вот что касается внутренней нашей политики, то здесь пересадка, которую мы произвели весной 1921 года, которая нам была продиктована обстоятельствами чрезвычайной силы и убедительности, так что между нами никаких трений и никаких разногласий относительно этой пересадки не было, вот эта-то пересадка продолжает причинять нам некоторые трудности, продолжает причинять нам, я скажу, большие трудности. Не потому, что мы сомневались бы в необходимости поворота, — никаких сомнений в этом отношении нет, — не потому, что мы сомневались бы: дала ли проба этой нашей новой экономической политики те успехи, которых мы ожидали. Никаких сомнений на этот счет, могу сказать совершенно определенно, также нет ни в рядах нашей партии, ни в рядах громадной массы беспартийных рабочих и крестьян.

В этом смысле вопрос не представляет трудностей. Трудности являются оттого, что перед нами встала задача, для решения которой нужно очень часто привлечение новых людей, нужно проведение чрезвычайных мер и чрезвычайных приемов. У нас есть еще сомнения относительно правильности того или другого, есть изменения в том или другом направлении, и нужно сказать, что и то, и другое останется еще в течение довольно приличного времени. «Новая экономическая политика». Странное название. Эта политика названа новой экономической политикой потому, что она поворачивает назад.

Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики. Где и как мы должны теперь перестроиться, приспособиться, переорганизоваться, чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед, — мы еще не знаем. Чтобы провести все эти действия в нормальном порядке, нужно, как говорит пословица, не десять, а сто раз примерить, прежде чем решить. Нужно для того, чтобы справиться с теми невероятными трудностями, которые нам представляются в проведении всех наших задач и вопросов. Вы знаете прекрасно, сколько жертв принесено при достижении того, что сделано, вы знаете, как долго тянулась гражданская война и сколько сил она взяла. И вот, взятие Владивостока показало нам (ведь, Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенький), показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям. И здесь и там — РСФСР. Это стремление избавило нас и от врагов гражданских и от врагов внешних, которые наступали на нас. Я говорю о Японии.

Мы завоевали дипломатическую обстановку вполне определенную, и она есть не что иное, как дипломатическая обстановка, признанная всем миром. Вы это все видите. Вы видите результаты этого, а сколько потребовалось для этого времени! Мы сейчас добились признания своих прав нашими врагами как в экономической, так и в торговой политике. Это доказывает заключение торговых договоров.

Мы можем видеть, почему нам, полтора года назад вступившим на путь так называемой новой экономической политики, почему нам так невероятно трудно двигаться на этом пути. Мы живем в условиях государства, настолько разрушенного войною, настолько выбитого из всякой сколько-нибудь нормальной колеи, настолько пострадавшего и потерпевшего, что мы теперь поневоле все расчеты начинаем с маленького, маленького процента — процента довоенного. Эту мерку мы прикладываем к условиям нашей жизни, прикладываем иногда очень нетерпеливо, горячо и всегда убеждаемся, что тут имеются трудности необъятные. Задача, которую мы тут себе поставили, тем более представляется необъятной, что мы ее сравниваем с условиями обычного буржуазного государства. Мы себе поставили эту задачу потому, что понимали, что помощи от богатейших держав, которая обычно в этих условиях приходит, этой помощи нам ждать нечего. После войны гражданской нас поставили в условия почти бойкота, т.-е. нам сказали: той экономической связи, которую мы привыкли

оказывать и которая в капиталистическом мире является нормальной, мы ее вам не окажем.

Прошло больше 1¹/₂ года с тех пор, как мы вступили в новую экономическую политику, прошло значительно больше со времени заключения нами 1-го международного договора, и, тем не менее, до сих пор этот бойкот нас всей буржуазией и всеми правительствами продолжает сказываться. Мы не могли ни на что другое рассчитывать, когда пошли на новые экономические условия, и, тем не менее, у нас не было сомнений в том, что мы должны перейти и должны добиться успеха в одиночку. Чем дальше, тем больше выясняется, что всякая помощь, которая могла бы нам быть оказана, которая будет нам оказана со стороны капиталистических держав, она не только этого условия не устранил, она, по всей вероятности, в громадном большинстве случаев, это условие еще усилит, еще обострит. «В одиночку», мы себе сказали. «В одиночку», говорит нам почти каждое из капиталистических государств, с которыми мы какие бы то ни было сделки совершали, с которыми мы какие бы то ни было условия завязывали, с которыми мы какие бы то ни было переговоры начинали. И вот в этом особая трудность. Нам надо эту трудность сознать. Мы выработали свой государственный строй больше чем трехгодовой работой, невероятно тяжелой, невероятно полной героизма. В условиях, в которых мы были до сих пор, нам некогда было разбирать — не сломаем ли мы чего лишнего, некогда было разбирать — не будет ли много жертв, потому что жертв было достаточно много, потому что борьба, которую мы тогда начали (вы прекрасно знаете, и распространяться об этом не приходится), эта борьба была не на жизнь, а на смерть против старого общественного порядка, против которого мы боролись, чтобы выковать себе право на существование, на мирное развитие. Его мы завоевали. Это не наши слова, не показание свидетелей, которые могут быть обвинены в пристрастии к нам. Нет, это показание, в большинстве случаев, тех, которые были, конечно, пристрастны только совсем не в нашу сторону (к Деникину, к героям Владивостока, оккупации и т. д.). Теперь мы должны, со всем вниманием присматриваясь к нашим задачам, понять, что главной задачей теперь будет не отдавать старых завоеваний. Ни одного из старых завоеваний мы не отдаем. Вместе с тем мы стоим перед задачей совершенно новой; старое может оказаться прямой помехой. Эту задачу понять всего труднее. А ее нужно понять, чтобы научиться работать, когда нужно, так сказать, вывернуться совершенно наизнанку. Я думаю, товарищи, что эти слова и лозунги понятны, потому что в течение почти года, что мне пришлось отсутствовать, на разные лады, по сотням поводов, вам приходилось

практически, имея дело с предметом работы в своих руках, говорить и думать об этом, и я уверен, что размышления об этом вас могут привести только к одному выводу: от нас теперь требуется еще больше той гибкости, которую мы применяли до сих пор на попроще гражданской войны.

От старого мы не должны отказываться. Целый ряд уступок, которые приноравливают нас к державам капиталистическим, — этот ряд уступок дает полную возможность вступать державам в сношения с нами, обеспечивает их прибыль, может быть, иногда большую, чем следует. На днях в газетах обсуждался вопрос о концессии, предлагаемой англичанином Уркартом, который до сих пор шел почти все время против нас в гражданской войне. Он говорил: «Мы своей цели добьемся в гражданской войне против России, против той самой России, которая посмела нас лишить того-то и того-то». И после всего этого нам пришлось вступить с ним в сношения. Мы не отказались от них, мы приняли их с величайшей радостью, но мы сказали: «Извините, то, что мы завоевали, мы не отдадим назад. Россия паша так велика, экономических возможностей у нас так много, и мы считаем себя в праве от вашего любезного предложения не отказываться, но мы обсудим его, как хладнокровные, деловые люди». Правда, первый наш разговор не вышел, ибо мы не имели возможности согласиться на его предложение по политическим мотивам, мы должны были ответить ему отказом. Пока англичане не признавали возможности нашего участия в вопросе о проливах о Дарданелах ⁵⁰), мы должны были ответить отказом, но сейчас же после этого отказа мы должны были приняться за рассмотрение этого вопроса по существу. Мы обсуждали, выгодно это нам или нет, выгодно ли нам заключить эту концессию, и если выгодно, то при каких обстоятельствах. Мы должны были поговорить о цене. Вот то, что вам, товарищи, ясно показывает, до какой степени мы теперь должны подходить к вопросам не так, как мы подходили к ним раньше. Раньше коммунист говорил: «я отдаю жизнь», и это казалось ему очень просто, хотя это не всякий раз было так просто. Теперь же перед нами, коммунистами, стоит совершенно другая задача. Мы теперь должны все рассчитывать, и каждый из вас должен научиться быть расчетливым. Мы должны рассчитать в обстановке капиталистической, как мы свое существование обеспечим, как мы получим выгоду от наших противников, которые, конечно, будут торговаться, которые горговаться никогда и не разучивались и которые будут торговаться за наш счет. Этого мы тоже не забываем и вовсе не представляем себе, чтобы где-нибудь представители торговли превратились в агнцев и, превратившись в агнцев, предоставили нам всяческие блага задаром.

Этого не бывает, и мы на это не надеемся, а рассчитываем на то, что мы, привыкши оказывать отпор, и тут, вывернувшись, окажемся способными и торговать, и наживаться, и выходить из трудных экономических положений. Вот эта задача очень трудная. Вот над этой задачей мы работаем. Я хотел бы, чтобы мы отдавали и отдали себе ясный отчет в том — насколько велика пропасть между задачами старой и новой. Как бы эта пропасть велика ни была, мы на войне научились маневрировать и должны понять, что маневр, который нам предстоит теперь, в котором мы теперь находимся, — самый трудный. Но зато маневр этот, видимо, последний. Мы должны испытать тут свою силу и доказать, что мы не только зазубрили вчерашние наши науки и повторяем зады. Извините, пожалуйста, мы начали переучиваться и будем переучиваться так, что достигнем определенного и всем очевидного успеха. Вот во имя этого переучивания, я думаю, теперь и следует нам еще раз дать друг другу твердое обещание, что мы под названием новой экономической политики повернули назад и повернули назад так, чтобы ничего нового не отдать, и в то же время, чтобы капиталистам дать такие вгоды, которые заставят любое государство, как бы оно враждебно ни было по отношению к нам, пойти на сделки и сношения с нами. Тов. Красин, который много раз беседовал с Уркартом, этим главой и опорой всей интервенции, говорил, что Уркарт, после всех попыток навязать нам старый строй во что бы то ни стало по всей России, садится за стол вместе с ним, Красиным, и начинает говорить: «А почему? А сколько? А на сколько лет?». От этого еще довольно далеко к тому, чтобы мы ряд концессионных сделок заключили и вступили таким образом в совершенно точные, непоколебимые — с точки зрения буржуазного общества — договорные отношения, по мы уже видим теперь, что мы к этому подходим, почти подошли, но еще не пришли. Это, товарищи, надо признать и не зазнаваться. Еще далеко не достигнуто в полной мере то, что сделает нас сильными, самостоятельными, спокойно уверенными в том, что никаких капиталистических сделок мы не боимся, спокойно уверенными в том, что как бы сделка ни была трудна, а мы ее заключим, вникнем в существо и ее разрешим. Поэтому работа в этой области, — и политическая, и партийная, — которая нами начата, должна быть продолжена, поэтому нужно, чтобы от старых приемов мы перешли к приемам совершенно новым.

Аппарат остался у нас старый, и наша задача теперь заключается в том, чтобы его переделать на новый лад. Мы переделать этого сразу не можем, но нам нужно поставить дело так, чтобы те коммунисты, которые у нас есть, были правильно размещены. Нужно, чтобы они,

эти коммунисты, владели теми аппаратами, у которых они поставлены, а не так, как у нас это часто делается, когда этот аппарат ими владеет. Нечего греха таить, и надо говорить об этом прямо. Вот какие задачи перед нами стоят, и какие трудности перед нами, и это как раз в то время, когда мы выступили на нашу деловую дорогу, когда мы должны были подойти к социализму не как к иконе, расписанной торжественными красками. Нам надо взять правильное направление, нам надо, чтобы все было проверено, чтобы все массы и все население проверяли наш путь и сказали бы: «Да, это лучше, чем старый строй». Вот задача, которую мы себе поставили. Наша партия, маленькая группа людей по сравнению со всем населением страны, за это взялась. Это зернышко поставило себе задачей переделать все и оно переделает. Что это не утопия, а что это дело, которым живут люди, мы это доказали, Это мы все видели — это уже сделано. Нужно переделать так, чтобы все большинство трудящихся масс, крестьянских и рабочих, сказала: «Не вы себя хвалите, а мы вас хвалим, мы говорим, что вы достигли результатов лучших, после которых ни один разумный человек никогда не подумает вернуться к старому». А этого еще нет. *Поэтому не продолжает быть главным, очередным, все исчерпывающим лозунгом сегодняшнего дня.* Ни одного лозунга, которым мы вчера выучились, мы не забудем. Это можем совершенно спокойно, без всякой тени колебания, сказать кому угодно, и наш каждый шаг это говорит. Но мы должны еще приспособиться к новой экономической политике. Все ее отрицательные стороны, которых не нужно перечислять, которые вы прекрасно знаете, нужно уметь перегнуть, уметь сводить к определенному минимуму, уметь устраивать все расчетливо. Законодательство наше дает полную возможность этому. Сумеет ли мы дело поставить? Это еще далеко не решено. Мы его изучаем. Каждый номер нашей партийной газеты дает вам десяток статей, которые говорят: на такой-то фабрике, такого-то фабриканта, такие-то условия аренды, а вот, где директор наш — товарищ коммунист, условия такие-то. Дает это доход или нет, оправдывает или нет? Мы перешли к самой сердцевине будничных вопросов, и в этом состоит громадное завоевание. Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-нибудь отвлеченной картины, или какой-нибудь иконы. Насчет икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобратся. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет, — все

мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая.

*«Правда» № 263,
21 ноября 1922 г.*

Несколько слов о Н. Е. Федосееве.

Мои воспоминания о Николае Евграфовиче Федосееве относятся к периоду начала 90-х годов. На точность их я не полагаюсь.

В то время я жил в провинции — именно, в Казани и в Самаре. Я слышал о Федосееве в бытность мою в Казани, но лично не встречался с ним. Весной 1889 года я уехал в Самарскую губернию, где услышал в конце лета 1889 года об аресте Федосеева и других членов казанских кружков, — между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани. Вскоре после этого марксизм, как направление, стал шириться, идя навстречу социал-демократическому направлению, значительно раньше провозглашенному в Западной Европе группой «Освобождение Труда».

Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению. Помню, что на этой почве началась его полемика с Н. К. Михайловским⁵³⁾, который отвечал ему в «Русском Богатстве»⁵⁴⁾ на одно из его нелегальных писем. На этой почве началась моя переписка с Н. Е. Федосеевым. Помню, что посредницей в наших сношениях была Гопфенгауз, с которой я однажды виделся и неудачно пытался устроить свидание с Федосеевым в г. Владимире. Я приехал туда в надежде, что ему удастся выйти из тюрьмы, но эта надежда не оправдалась.

Затем Федосеев был сослан в Восточную Сибирь одновременно со мной и в Сибири кончил жизнь самоубийством, кажется, на почве тяжелой личной истории в связи с особенно неудачно сложившимися условиями жизни.

Насколько я помню, моя переписка с Федосеевым касалась возникших тогда вопросов марксистского или с.-д. мировоззрения. Особенно осталось в моей памяти, что Федосеев пользовался необыкновенной симпатией всех его знавших, как тип революционера старых времен, всецело преданного своему делу и, может быть, ухудшившего свое положение теми или иными заявлениями или неосторожными шагами по отношению к жандармам.

Возможно, что у меня где-либо остались некоторые обрывки писем или рукописей Федосеева, но сохранились ли они и можно ли их разыскать — на этот счет я не в состоянии сказать ничего определенного.

Во всяком случае, для Поволжья и для некоторых местностей центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно-талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера.

Написано 6 декабря 1922 г.

Напечатано в книге: «Федосеев П. Е.».

Изд. Госиздата 1923 г.

1923 год

Странички из дневника.

Вышедшая на днях работа о грамотности населения России по данным переписи 1920 года («Грамотность в России», Москва, 1922 г., Центральное Статистическое Управление, Отдел Народного Образования) составляет очень важное явление.

Привожу ниже таблицу грамотности населения России за 1897 и 1920 гг., заимствованную из этой работы:

	На 1 т. муж.		На 1 т. жен.		На 1 т. всего населения гра-	
	п. грам. в.		п. грамот. в.		мотн. в.	
	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.
1. Европ. Россия	326	422	136	225	229	330
2. Сев. Кавказ	241	357	56	215	150	281
3. Сибирь (западн.)	170	307	46	134	108	218
В с е г о	318	409	131	244	223	319

В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо. Оказалось, что, как и следовало ожидать, от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс наш по сравнению с царскими временами (1897 годом) оказался слишком медленным. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня.

Надо, чтобы мы не ограничивались этим бесспорным, но слишком теоретическим положением. Надо, чтобы при ближайшем пересмотре

нашего квартального бюджета мы взяли за дело и практически. Конечно, в первую голову должны быть сокращены расходы не Наркомпроса, а расходы других ведомств, с тем, чтобы освобожденные суммы были обращены на нужды Наркомпроса. Не надо скаредничать с увеличением выдачи хлеба учителям в такой год, как нынешний, когда мы сравнительно сносно им обеспечены.

Работа, которая ведется теперь в области народного образования, вообще говоря, не может быть названа слишком узкой. Делается очень немало для того, чтобы сдвинуть с места старое учительство, чтобы привлечь его к новым задачам, заинтересовать его новой постановкой вопросов педагогики, заинтересовать в таких вопросах, как вопрос религиозный.

Но мы не делаем главного. Мы не заботимся или далеко недостаточно заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре: ни о пролетарской, ни даже о буржуазной. Речь должна идти о той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор и не можем выбраться без серьезных усилий, хотя имеем возможность выбраться, потому что нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас; нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу культурности, а скажу грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас.

У нас делается еще слишком мало, безмерно мало для того, чтобы передвинуть весь наш государственный бюджет в сторону удовлетворения в первую голову потребностей первоначального народного образования. Даже в Наркомпросе у нас сплошь и рядом можно найти чересчур раздутые штаты какого-нибудь Госиздата вне всяких забот о том, что на первом месте должно стоять попечение государства не об издательстве, а о том, чтобы было кому читать, чтобы было большее число способных читать, чтобы был больше политический размах издательства в будущей России. На технические вопросы, вроде вопроса об издательстве, мы все еще по старой (скверной) привычке уделяем много больше времени и сил, чем на обще-политический вопрос о народной грамотности.

Если взять Главпрофобр, то и тут, мы уверены, можно найти много и много лишнего, раздутого ведомственным интересом, не приуроченного к потребности широкого народного образования. Далек

не все в Главпрофобре оправдывается законным желанием поднять сначала и придать практическое направление образованию нашей фабрично-заводской молодежи. Если просмотреть внимательно штаты Главпрофобра, в них много и много окажется вздутым и фиктивным с этой точки зрения, подлежащим закрытию. В пролетарско-крестьянском государстве много и много еще можно сэкономить и должно сэкономить для развития народной грамотности ценою закрытия всяких — либо игрушек наполовину барского типа, либо учреждений, без которых нам еще можно и долго будет можно и должно обойтись при том состоянии народной грамотности, о которой говорит статистика.

Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на какой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и, главное, главное и главное — над поднятием его материального положения.

Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать их из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех, без исключения, капиталистических странах, опорой советского строя, чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь их к союзу с пролетариатом.

Кратко отмечаю, что особую роль для этого должны играть систематические поездки в деревню, которые, впрочем, у нас уже проводятся и которые должны быть развиты планомерно. На такие меры, как эти поездки, не жалко давать деньги, которые сплошь и рядом мы бросаем зря на относящийся почти целиком к старой исторической эпохе государственный аппарат.

Я собирал материалы к моей несостоявшейся речи на съезде советов в декабре 1922 года о шефстве рабочих городских поселений над жителями деревень. Некоторые материалы об этом доставил мне тов. Ходоровский^{54а}), и я ставлю эту тему на разработку перед товарищами теперь, раз сам я не успел разработать ее и передать через съезд советов гласности.

Тут основной политический вопрос — в отношении города к деревне, который имеет решающее значение для всей нашей революции. В то время, как буржуазное государство систематически направляет все усилия на то, чтобы отуплять рабочих города, подгоняя для этой цели всю издаваемую на счет государства, на счет царских и на счет

буржуазных партий литературу, мы можем и должны употребить нашу власть на то, чтобы действительно сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата.

Я сказал «коммунистических» и спешу оговориться, боясь вызвать недоразумение или быть слишком прямолинейно понятым. Ни-коим образом нельзя понимать это так, — будто мы должны нести сразу чисто и узко коммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибелью для коммунизма.

Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременная. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы.

Но установить общение между рабочими города и работниками деревни, установить между ними ту форму товарищества, которая между ними легко может быть создана, — это наша обязанность, это одна из основных задач рабочего класса, стоящего у власти. Для этого необходимо основать ряд объединений (партийных, профессиональных, частных) из фабрично-заводских рабочих, которые ставили бы себе систематической целью помогать деревне в ее культурном развитии.

Удастся ли «расписать» все городские ячейки по всем деревенским для того, чтобы каждая рабочая ячейка, «приписанная» к соответствующей деревенской, систематически заботилась о всякой оказии, о всяком случае, чтобы удовлетворить ту или иную культурную потребность своей со-ячейки? Или удастся изыскать другие формы связи? Я здесь ограничиваюсь только постановкой вопроса, чтобы обратить на него внимание товарищей, чтобы указать на имеющийся опыт западной Сибири (за этот опыт мне указал тов. Ходоровский) и чтобы выставить во всем объеме эту гигантскую всемирно-историческую культурную задачу.

Мы не делаем почти ничего для деревни, помимо нашего официального бюджета, или помимо наших официальных сношений. Правда, культурные сношения города с деревней принимают у нас само-собою и принимают неизбежно иной характер. Город давал деревне при капитализме то, что ее развращало политически, экономически, нравственно, физически и т. п. Город у нас само-собою начинает давать деревне прямо обратное. Но все это делается именно само-собою, стихийно, и все это может быть усилено (а затем и увеличено во сто

крат) внесением сознания, планомерности и систематичности в эту работу.

Мы только тогда начнем двигаться вперед (а тогда мы начнем наверняка двигаться во сто крат быстрее), когда подвергнем изучению этот вопрос, будем основывать всевозможные объединения рабочих — избегая всемерно их бюрократизации — для того, чтобы поставить этот вопрос, обсудить его и претворить его в дело.

Написано 2 января 1923 года.

*Напечатано: «Правда» № 2,
4 января 1923 года.*

О нашей революции.

(По поводу записок Н. Суханова.)

I.

Перелистывал эти дни записки Суханова ⁵⁵⁾ о революции. Бросается особенно в глаза педанство всех наших мелко-буржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала. Уже не говоря о том, что они необыкновенно трусливы, что даже лучшие из них кормят себя оговорками, уже не говоря об этом свойстве всех мелкобуржуазных демократов, достаточно проявленном ими во всю революцию, бросается в глаза их рабская подражательность прошлому.

Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционный диалектики. Даже прямые указания Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость, ими абсолютно не поняты и даже не замечены, например, указания Маркса в его переписке, относящейся, помнится, к 1856 году, когда он высказывал надежду на соединение крестьянской войны в Германии, могущей создать революционную обстановку, с рабочим движением — даже это прямое указание они обходят и ходят кругом и около него, как кот около горячей кашки.

Во всем своем поведении они обнаруживают себя, как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней, и в то же время прикрывают свою трусливость самым бесшабашным фразерством и хвастовством. Но даже и чисто теоретически у них всех бросается в глаза полная неспособность понять следующее соображение марксизма: они видели до сих пор определенный путь раз-

вития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот, они не могут себе представить, что этот путь не может быть считаем образцовым иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения всемирной истории).

Первое — революция, связанная с первой всемирной империалистической войной. В такой революции должны были сказаться новые черты, или видоизмененные, в зависимости, именно, от войны, потому что никогда в мире такой войны, в такой обстановке, еще не бывало. До сих пор мы видели, что буржуазия богатейших стран не может наладить «нормальных» буржуазных отношений после этой войны, а наши реформисты, мелкие буржуа, корчащиеся из себя революционеров, считали и считают пределом (его же не преидеши) нормальные буржуазные отношения, при чем понимают эту «норму» до крайности шаблонно и узко.

Второе — им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран вне-европейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западно-европейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным.

Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии, и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он под влиянием безвыходности своего положения броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации.

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала и, в том числе, конечно, Суханов носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они переже-

ывают на тысячу ладов, а мне кажется, что оно не является решающим для оценки пашей революции.

Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западно-европейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся, и частично уже начавшихся, революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой «марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии?

Что, если полная безвыходность положения, удесятая тем сильнее рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западно-европейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать — каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догнать другие народы.

Написано 16 января 1923 г.

II.

Для создания социализма, — говорите вы, — требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического периода недопустимы или невозможны?

Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как брестский мир, или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу.

Нашим Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция.

Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже отказаться от мысли, что будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками.

*Написано 17 января 1923 г.
«Правда» № 117, 30 мая 1923 г.*

Как нам реорганизовать Рабкрин.

Несомненно, что Рабкрин представляет для нас громадную трудность и что трудность эта до сих пор не решена. Я думаю, что те товарищи, которые решают ее, отрицая пользу или надобность Рабкрипа, неправы. Но я не отрицаю в то же время, что вопрос о нашем госаппарате и его улучшении представляется очень трудным, далеко не решенным и, в то же время, чрезвычайно насущным вопросом.

Наш госаппарат, за исключением Наркомпрода, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата. И вот, чтобы поискать способ действительно обновить его, надо обратиться, мне кажется, за опытом к нашей гражданской войне.

Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны?

Мы сосредоточивали лучшие наши партийные силы в Красной армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих; мы обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры.

В этом же направлении нам следует, по моему убеждению, искать источник реорганизации Рабкрина ⁵⁶⁾. Я предлагаю нашему XII партийному съезду ⁵⁷⁾ принять следующий план такой реорганизации, основанный на своеобразном расширении нашей ЦКК.

Пленум ЦК нашей партии уже обнаружил свое стремление развиться в своего рода высшую партийную конференцию. Он собирается

в среднем не чаще раза в два месяца, а текущую работу от имени ЦК ведут, как известно, наше Политбюро, наше оргбюро, наш секретариат и т. д. Я думаю, что нам следует докончить тот путь, на который мы таким образом вступили, и окончательно плеведать пленум ЦК в высшие партийные конференции, собираемые раз в два месяца при участии ЦКК. А эту ЦКК соединить на указанных ниже условиях с основной частью реорганизованного Рабкрин.

Я предлагаю съезду выбрать 75—100 новых членов ЦКК из рабочих и крестьян. Выбираемые должны подвергнуться такой же проверке по части партийной, как и обыкновенные члены ЦК, ибо выбираемые должны будут пользоваться правами членов ЦК.

С другой стороны, Рабкрин должен быть сведен к 300—400 служащих, особо проверенных по части добросовестности и по части знания нашего госаппарата, а также выдержавших особое испытание относительно знакомства их с основами научной организации труда вообще и, в частности, труда управленческого, канцелярского и т. д.

По моему мнению, такое соединение Рабкрин с ЦКК принесет пользу обоим этим учреждениям. С одной стороны, Рабкрин получит таким путем столь высокий авторитет, что станет, по меньшей мере, не хуже нашего Наркомпрода. С другой стороны, наш ЦК совместно с ЦКК выйдет окончательно на ту дорогу превращения в высшую партийную конференцию, на которую он, в сущности, уже встал и по которой ему следует дойти до конца для правильного, в двояком отношении, выполнения своих задач: в отношении планомерности, целесообразности, систематичности его организации и работы и в отношении связи с действительно широкими массами через посредство лучших из наших рабочих и крестьян.

Я предвижу одно возражение, исходящее либо прямо, либо косвенно из тех сфер, которые делают наш аппарат старым, т. е. от сторонников сохранения нашего аппарата в том же до невозможности, до неприличия дореволюционном виде, в каком он остается и по сей час (кстати сказать, мы теперь получили довольно редкий в истории случай устанавливать сроки, необходимые для производства коренных социальных изменений, и мы ясно видим теперь, что можно сделать в пять лет и для чего нужны гораздо большие сроки).

Возражение это состоит в том, что будто бы из предлагаемого мной преобразования получится один хаос. Члены ЦКК будут слоняться по всем учреждениям, не зная куда, зачем и к кому им обратиться, внося повсюду дезорганизацию, отрывая служащих от их текущей работы и т. д. и т. п.

Я думаю, что злостный источник этого возражения так очевиден, что на него не требуется даже и ответа. Само собой разумеется, что со стороны президиума ЦКК и со стороны Наркома Рабкрина и его коллегии (а также в соответствующих случаях и со стороны нашего секретариата ЦК) потребуется не один год упорной работы над тем, чтобы правильным образом организовать свой наркомат и его работу совместно с ЦКК. Нарком Рабкрин может, по моему мнению, остаться Наркомом (и должен им остаться), как и вся коллегия, сохраняя за собой руководство работой всей Рабоче-Крестьянской Инспекции и в том числе всеми членами ЦКК, которые будут считаться «откомандированными» в его распоряжение, 300—400 служащих Рабкрина, которые остаются, по моему плану, будут, с одной стороны, исполнять чисто секретарские обязанности при других членах Рабкрина и при добавочных членах ЦКК, а с другой стороны — должны быть высоко квалифицированы, особо проверены, особо надежны, с высоким жалованьем, вполне избавляющим их от нынешнего, поистине несчастного (чтобы не сказать хуже), положения чиновника Рабкрина.

Я уверен, что понижение числа служащих до указанной мной цифры улучшит во много раз и качество работников Рабкрина, и качество всей работы, дав в то же время возможность Наркому и членам коллегии сосредоточиться всецело на организации работы и на том систематическом, неуклонном повышении его качества, которое представляет для рабоче-крестьянской власти и для нашего советского строя такую безусловную необходимость.

С другой стороны, я думаю также, что Наркому Рабкрина придется поработать частью над слиянием, частью над координированием тех вышних институтов по организации труда (Центральный Институт Труда, Институт Научной Организации Труда и т. д.), которых у нас теперь имеется в Республике не менее 12. Чрезмерное однообразие и вытекающее отсюда стремление к слиянию будут вредны. Наоборот, тут надо найти разумную и целесообразную середину между слиянием всех этих учреждений воедино и правильным разграничением их при условии известной самостоятельности каждого из этих учреждений.

Нет сомнения, что от такого преобразования выиграет не менее, чем Рабкрин, и наш собственный ЦК, выиграет он и в смысле связи с массами, и в смысле регулярности и солидности его работы. Тогда можно будет (и должно) завести более строгий и ответственный порядок подготовки заседаний Политбюро⁵³), на которых должно присутствовать определенное число членов ЦКК, определенное либо известным периодом времени, либо известным планом организационным.

Нарком Рабкрипа совместно с президиумом ЦКК должен будет устанавливать распределение работы ее членов с точки зрения обязанности их присутствовать на заседании Политбюро и проверять все документы, которые так или иначе идут на его рассмотрение, либо с точки зрения обязанности их уделять свое рабочее время теоретической подготовке, изучению научной организации труда, либо с точки зрения их обязанности практически участвовать в контроле и улучшении нашего госаппарата, начиная с высших государственных учреждений и кончая низшими местными и т. д.

Я думаю также, что помимо той политической выгоды, что члены ЦК и члены ЦКК при такой реформе будут во много раз лучше осведомлены, лучше подготовлены к заседаниям Политбюро (все бумаги, относящиеся к этим заседаниям, должны быть получены всеми членами ЦК и ЦКК не позже, как за сутки до заседания Политбюро, за исключением случаев, не терпящих безусловно никакого отлагательства, каковые случаи требуют особого порядка для ознакомления членов ЦК и ЦКК и порядка решения их), к числу выигрышей придется также отнести и то, что в нашем ЦК уменьшится влияние чисто личных и случайных обстоятельств и тем самым понизится опасность раскола.

Наш ЦК сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную, но работа этой группы не поставлена в условия, соответствующие его авторитету. Этому помочь должна предлагаемая мною реформа, и члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, «не взирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел.

Конечно, в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того—пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии, разъединить

себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собой этот двойкий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избежать раскола, который был бы губителен для Советской республики.

«Правда» № 16,
25 января 1923 г.

Лучше меньше, да лучше.

В вопросе об улучшении нашего госаппарата Рабкрину следует, по моему мнению, не гнаться за количеством и не торопиться. Мы так мало успели до сих пор подумать и позаботиться о качестве нашего аппарата, что будет законной забота об особенно серьезной подготовке его, о сосредоточении в Рабкрине человеческого материала действительно современного качества, т.-е. не отстающего от лучших западно-европейских образцов. Конечно, для социалистической республики это условие слишком скромно. Но нам первое пятилетие иорядочно-таки павило голову недоверием и скептицизмом. Мы невольню склонны проникаться этим качеством по отношению к тем, кто слишком много и слишком легко разглагольствует, например, о «пролетарской» культуре: нам бы для начала достаточно настоящей, буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т.-е. культур чиновничьей, или крепостнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размахистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус.

И вот, в вопросе о госаппарате мы теперь из предыдущего опыта должны сделать тот вывод, что лучше бы помедленнее.

Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную — каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое, хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию упедшей уже в далекое прошлое культуры. Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д. Иначе и не могло быть, конечно, в революционную эпоху и при такой головокружительной бы-

строте развития, которая привела нас в пять лет от царизма к советскому строю.

Надо во-время взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д., надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их пенрочность, несолидность и непонятность. Вреднее всего здесь было бы спешить. Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.

Нет, такого аппарата и даже элементов его у нас до смешного мало, и мы должны помнить, что для создания его не надо жалеть времени и надо затратить много, много, много лет.

Какие элементы имеются у нас для создания этого аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделывать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще. Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами.

И тут нельзя забывать, что эти знания мы слишком еще склонны возмещать (или мнить, что их можно возместить) усердием, скоропалительностью и т. д.

Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом. Одним словом, нам надо предъявлять не те требования, что предъявляет буржуазия Западной Европы, а те, которые достойно и прилично предъявлять стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну.

Выводы из сказанного: мы должны сделать Рабкрин, как орудие улучшения нашего аппарата, действительно образцовым учреждением.

Для того, чтобы он мог достигнуть необходимой высоты, нужно держаться правила: семь раз примерь, один раз отрежь.

Для этого нужно, чтобы действительно лучшее, что есть в нашем социальном строе, с наибольшей осторожностью, обдуманностью, осведомленностью было прилагаемо к созданию нового наркомата.

Для этого нужно, чтобы лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести,—не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели.

Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суетня, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность, или даже свою бесполезность, или даже свою вредность. Как суетня, она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги.

Надо, наконец, чтобы это стало иначе.

Надо взять за правило: лучше числом поменьше, а качеством повыше. Надо взять за правило: лучше через два года или даже через три года, чем второпях, без всякой надежды получить солидный человеческий материал.

Я знаю, что это правило трудно будет выдержать и применить к нашей действительности. Я знаю, что тысячами лазеек обратное правило будет пробивать у нас себе дорогу. Я знаю, что сопротивление нужно будет оказать гигантское, что настойчивость нужно будет проявить дьявольскую, что работа здесь первые годы, по крайней мере, будет чертовски неблагоприятной и, тем не менее, я убежден, что только такой работой мы сможем добиться своей цели и, только добившись этой цели, мы создадим республику, действительно достойную названия советской, социалистической и пр., и пр. и т. п.

Вероятно, многие читатели нашли цифры, которые я привел в виде примера в первой своей статье, слишком незначительными. Я уверен, что можно привести много расчетов в доказательство недостаточности этих цифр. Но я думаю, что выше всех таких и всяких расчетов нам следует поставить одно: интерес действительно образцового качества.

Я считаю, что для нашего госаппарата именно теперь настала, наконец, пора, когда мы должны поработать над ним, как следует, со всей серьезностью, и когда едва ли не самой вредной чертой этой работы будет торопливость. Поэтому я бы очень предостерегал от

увеличения этих цифр. Напротив, на мой взгляд здесь следует быть особенно скупыми на цифры. Будем говорить прямо. Наркомат Рабкрин не пользуется сейчас ни тепью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрин, нет, и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать. Нам надо твердо запомнить это, если мы хотим действительно задаться целью через несколько лет выработать учреждение, которое, во-первых, должно быть образцовым, во-вторых, должно внушать всем безусловное доверие и, в-третьих, доказать всякому и каждому, что мы действительно оправдали работу такого высокого учреждения, как ЦКК. Всякие общие нормы числа служащих, по моему, следует изгнать сразу и бесповоротно. Служащих Рабкрин мы должны подбирать совершенно особо и не иначе, как на основании строжайшего испытания. К чему, на самом деле, составлять наркомат, в котором работа велась бы кое-как, опять не внушая к себе ни малейшего доверия, в котором бы слово пользовалось бесконечно малым авторитетом? Я думаю, что избежать этого является главной нашей задачей при такого рода перестройке, которую мы имеем теперь в виду.

Рабочие, которых мы привлекаем в качестве членов ЦКК, должны быть безупречны, как коммунисты, и я думаю, что над ними надо еще длительно поработать, чтобы обучить их приемам и задачам их работы. Дальше, помощником в этой работе должно быть определенное число секретарского персонала, от которого надо будет требовать тройной проверки жеред назначением его на службу. Наконец, те должностные лица, которых мы решимся в виде исключения поставить сразу на места служащих Рабкрин, должны удовлетворять следующим условиям:

Во-первых, они должны быть рекомендованы несколькими коммунистами;

во-вторых, они должны выдержать испытание на знание нашего госаппарата;

в-третьих, они должны выдержать испытание на знание основ теории по вопросу о нашем госаппарате, на знание основ науки управления, делопроизводства и т. д.;

в-четвертых, они должны сработаться с членами ЦКК и со своим секретариатом так, чтобы мы могли ручаться за работу всего этого аппарата в целом.

Я знаю, что эти требования предполагают непомерно большие условия, и я очень склонен опасаться, что большинство «практиков» в Рабкрине объявит эти требования неисполнимыми или будет презри-

тельно посмеиваться над ними. Но я спрашиваю любого из теперешних руководителей Рабкрина или из лиц, прикосновенных к нему, может ли он сказать мне по совести — какая надобность на практике в таком наркомате, как Рабкрип? Я думаю, что этот вопрос поможет ему найги чувство меры. Либо не стоит заниматься одной из реорганизаций, которых у нас так много бывало, такого безнадежного дела, как Рабкрин, либо надо действительно поставить себе задачей создать медленным, трудным, необычным путем, не без многочисленных проверок, нечто действительно образцовое, способное внушать всякому и каждому уважение и не только потому, что чины и знания этого требуют.

Если не запастись терпением, если не положить на это дело несколько лет, то лучше за него вовсе не браться.

По-моему, из тех учреждений, которые мы уже напекли по части высших институтов труда и прочее, выбрать минимум, проверить вполне серьезную постановку и продолжать работу лишь так, чтобы она действительно стояла на высоте современной науки и давала нам все ее обеспечения. Тогда в несколько лет не утопично будет надеяться на получение учреждения, которое будет в состоянии делать свое дело, именно систематически, неуклонно работать, пользуясь доверием рабочего класса, Российской Коммунистической Партии и всей массы населения нашей Республики, над улучшением нашего госаппарата.

Подготовительную к этому деятельность можно было бы начать уже сейчас. Если бы наркомат Рабкрина согласился с планом настоящего преобразования, то тогда он мог бы сейчас начать подготовительные шаги с тем, чтобы работать систематически вплоть до их полного завершения, не торопясь и не отказываясь от переделки сделанного однажды.

Всякое половинчатое решение тут было бы до последней степени вредно. Всякие нормы служащих Рабкрина, исходящие из напек: было ни было других соображений, были бы, в сущности, основаны на старых чиновничьих соображениях, на старых предрассудках, на том, что уже осуждено, что вызывает общие насмешки и т. д.

В сущности, здесь вопрос стоит так.

Либо показать теперь, что мы всерьез чему-нибудь научились в деле государственного строительства (не грех в пять лет чему-нибудь научиться), либо — что мы не созрели для этого, и тогда не стоит браться за дело.

Я думаю, что при том человеческом материале, который мы имеем, не будет нескромно предположить, что мы уже достаточно научились для того, чтобы систематически и заново построить хоть один наркомат.

Правда, этот один наркомат должен определять собой весь наш гос-аппарат в целом.

Объявить конкурс сейчас же на составление двух или больше учебников по организации труда вообще и специально труда управленческого. В основу можно положить имеющуюся уже у нас книгу Ерманского, хотя он, в скобках будь сказано, и отличается явным сочувствием меньшевизму и непригоден для составления учебника, подходящего для советской власти. Затем, можно взять за основу недавнюю книгу Керженцева; наконец, могут пригодиться еще кое-какие из имеющихся частичных пособий.

Послать нескольких подготовленных и добросовестных лиц в Германию или в Англию для сбора литературы и изучения этого вопроса. Англию я называю на случай, если бы посылка в Америку или Канаду оказалась невозможной.

Назначить комиссию для составления первоначальной программы экзаменов па кандидата в служащие Рабкрина; тоже — на кандидата в члены ЦКК.

Эти и подобные им работы, разумеется, не затруднят ни Наркома, ни членов коллегии Рабкрина, ни президиума ЦКК.

Параллельно с этим придется назначить подготовительную комиссию для подыскания кандидатов на должность членов ЦК. Я надеюсь, что на эту должность у нас найдется теперь уже более, чем достаточно кандидатов как из числа опытных работников всех ведомств, так и из числа студентов наших советских школ. Едва ли будет правильно исключать ту или другую категорию заранее, вероятно, придется предпочесть разнообразный состав этого учреждения, в котором мы должны искать соединения многих качеств, соединения неодинаковых достоинств, так что тут придется поработать над задачей составления списка кандидатов. Например, более всего было бы нежелательным, если бы новый наркомат был составлен по одному шаблону, допустим, из типа людей характера чиновников, или с исключением людей характера агитаторов, или с исключением людей, отличительным свойством которых является общительность или способность проникать в круги, не особенно обычные для такого рода работников и т. д.

* * *

Я думаю, что лучше всего выражу свою мысль, если сравню мой план с учреждениями академического типа. Члены ЦКК должны будут под руководством своего президиума работать систематически над просмотром всех бумаг и документов Политбюро. Вместе с тем, они

должны будут правильно распределять свое время между отдельными работами по проверке делопроизводства в наших учреждениях, начиная от самых мелких и частных и кончая высшими государственными учреждениями, наконец, к разряду их работ будут относиться занятия теорией, т.-е. теорией организации той работы, которой они намереваются себя посвятить, и практические занятия под руководством либо старых товарищей, либо преподавателей высших институтов организации труда.

Но я думаю, что ограничиться такого рода академическими работами им никак не доведется. На ряду с ними им придется готовить себя к работам, которые я не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле, не скажу — мошенников, но в роде того, и придумыванием особых ухищрений для того, чтобы прикрыть свои походы, подходы и т. п.

Если в западно-европейских учреждениях подобные предложения вызвали бы неслыханное негодование, чувство нравственного возмущения и т. д., то, я надеюсь, что мы еще недостаточно бюрократились, чтобы быть способными на это. У нас еще не успел приобрести такого уважения, чтобы обижаться при мысли о том, что тут могут кого-то ловить. У нас еще так недавно построена советская республика, и навалена такая куча хлама, что обидеться при мысли о том, что среди этого хлама можно производить раскопки при помощи некоторых хитростей, при помощи разведок, направленных иногда на довольно отдаленные источники, или довольно кружным путем, едва ли придет кому-либо в голову, а если и придет, то можно быть уверенным, что над таким человеком мы все от души посмеемся.

Наш новый Рабкрин, надеюсь, оставит позади себя то качество, которое французы называют *pruderie*, которое мы можем назвать смешным жеманством или смешным важничаньем и которое до последней степени на руку всей нашей бюрократии как советской, так и партийной. В скобках будь сказано, бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных.

Если я писал выше о том, что мы должны учиться и учиться в институтах по высшей организации труда и т. п., то это отнюдь не значит, что я понимаю это «учение» сколько-нибудь по-школьному или чтобы я ограничивался мыслью об учении только по-школьному. Я надеюсь, что ни один настоящий революционер не заподозрит меня в том, что я под «учением» в этом случае отказался понять какую-нибудь полушутливую проделку, какую-нибудь хитрость, какую-нибудь каверзу или нечто в этом роде. Я знаю, что в западно-европейском чинном и серьезном государстве эта мысль вызвала бы дей-

ствительно ужас, и ни один порядочный чиновник не согласился бы даже допустить ее к обсуждению. Но, я надеюсь, что мы еще недостаточно бюрократились, и что у нас ничего, кроме веселья, обсуждение этой мысли не вызывает.

В самом деле, почему не соединить приятное с полезным? Почему не воспользоваться какой-нибудь шутливой или полшутливой проделкой для того, чтобы накрыть что-нибудь смешное, что-нибудь вредное, что-нибудь полусмешное, полувредное и так далее?

Мне кажется, что наш Рабкрин выиграет не мало, если примет эти соображения к своему рассмотрению, и что список казусов, посредством которых наша ЦКК или ее коллеги по Рабкрину выиграли несколько своих наиболее блестящих побед, будет обогащен немало похождениями наших будущих «рабкришников» и «цекакистов» в местах, не совсем удобоупоминаемых в чинных и чопорных учебниках.

* * *

Как можно соединить учреждения партийные с советскими? Нет ли тут чего-либо недопустимого?

Я ставлю этот вопрос не от своего имени, а от имени тех, на кого я намекнул выше, говоря, что бюрократы имеются у нас не только в советских, но и в партийных учреждениях.

Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие, если это требуется интересом дела? Разве кто-либо не замечал когда-либо, что в таком наркомате, как Наркоминдел, подобное соединение приносит чрезвычайную пользу и практикуется с самого его начала? Разве в Политбюро не обсуждаются с партийной точки зрения многие мелкие и крупные вопросы о «ходах» с нашей стороны в ответ на «ходы» иностранных держав, в предотвращение их, ну, скажем, хитрости, чтобы не выражаться менее прилично? Разве это гибкое соединение советского с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике? Я думаю, что то, что оправдало себя, упрочилось в нашей внешней политике и вошло уже в обычай так, что не вызывает никаких сомнений в этой области, будет, по меньшей мере, столько же уместно (а я думаю, что будет гораздо более уместно) по отношению ко всему нашему государственному аппарату. А ведь Рабкрин и посвящен всему нашему государственному аппарату, и деятельность его должна касаться всех и всяких, без всякого изъятия, государственных учреждений, и местных, и центральных, и торговых, и чисто чиновничьих, и учебных, и архивных, и театральных и т. д. — одним словом, всех без малейшего изъятия.

Почему же для учреждения с таким широким размахом, для которого, кроме того, требуется еще чрезвычайная гибкость форм деятельности, почему же для него не допустить своеобразного слияния контрольного партийного учреждения с контрольным советским?

Я бы не видел в этом никаких препятствий. Более того, я думаю, что такое соединение является единственным залогом успешной работы. Я думаю, что всякие сомнения на этот счет вылезают из самых пыльных углов нашего госаппарата и что на них следует отвечать только одним — насмешкой.

* * *

Другое сомнение: удобно ли соединять деятельность учебную с деятельностью должностной? Мне кажется, не только удобно, но и должно. Вообще говоря, мы успели заразиться от западно-европейской государственности, при всем революционном к ней отношении, целым рядом вреднейших и смешнейших предрассудков, а отчасти нас умышленно заразили этим наши милые бюрократы, не без умысла спекулируя на то, что в мутной воде подобных предрассудков им неоднократно удастся ловить рыбу; и лавливали они рыбу в этой мутной воде до такой степени, что только совсем слепые из нас не видели, как широко эта ловля практиковалась.

Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чиновничества, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями.

Это и понятно, потому что самые смелые шаги вперед лежали в области, которая составляла издавна удел теории, лежали в области, которая культивировалась главным образом и даже почти исключительно теоретически. Русский человек отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями, и поэтому эти необычайно смелые теоретические построения приобретали у нас необыкновенно односторонний характер. У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе. Какая-нибудь величайшая всемирная земельная революция разрабатывалась с неслышанной в иных государствах смелостью, а рядом не хватало фантазии на какую-нибудь десятистепенную канцелярскую реформу; не хватало

фантазии или не хватало терпения применить к этой реформе те же общие положения, которые давали такие «блестящие» результаты, будучи применяемы к вопросам общим.

И поэтому наш теперешний быт соединяет в себе в поразительной степени черты отчаянно смелого с робостью мысли перед самыми мельчайшими изменениями.

Я думаю, что иначе и не бывало ни при одной действительно великой революции, потому что действительно великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого и абстрактнейшим стремлением к новому, которое должно уже быть так пово, чтобы ни одного грама старины в нем не было.

И чем круче эта революция, тем дольше будет длиться то время, когда целый ряд таких противоречий будет держаться.

* * *

Общей чертой нашего быта является теперь следующее: мы разрушили капиталистическую промышленность, постарались разрушить до дла учреждения средневековые, помещичье землевладение и на этой почве создали мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом из доверия к результатам его революционной работы. На этом доверии, однако, продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко, потому что мелкое и мельчайшее крестьянство, особенно при изъе, держится по экономической необходимости на крайне низком уровне производительности труда. Да и международная обстановка вызвала то, что Россия отброшена теперь назад, что в общем и целом производительность народного труда у нас теперь значительно менее высока, чем до войны. Западно-европейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны. Именно такой выход из империалистической войны представлялся, конечно, имеющим значительные выгоды: если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму, — так, примерно, рассуждали эти державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе. В итоге они получили полурешение своей задачи. Они не свергли пового строя, созданного революцией, но они не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы

дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к повой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития.

Система международных отношений сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств поработено государствами-победителями — это Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались, в силу победы, в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира».

В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму? Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплуатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения.

Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства. На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. Но на нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир

на два лагеря, при чем этот раскол осложнен тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития, подняться теперь до последней степени трудно. Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться. А с другой стороны, весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплуатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западно-европейских государств.

Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западно-европейской контр-революции, направленный к поддержке русской контр-революции, сошелся из-за противоречий в лагере контр-революционеров Запада и Востока, в лагере эксплуататоров восточных и эксплуататоров западных, в лагере Японии и Америки?

На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств, и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли в конце концов обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом.

Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том — каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена.

Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская коммунистическая партия, мы, Российская советская власть для того, чтобы помешать западно-европейским контр-революционным государствам раздавить нас. Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми,

которые, однако, составляют большинство, — этому большинству нужно успеть цивилизоваться. Нам тоже нехватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки. Нам следует держаться такой тактики или принять для нашего спасения следующую политику:

Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидро-торфа, для достройки Волховстроя и проч.

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалою, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.

Вот как я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрипа. Вот в чем для меня состоит оправдание тех исключительных забот, того исключительного внимания, которое мы должны уделить Рабкрину, поставив его на исключительную высоту дав ему головку с правами ЦК и т. д. и т. п.

Это оправдание состоит в том, что лишь посредством максимальной чистки нашего аппарата, посредством максимального сокращения всего, что не абсолютно необходимо в нем, мы в состоянии будем удержаться наверняка. И при том мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелко-крестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии.

Вот о каких высоких задачах мечтаю я для нашего Рабкрин. Вот для чего я планирую для него слияние авторитетнейшей партийной верхушки с «рядовым» наркоматом ⁵⁶).

*«Правда» № 49,
4 марта 1923 г.*

О кооперации.

У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимание на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от нэп'а (напротив, в этом отношении придется сказать: именно благодаря нэп'у), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение. В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров становится самой неподкрашенной действительностью.

У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения сам собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д. И вот не все товарищи дают себе отчет в том — какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России. В нэп'е мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэп'а есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мел-

ких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэп'е так же, разве это не все, необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все, необходимое и достаточное для этого построения.

Вот это-то обстоятельство не дооценено многими нашими практическими работниками. На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того — какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина.*

А ведь в этом опять-таки главное. Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь. И несомненно то, что, достигнув ее, мы пользуемся ею непомерно мало.

Мы перегнули палку, переходя к нэп'у, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэп'у, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что начали забывать уже гигантское значение кооперации в указанных выше двух сторонах этого значения.

Я намерен теперь поговорить с читателем о том, что практически можно и должно сделать сейчас же, исходя из этого «кооперативного» принципа. Какими средствами можно и должно сейчас же начать развивать этот «кооперативный» принцип так, чтобы всякому и каждому было ясно его социалистическое значение?

Надо поставить кооперацию политически так, чтобы не только кооперация вообще и всегда имела известную льготу, но чтобы эта льгота была чисто-имущественной льготой (высота банковского процента и т. п.). Надо сужать кооперацию такими государственными средствами, которые хотя бы на немного, но превышали те средства, которые мы ссужаем частным предприятиям, вплоть хотя бы до тяжелой промышленности и т. д.

Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение «свободного»

капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова, т.-е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота,— под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором *действительно участвуют действительные массы населения*. Давать премию тому крестьянину, который участвует в кооперативном обороте, это — формула безусловно верная, но при этом проверять это участие и проверять его сознательность и его доброкачественность,— вот в чем гвоздь вопроса. Когда кооператор приезжает в деревню и устраивает там кооперативную лавочку, население, строго говоря, никак в этом не участвует, но в то же время оно, руководствуясь собственной выгодой, поторопится попробовать в ней участвовать.

Это дело также имеет другую сторону. Нам нужно сделать еще очень немного с точки зрения «цивилизованного» (прежде всего грамотного) европейца для того, чтобы заставить всех поголовно участвовать и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях. Собственно говоря, нам осталось *«только»* одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. *«Только»* это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это *«только»*, нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствований и как можно меньше выкрутас. Нэп в этом отношении представляет из себя в том отношении прогресс, что он приравнивается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего. Но чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения,— вот для того требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая, историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д., — без этого нам своей цели не достигнуть. Все дело теперь в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили и проявили в достаточном количестве и увенчали полным успехом,

уметь соединить его (тут я почти готов сказать) с умением быть толковым и грамотным торгашом, какое вполне достаточно для хорошего кооператора. Под умением быть торгашом я полагаю умение быть культурным торгашом. Это пусть намотают себе на ус русские люди или просто крестьяне, которые думают: раз он торгует, значит, умеет быть торгашом. Это совсем неверно. Он торгует, но от этого до умения быть культурным торгашом еще очень далеко. Он торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгашом, надо торговать по-европейски. От этого его отделяет целая эпоха.

Кончаю: ряд привилегий экономических, финансовых и банковских — кооперации; в этом должна состоять поддержка нашим социалистическим государством нового принципа организации населения. Но этим задача только еще поставлена в общих чертах, потому что тут еще остается неопределенным, неописанным детально все содержание задачи практически, т.-е. надо уметь отыскать ту форму «премий» (и те условия выдачи их), которую мы даем за кооперирование, ту форму премий, при которой мы достаточно помогаем кооперации, ту форму премий, при которой мы достигаем цивилизованного кооператора. А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма.

Всегда, когда я писал о новой экономической политике, я цитировал свою статью 1919 года о государственном капитализме. Это вызывало не раз сомнения некоторых молодых товарищей. Но их сомнения направлялись преимущественно по адресу абстрактно-политическому.

Им казалось, что нельзя называть государственным капитализмом тот строй, при котором средства производства принадлежат рабочему классу, и этому рабочему классу принадлежит государственная власть. Однако, они не замечали, что у меня название «государственный капитализм» употреблялось, *во-первых*, для исторической связи нашей теперешней позиции с позицией в моей полемике против так называемых левых коммунистов, а также я уже тогда доказывал, что государственный капитализм был бы выше нашей современной экономики; для меня важно было установить преемственную связь обычного государственного капитализма с тем необычным, даже совсем необычным, государственным капитализмом, о котором я говорил, вводя читателя в новую экономическую политику. *Во-вторых*, для меня всегда была важна практическая цель. А практическая цель нашей новой экономической политики состояла в получении концессий; концессии уже, несомненно, были бы в наших условиях чистым типом государ-

ственного капитализма. Вот в каком виде представлялись для меня рассуждения о государственном капитализме.

Но есть еще одна сторона дела, при которой нам может понадобиться государственный капитализм или, по крайней мере, сопоставление с ним. Это вопрос о кооперации.

Несомненно, что кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением. Несомненно также, что в обстановке нашей тепершней экономической действительности, когда мы соединяем частно-капиталистические предприятия, но не иначе, как на общественной земле, и не иначе, как под контролем государственной власти, принадлежащей рабочему классу, с предприятиями последовательно-социалистического типа (и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом), то тут возникает вопрос еще о третьем виде предприятий, которые раньше не имели самостоятельности с точки зрения принципиального значения: именно о предприятиях кооперативных. При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу.

Вот это обстоятельство у нас недостаточно учитывается, когда рассуждают о кооперации. Забывают, что кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение. Если выделить особо концессии, которые, кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом.

Поясняю свою мысль. В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? ⁵⁹⁾ В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров. И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошрое в мечтаниях о том, как простым косперированием насе-

ления можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир).

Несомненно, что с точки зрения основной задачи современности мы были правы, ибо без классовой борьбы за политическую власть в государстве социализм не может быть осуществлен.

Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплуататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса.

Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству.

Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это — задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себе такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции.

Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культур-

ному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим.

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто-культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база).

«Правда» № 115,

26 мая 1923 г.

ДОПОЛНЕНИЯ К ПРЕДШЕСТВУЮЩИМ ТОМАМ.

В предшествующие томы не вошел ряд статей Вл. Ил., текст которых не мог быть восстановлен из-за отсутствия у редакции соответствующих №№ газет и журналов. Ныне часть недостававших нам материалов разыскана. Вновь найденные статьи даются здесь в виде «дополнения» с указанием их хронологического места в соответствующих томах.

Ред.

Доклад, представленный V съезду РСДРП по поводу петербургского раскола и связанного с ним партийного суда *).

ЦК нашей партии учредил, как известно из буржуазных газет («Товарищ» ⁶⁰) и др.), партийный суд для рассмотрения моего образа действий — именно моей брошюры «Выборы в СПб и лицемерие 31 меньшевика» ⁶¹), вышедшей во время раскола петербургской с.-д. организации при выборах во вторую Думу.

Суд учреждался из трех представителей с моей стороны, трех со стороны 31 меньшевика и трех членов президиума, назначенных Ц. Комитетами латышской и польской с.-д. и Бунда. Я предъявил этому суду встречное обвинение против 31 меньшевика и тов. Дана ^{61а}) (члена редакции Ц. О. через Ц. О. и члена ЦК) в недопустимом поведении. Это встречное обвинение было поддержано, с одной стороны, собранием 234 петербургских большевиков, членов партии (их резолюция вместе с докладом их, дающим резюме всего дела, напечатана в № 13 «Пролетария» ⁶²), а с другой стороны, — петербургской с.-д. конференцией (минус отколовшиеся меньшевики). Резолюция этой конференции напечатана в № 14 «Пролетария».

Суд, как учреждение, созданное Ц. Комитетом, не счел себя в праве самостоятельно привлечь к обвинению 31 и тов. Дана и обратился за определением своей компетенции в вопросе о встречном обвинении к тому же ЦК. ЦК в особом заседании рассмотрел снова этот вопрос и подтвердил, что данный суд учреждается только для разбора дела о Ленине и что новое предание суду новых лиц всецело зависит

*) *Статья эта написана Вл. Ил. перед самым съездом и должна — хронологически — занять в VIII томе место непосредственно после статьи «По поводу протоколов ноябрьской военно-боевой конференции РСДРП» (т. VIII, стр. 370—378). Она была издана брошюрой с надписью «Только для членов съезда» в типографии «Пролетария» в апреле 1907 г.*

от ЦК, который, конечно, сочтет своим долгом привлечь к суду всякого, против кого данный суд формулирует обвинение в недопустимом поступке. Состав этого нового суда опять-таки предоставляется всецело усмотрению того же ЦК.

Таким образом получился целый клубок вопиющих несообразностей и противоречий. Меншевистский ЦК играет роль учреждения, предающего суду и определяющего состав суда и компетенцию суда. Встречное обвинение предъявлено против лидера меньшевистской части ЦК⁶³). Одни и те же лица оказываются и назначающими суд, и прокурорами, и решающими вопрос о направлении встречного *против них же* обвинения!

Понятно, что такие порядки не в состоянии поднять уважение к партии. Распутать клубок несообразностей может только партийный съезд. И я обращаюсь поэтому к съезду с просьбой: облечь суд всей полнотой судебной власти непосредственно от съезда; поставить суд вне всякой зависимости от ЦК, явно заинтересованного (в его меньшевистской части) в деле; предоставить суду право разбирать дело всесторонне, без всяких ограничений, и привлекать к обвинению всех членов партии и все учреждения ее, не исключая меньшевистской части ЦК и т. д.

Для пояснения дела членам съезда РСДРП прилагаю: 1) полный текст моей защитительной (или обвинительной против меньшевистской части ЦК) речи, прочтенной мною на суде в первом судебном заседании (суд имел всего два судебных заседания и допросил трех свидетелей из нескольких десятков. Заседания суда прерваны съездом), 2) краткий конспект фактической истории раскола в Петербурге.

1. Защитительная (или обвинительная против меньшевистской части ЦК) речь Ленина на партийном суде.

Товарищи-судьи!

ЦК предъявил ко мне обвинение в *недопустимом для членов партии выступлении* (в печати). Так сказано в постановлении ЦК об учреждении партийного суда. Я начну прямо с существа дела: прочту полностью то «заявление», которое ЦК «вносит на рассмотрение суда».

«...ЦК констатирует, что в брошюре «Выборы в СПб и лицемерие 31 меньшевика», подписанной тов. Лениным, содержится прямое обвинение 31 члена пет. организации в том, что они вступили в переговоры с кадетской партией «для продажи кадетам голосов рабочих», и что

«меньшевики торговались с к.-д., чтобы протащить своего человека в Думу, вопреки рабочим, при помощи к.-д.».

«ЦК констатирует: что появление подобного обвинения в печати, особенно накануне выборов, должно внести смуту в ряды пролетариата, подвергая заподозрению политическую честность членов партии. и будет использовано для борьбы с соц.-дем., врагами пролетариата.

«Находя, что подобные выступления недопустимы для членов партии, ЦК вносит образ действий тов. Ленина на рассмотрение партийного суда».

Таков полный текст обвинения. Я замечу прежде всего, что здесь есть крупная, прямо фактическая *неверность*, которую я буду просить суд исправить на основании *текста* инкриминируемой мне брошюры. Именно: в этой брошюре сказано прямо и определенно, что я обвиняю *не только* 31 меньшевика, но и тов. Дана, *т.-е.* члена Центрального Комитета. Центральный Комитет, составляя свое постановление, *не мог не знать* ни того, что тов. Дан — член ЦК (может быть даже участвовавший в обсуждении вопроса или в постановлении о предании меня суду за обвинение Дана?), ни того, что я обвиняю не только 31, *а* и Дана. Значит, ЦК *заведомо* выделил из состава обвиненных мною лиц *своего члена*. Тут уже, кроме фактической неверности, есть нечто худшее, нечто недопустимое, и я впоследствии подробно остановлюсь на оценке *этой* стороны дела и постараюсь выяснить *именно ее* всем материалом судебного следствия.

Перехожу к существу обвинения.

ЦК приводит две цитаты из моей брошюры, и я должен разобрать возможно более обстоятельно каждую из этих цитат. Я, конечно, понимаю, что дело идет о *всей* указанной брошюре, а не только об этих именно двух цитатах. Но я беру их, вслед за Ц. Комитетом, как основное и главное.

Цитата первая взята из самого начала брошюры. Позволю себе прочесть целую страницу, чтобы показать, в какой связи стоит эта цитата.

«В газете «Товарищ» напечатаны сегодня (20 января), — напоминаю, что дело было, значит, за *пять* дней до образования левого блока в СПб и за *16 дней* до выборов в Гос. Думу по городу СПб, — обширные выдержки из воззвания 31 меньшевика, отколовшихся от социалистической организации накануне выборов в СПб».

Подчеркиваю, что первая же фраза брошюры ставит во главу угла основной факт *раскола* в СПб накануне выборов. Я подчеркиваю это обстоятельство, ибо мне много раз придется еще впоследствии указывать на его значение.

Продолжаю цитату:

«...Напомним сначала в двух словах фактическую историю того, что проделали отколовшиеся от с.-д. меньшевики после ухода с конференции...». Об этом уходе и об его значении я выпустил за несколько дней до разбираемой брошюры брошюру «Социал-демократия и выборы в СПб»⁶⁴), а также брошюру: «Услышишь суд глупца» («Из заметок с.-д. публициста») ⁶⁵). Последняя брошюра почти вся конфискована полицией. Уцелело лишь несколько экземпляров, и я ссылаюсь на нее, чтобы суд мог в целом, а не в отрывках, изучить картину тогдашних происшествий.

«...1) Отколовшись от с.-д. рабочих, они вступили в блок с мелкой буржуазией (эс-эрами, трудовиками и н.-с.) ради совместного торга о местечках с кадетами. Письменный договор об этом вступлении отколовшихся с.-д. в мелко-буржуазный блок *они скрыли от рабочих* и от публики.

«Но мы не теряли надежды, что этот договор будет все же опубликован, и тайное станет явным».

Обращаю внимание суда на то, что в моей обвиняющей Дана в 31 меньшевика брошюре сразу подчеркнут момент скрывания от рабочих письменного договора.

Идем далее.

«2) Как составная часть мелко-буржуазного блока (неправильно именуемая в газетах «левым блоком»), отколовшиеся меньшевики торговались с кадетами о предоставлении этому блоку трех мест из шести. Кадеты давали два места. Не сторговались. Заседание мелко-буржуазной «конференции» (выражение не наше, а взятое из газет) с к.-д. было 18 января. О нем сообщали «Речь»⁶⁶) и «Товарищ». «Речь» объявляет сегодня соглашение несостоявшимся (хотя мы, конечно, должны быть готовы к тому, что за спиной переговоры все еще ведутся).

«Меньшевики об этом своем *выступлении*» для продажи кадетам голосов рабочих не сообщают пока в печати».

Вот в какой обстановке стоит первая цитата. Мои слова против меньшевиков написаны в тот самый депь, когда я впервые узнал из газет, что блок меньшевиков и народников с кадетами *против* большинства петербургской с.-д. организации не состоялся, при чем я тут же оговорился, что не могу считать соглашение *окончательно* несостоявшимся, что надо быть готовым к *худшему*: к продолжению переговоров «за спиной». Почему я считал тогда (я и теперь считаю свое тогдашнее воззрение правильным), что надо быть готовым к этому худшему? Потому, что скрытие от публики письменного договора меньшевиков

с мелко-буржуазным блоком было поступком неправильным, недостойным социалиста и неизбежно вызывающим *самые худшие подозрения*.

О какой «продаже» кадетам голосов рабочих идет здесь речь? Некоторые шутники говорили мне, что они поняли так — будто я говорю о продаже *за деньги*. Шутка, конечно, не лишена остроумия. Но человек грамотный и серьезно читающий всю брошюру, а не вырванные места, разумеется, увидит сразу из контекста, из всех предыдущих и последующих фраз, что речь идет о продаже *не за деньги, а за местечки в Думе*. Под «торгом» и «куплей-продажей» разумеется обмен эквивалентов политических, а не экономических, мест за голоса, а не денег за голоса.

Спрашивается, стоило ли останавливаться на таком ясном и очевидном обстоятельстве?

Я глубоко убежден, что стоило, ибо в этом пункте мы вплотную подходим к выяснению того вопроса, который поставлен Ц. Комитетом, именно: о допустимых или недопустимых выступлениях в печати.

Если бы в разбираемом месте брошюры было сказано: 31 продавали за деньги голоса рабочих кадетам, тогда это было бы приписыванием позорного и преступного образа действий противнику. За такое утверждение сделавший его подлежал бы суду, разумеется, вовсе не за «внесение смуты в ряды пролетариата», а за *клевету*. Это вполне ясно.

Наоборот, если бы в разбираемом месте брошюры было сказано 31 выступили для *присоединения* к кадетским голосам голосов рабочих при условии места в Думе для с.-д., — тогда это был бы образец лояльной, корректной, допустимой для членов партии полемики.

Чем отличается от *этой* формулировки та, которая выбрана мной? Она отличается тоном, делающим всю музыку. Именно: эта формулировка как бы рассчитана на то, чтобы вызвать у читателя ненависть, отвращение, презрение к людям, совершающим такие поступки. Эта формулировка рассчитана не на то, чтобы убедить, а на то, чтобы разбить ряды, не на то, чтобы поправить ошибку противника, а на то, чтобы уничтожить, стереть с лица земли его организацию. Эта формулировка действительно имеет такой характер, что вызывает самые худшие мысли, самые худшие подозрения о противнике и действительно в отличие от формулировки, убеждающей и поправляющей, она «вносит смуту в ряды пролетариата».

Значит, вы признаете такую формулировку *недопустимой*? — спросят меня. — Конечно, да, — отвечу я, — *только с маленьким добавлением*: недопустимой для членов *единой* партии. В этом добавлении весь гвоздь вопроса. Вся неправильность, скажу больше, недобросо-

вестность выдвинутого против меня Ц. Комитетом обвинения в том и состоит, что ЦК *умалчивает об отсутствии* единой партии, в то время, когда писалась брошюра, в той организации, от которой она (не формально, а по существу дела) исходила, целям которой она служила. Недобросовестно обвинять за «недопустимое для членов партии выступление в печати» по такому поводу, когда был *раскол* в партии.

Раскол есть разрыв всякой организационной связи, переводящий борьбу взглядов с почвы воздействия изнутри организации на почву воздействия извне организации, с почвы исправления и убеждения товарищей на почву истребления их организации, на почву возбуждения рабочей (и вообще народной) массы против отколовшейся организации.

То, что недопустимо между членами единой партии, то допустимо и обязательно между частями расколовшейся партии. Нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих массах ненависть, отвращение, презрение и т. п. к несогласномыслящим. *Можно и должно* писать именно таким языком про отколовшуюся организацию.

Почему должно? Потому что раскол обязывает *вырывать* массы из-под руководства отколовшихся. Мне говорят: вы вносили *смуту* в ряды пролетариата. Я отвечаю: я умышленно и рассчитанно вносил смуту в ряды той части петербургского пролетариата, которая шла за отколовшимися накануне выборов меньшевиками, и я *всегда буду* поступать таким образом *при расколе*.

Своими резкими, оскорбительными нападками на меньшевиков накануне выборов в СПб я, действительно, заставил дрогнуть ряды *верящего им и идущего за ними* пролетариата. Это была моя цель. Это был мой долг, как члена пет. с.-д. организации, проводящей кампанию левого блока. Ибо *после раскола* для проведения этой кампании *надо было* разбить ряды меньшевиков, ведших пролетариат за кадетами, *надо было* внести смятение в их ряды, надо было возбудить в массе ненависть, отвращение, презрение к этим людям, которые *перестали* быть членами единой партии, которые стали политическими врагами, ставящими нашей с.-д. организации подножку в ее выборной кампании. По отношению к *таким* политическим врагам я вел тогда — и в случае повторения и развития раскола *буду вести всегда* — *борьбу истребительную*.

Если бы после устроенного меньшевиками раскола в СПб мы не внесли смуты в ряды *руководимого меньшевиками* пролетариата, то мы не могли бы провести нашей выборной кампании левого блока. И я жалею только о том, что, находясь вне Питера, я не *достаточно* помог

Этому делу *вырывания* масс из-под влияния отколовшихся меньшевиков, ибо при более усердном и спешном выполнении этой задачи левый блок одержал бы в СПБ победу. Это доказано цифровыми данными о результатах выборов.

Коренная логическая (и не только логическая, конечно) ошибка обвинения состоит именно в том, что коварно обходят вопрос о расколе, замалчивают факт раскола, пытаются предъявить требования, законные с точки зрения единства партии, к условиям, когда *нет* единства, *нет* одной партии и при том еще — я буду доказывать это впоследствии — нет по вине самого обвиняющего ЦК, устраивавшего и прикрывавшего раскол!

Если бы кто-нибудь стал применять мерку допустимой внутри партии борьбы к борьбе на почве раскола, к борьбе, извне направляемой против партии или (при местном расколе) против данной партийной организации, то такого человека пришлось бы считать либо детски наивным, либо лицемером. С точки зрения организационной раскол означает разрыв *всякой* организационной связи, т.-е. переход от борьбы, убеждающей товарищей внутри организации, к борьбе, *разрушающей* враждебную организацию, уничтожающей ее влияние на массы пролетариата. С точки зрения психики совершенно ясно, что разрыв всякой организационной связи между товарищами уже означает *крайнюю степень* взаимного озлобления и вражды, перешедшей в ненависть.

А в петербургском расколе было еще два особых обстоятельства, удешевивших остроту и беспощадность борьбы.

Первое обстоятельство — роль Центрального Комитета партии. «По уставу, он должен был объединять, и всякий местный раскол должен вести не к борьбе на почве раскола, а к жалобе в ЦК, или, говоря шире, к обращению в ЦК за содействием по восстановлению единства. На деле, ЦК в СПБ был накануне выборов инициатором и участником раскола. Именно это обстоятельство, подробно и документально развитое в мотивировке к решению конференции предъявить встречное обвинение, и заставляет нас признать петербургский раскол *нечестным* расколом. Я буду особо говорить об этом впоследствии и настаивать на постановке судом вопросов, вытекающих из юридической природы этого обвинения, предъявленного обвиняемым против обвинителя.

Второе обстоятельство: выборная кампания в Петербурге во время раскола. Раскол при отсутствии немедленного открытого и массового политического выступления или вообще политического действия партии может еще иногда не означать необходимости *немедленной* беспощадно-

истребительной войны. Но раз есть такое массовое выступление, как, например, выборы, раз требуется во что бы то ни стало немедленно вмешаться в выборы и провести их так или иначе, — тогда раскол означает безусловно истребительную войну тотчас же, войну за то, кто проведет выборы: местная ли с.-д. организация или отколовшаяся от нее группа. При таком расколе ни на минуту не может быть отложена задача: вырвать массы из-под влияния отколовшихся, раздробить их организацию, превратить их в политические нули. И только благодаря беспощадной силе большевистской атаки на меньшевиков, после их раскола 6 января, — получилась еще сравнительно дружная, сколько-нибудь партийная, по крайней мере, похожая на социал-демократическую, выборная кампания в столице.

Говорят: боритесь, но только не отравленным оружием. Это очень красивое и эффектное выражение, спора нет. Но оно представляет из себя либо красивую пустую фразу, либо выражает в расплывчатой и неясно-смутной форме ту самую мысль о борьбе, сеющей ненависть, отвращение, презрение в массе к противникам, о борьбе, недопустимой в единой партии и неизбежной, необходимой при расколе в силу самого существа раскола, — мысль, развитую уже мной в начале речи. Как ни вертите вы этой фразы или этой метафоры, вы не выжмете из нее ни грана реального содержания, кроме той же самой разницы между лойяльным и корректным способом борьбы посредством убеждения внутри организации и способов борьбы посредством раскола, т.-е. разрушением враждебной организации путем возбуждения в массе ненависти, отвращения, презрения к ней. Отравленное оружие, это — нечестные расколы, а не истребительная война, вытекающая из совершившегося раскола. Существуют ли пределы допустимой борьбы на почве раскола? Партийно-допустимых пределов такой борьбы нет и быть не может, ибо раскол есть прекращение существования партии. Смешна даже самая мысль о том, чтобы партийным путем, партийным решением и т. п. можно было бороться против способов борьбы, вытекающих из раскола партии. Пределы борьбы на почве раскола, это — не партийные, а общеполитические или, вернее, даже обще-гражданские пределы, пределы уголовного закона и ничего более. Если вы раскололись со мной, вы же можете требовать от меня большего, чем от кадета, или эс-эра, или человека с улицы и т. д.

Поясню еще свою мысль одним наглядным примером. В ближайшем номере «Пролетария» идет присланная с места корреспонденция о выборах в городе Ковне. Корреспондент очень недоволен бундовским блоком с достижениями против литовских с.-д. и резко критикует Бунд. Какая критика допустима для членов единой партии?

Недовольство надо бы было выразить примерно так: бундовцы неправильно поступили, идя в блоке с еврейскими буржуа против социалистов иной нации; в этом поведении сказывается влияние идей мелко-буржуазного национализма и т. д. и т. п. Пока мы находимся в единой партии с Бундом, совершенно недопустима была бы брошюра против них, пущенная в массу накануне выборов и третирующая бундовцев, как предателей пролетариата. Но *если бы* повторилась история 1903 г. — история вообще не повторяется, и я беру вымышленный пример — и Бунд откололся бы от партии, неужели кто-нибудь мог бы потом серьезно поднимать вопрос о недопустимости брошюр, рассчитанных на то, чтобы вселить бундовской рабочей массе ненависть, отвращение, презрение к ее вождям, как переодетым буржуа, предающимся еврейской буржуазии и протаскивающим через нее своих людей в Думу и т. д.? Всякому, кто поднял бы такую жалобу, посмеялись бы только в лицо: не устраивайте раскола, не пускайте в ход «отравленного оружия» раскола или не жалуйтесь потом на то, что поднявшие отравленный меч от отравленного меча и погибают!

На второй цитате, после всего сказанного выше, нет надобности останавливаться. Она гласит: «Меньшевики торговались с к.-д., чтобы протащить своего человека в думу, вопреки рабочим, при помощи к.-д.— вот в чем состоит простая разгадка всех этих странствований от с.-д. к мелко-буржуазному блоку, от мелко-буржуазного блока к кадетам». Попробуйте разобрать эту цитату формально и внешним образом, с точки зрения *единой* партии, и вы, конечно, скажете, вместо «торговались» следует писать о членах партии «вели переговоры» вместо «протащить» — «провести»; вместо «своего человека» — «с.-д. депутата» и т. д. и т. п. Но разве такой «разбор» цитаты или такое «суждение» по поводу способа выражения способны вызвать что-либо, кроме улыбки? Разве не ясно, что самый оскорбительный, презрительный, предполагающий все в худшую, а не в лучшую сторону способ выражений есть борьба на почве раскола за *уничтожение* организации, которая *срывает* политическую кампанию местного с.-д. пролетариата! Жалобы на обидный, оскорбительный и заподозревающий характер таких выражений подобны были бы тому, как если бы штрейкбрехер жаловался на злобное к нему отношение. Рассматривать жалобы или обвинения в такой плоскости было бы все равно, как если бы мы осудили, как недопустимое, слово «штрейкбрехер», не разобрав *по существу* вопроса о том — было ли действительно штрейкбрехерским поведение данного лица.

Бывает раскол и раскол. Я употреблял уже не раз выражение: «печестный» раскол. Я остановлюсь теперь на этой стороне вопроса. ЦК

пишет в своем обвинении, что я заподозреваю политическую честность членов партии. Это — слишком слабо выражено и неправильно применено к приведенным только цитатам. Я не только «заподозреваю политическую честность» Зи и Дана. Я всем содержанием своих «выборных брошюр» *обвиняю их в политически нечестном или партийно-нечестном расколе*. И я поддерживаю это обвинение. Напрасны только будут всякие попытки перенести центр тяжести этого обвинения с общего, основного и коренного вопроса об устроителях раскола на какие бы то ни было мелкие, частные производные вопросы.

Всякий раскол есть величайшее преступление против партии, ибо он уничтожает партию, рвет партийную связь. Но бывает раскол и раскол. Выражение «нечестный раскол», которое я не раз употреблял, может быть применено не ко всякому расколу. Поясню это примером.

Допустим, в партии давно борются два течения, стоящие, скажем, за поддержку политики к.-д. или против поддержки. Происходит крупное политическое событие, обостряющее кадетские тенденции приближающие сделку к.-д. с реакцией. Сторонники поддержки кадетов разрывают с противниками поддержки. Такой раскол вызовет, как и всякий раскол, неизбежно самую обостренную, озлобленную, сеющую ненависть и т. д. борьбу, но нечестным расколом признать его нельзя, ибо, кроме обострения принципиальных разногласий, в подкладке этого раскола нет ничего иного.

Представьте себе иной раскол. Допустим, что два течения в партии сошлись на разрешении в разных местах разной тактики. Если это общее согласие рвет в одном из мест, если рвет его тайком, из-за угла, предательски по отношению к товарищам, — тогда всякий согласится, наверное, признать подобный раскол *нечестным расколом*.

В Петербурге меньшевики устроили накануне выборов именно такой нечестный раскол. Во-1-х, на Всероссийской конференции оба течения в партии торжественно обещали подчиниться местной тактике местных организаций на выборах. Петербургские меньшевики одни только во всей России нарушили это обещание. Это нечестно. Это вероломство по отношению к партии.

Во-2-х, ЦК вместо объединения партии вел до такой степени фракционную политику, что прямо помогал меньшевистскому расколу, а член ЦК Дан принимал в нем деятельнейшее участие. Это нечестно. Это значит употреблять от партии данную власть против партии. Это значит тайком, из-за угла, наносить удар отравленным ножом, будучи на словах охранителем единства партии.

Вот *два* основные факта, которые заставили меня третировать и 31, и Дана, как политически нечестных людей. Духом именно такого третирования пропитана *вся* моя брошюра.

И я поддерживал перед судом это обвинение. Я направил все усилия к тому, чтобы судебное следствие вскрыло перед судьями всю обстановку петербургского раскола, давая возможность с полным убеждением решить вопрос: был ли это честный раскол или нет? Те ли пустили в ход «отравленное оружие», кто устроил этот раскол, или те, кто вел с устроителями раскола самую беспощадную, истребительную войну?

Выяснение этого вопроса до конца, *до самой глубины и подоплеки его*, выяснение делегатами национальных с.-д. партий, впервые входящих на *деле* в РСДРП, может иметь огромное значение для установления действительно партийных отношений в нашей партии вместо плохо прикрытого раскола.

Не формальный, не узко-юридический вопрос составляет содержание настоящего суда. Не в том же гвоздь, в самом деле, следует ли в единой партии писать: торговаться или вести переговоры, проводить или протаскивать, продавать голоса за местечки или присоединять голоса при условии получения места и т. п. Такое понимание вопроса могло бы быть встречено, конечно, только улыбкой.

Гвоздь в том, ценим ли мы действительно единство нашей партии или миримся с расколами, отписываясь от них, отделяясь от этой язвы формальной уверткой. От приговора вашего суда, товарищи-судьи, зависит — и, может быть, не в малой степени зависит — то обстоятельство, — окажется ли петербургский раскол последним, действительно последним отзвуком миновавшей эпохи общепартийного раскола, или... или он будет началом нового раскола, и значит, новой повсеместной борьбы отравленным оружием.

От вашего приговора зависит, — будет ли ослаблено или укреплено колеблющееся единство Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

2. *Краткий конспект фактической истории петербургского раскола.*

На ноябрьской (1906 г.) конференции РСДРП решено единогласно, что в деле выборов все подчиняется постановлениям *местных* с.-д. организаций.

Ленин на той же конференции заявляет: «Пусть и Выборгский район (отчет меньшевистской части с.-д. организации в СПб) не нару-

шает постановлений ПК!» — как бы предупреждая этим о взаимности обязательства.

В № 8 «Пролетария» (1906 г., ноябрь) в особой статье большевики призваны к резкой критике блоков с к.-д., но к *подчинению* местным организациям.

В том же ноябре 1906 г. тов. Дан, член ЦК, участвует *«совершенно частным»* (по его заявлению на суде) *образом»* в собрании, устроенном инженером Федоровичем, где присутствуют Милоков и Набоков (лидеры ЦК и ПК кадетов), один вождь эсеров и Пешехонов (вождь н.-с.-ов) говорили о выборах, но не в *Петербурге* (по словам тов. Дан). Тов. Дан не счел нужным доложить об этом собрании ни ЦК ни ПК.

В декабре 1906 г. тов. Дан является на информационное собрание по вопросу о выборах, где были представители ПК РСДРП и затем к.-д., н.-с. и с.-р. Дан заявляет, что он представитель ЦК, но излагает *«свой личный взгляд»* на желательность *порайонных соглашений в СПб.*

4-го января 1907 г. на собрании ЦК принимается решение ультимативно потребовать от конференции петербургской с.-д. организации *разделения на городскую и губернскую*. Члены ЦК, большевики (Максимов ⁶⁷), Зимин ⁶⁸), Строев ⁶⁹), подают протест против этого шага, фактически равносильного раскалыванию петербургской организации Центральным Комитетом.

6-го января 1907 года состоялась конференция с.-д. организации, решавшая вопрос о выборах. Было 39 большевиков и 31 меньшевик. Меньшевики ушли с конференции по двум формальным основаниям: 1) они считали неправильным распределение мандатов; 2) вследствие отказа конференции разделиться на городскую и губернскую, согласно требования ЦК.

К оценке этих оснований раскола приводим три факта: 1) на конференции 6 января утверждены были 42 мандата большевиков и 28 меньшевиков. Сами меньшевики в *изданном ими листке* объявили, что следовало бы считать 35 большевиков и 32 меньшевика, т.-е. признали преобладание большевиков; 2) вследствие раскола следующая конференция с.-д. организации в СПб была выбрана под особым контролем комиссии, особо назначенной Центральным Комитетом. Выборы дали на конференцию 25 марта 42 большевика и 32 меньшевика. Новые выборы подтвердили еще большее преобладание большевиков; 3) ни в одном городе России, ни в Вильне, ни в Одессе, ни в Баку, ЦК не требовал разделения конференции. Это ультимативное требование было и незаконно и явно вызвано фракционными соображениями только против Петербурга.

Уйдя с конференции, меньшевики выбрали свой исполнительный орган, стали выпускать свои листки (при участии членов ЦК меньшевиков и тов. Дана в том числе) и повели самостоятельную выборную кампанию. Они вступили без большевиков в соглашение с народническими партиями (н.-с., с.-р. и трудовики) для совместного соглашения с к.-д.

Буржуазная печать Петербурга («Речь», «Страна» ⁷⁰), «Товарищ» и т. д.) горячо приветствовала меньшевиков за раскол, называла их «умеренно-социалистической партией», призывала к смелой борьбе с большевиками, ликовала по поводу изолирования этих «бланкистов» и т. д. Большевики, предложив 6-го января блок народникам *против* к.-д., не участвовали ни в каких переговорах.

14-го января «Речь» в передовице обещает меньшевикам *место от рабочей курии* в случае успеха против большевиков.

Меньшевики на собрании 17-го января постановляют: все места, что достанутся им, предоставить в распоряжение рабочей курии. 9-го января «Товарищ» публикует об этом.

15-го января Милюков получает аудиенцию у Столыпина ⁷¹), после чего к.-д. явно идут вправо.

18-го января состоялась конференция меньшевиков, народников и к.-д. Кадеты давали 2 места, от них требовали 3. Разрыв с к.-д.

20-го января «Товарищ» печатает выдержки из листка меньшевиков, направленного против большевиков и подрывающего их избирательную кампанию. Я пишу в тот же день брошюру—«Выборы в СПб и лицемерие 31»;—выходит в свет она дня через три.

25-го января заключен левый блок в Петербурге.

28-го происходит собрание выбранных (7 и 14 января) по рабочей курии *города* СПб, уполномоченных от фабрик и заводов. Присутствует 200—250 человек из 271. Большинством против 10—12 принята резолюция за *левый блок*. Резолюция специально призывает меньшевиков *«не оказывать хотя бы в скрытом виде поддержки кадетам»*.

Меньшевики, обещавшие 17-го января отдать «свои места рабочей курии, не только не вняли голосу собрания *всех* уполномоченных, но прямо объявили его «эсеровско-большевистским шабашем».

30-го января происходит собрание с.-д. уполномоченных. В борщики намечены кандидаты ЦК.

29-го января левый блок побуждает беспартийных прогрессивных избирателей Коломенского участка разорвать их *письменный* договор с меньшевиками, ибо в этом договоре (как и в печатном листке меньшевиков) стоит условие: *«выборщики-меньшевики считаются не связанными с условиями народническо-большевистского блока, ка-*

сающимися распределения депутатских мест» (пункт 11, подраздел 3). Это условие — есть явная попытка обеспечить себе возможность голосовать на второй стадии *с кадетами против левого блока*.

7-го февраля происходят выборы в Петербурге. Черпосотенная опасность опровергнута окончательно. К.-д. получили 28.798-голосов, левый блок — 16.703, октябристы — 16.613 и монархисты — 5.270. Левому блоку не доставало оторвать от к.-д. 1.573 голоса по 5 участкам, чтобы победить во всем Питере. В Коломенском участке левый блок получил всего на 199 голосов меньше к.-д.

Таков краткий перечень фактов. Из них ясно видно, что по существу дела избирательная кампания в СПб *была сорвана меньшевиками*. По существу дела заговор о расколе начат был *еще в ноябре и начат членом ЦК Даном*. По существу дела *именно Дан плюс меньшевистские члены ЦК проводили* в СПб раскол против большинства местной организации.

Третья Дума *).

Правительство реализует результаты совершенного им 3-го июня гнусного преступления против народа: уродливый избирательный закон, совершенно извращающий волю не только всего народа, но даже и пользующегося избирательными правами меньшинства в угоду горсти помещиков и капиталистов, дал царизму вожделенные плоды. Из 442 депутатов, подлежащих избранию в Думу, в момент, когда пишется настоящая статья, выбрано 432; подлежит избранию 10, так что общие результаты выборов определились уже в достаточной степени. По приблизительно верному подсчету оказывается, что социал-демократов выбрано 18, других левых — 13, кадетов — 46, членов групп к ним близких — 55, октябристов — 92, членов групп, родственных им по направлению — 21, правых всякого рода — 171, в том числе — 32 члена союза русского народа, беспартийных — 16.

Таким образом, не считая незначительного числа беспартийных, всех остальных депутатов можно разделить на 4 группы: крайнюю левую, составляющую всего несколько более 7⁰/₀, левый (кадетский) центр — 23⁰/₀, правый (октябристский) центр — 25,1⁰/₀ и правую — 40⁰/₀; беспартийные составляют несколько менее 4⁰/₀.

*) В VIII томе эта статья должна занять место непосредственно после статьи «Международный Социалистический Конгресс в Штутгарте» (т. VIII, стр. 498—503).

Ни одна из этих групп, взятая в отдельности, не представляет собою абсолютного большинства. Является ли для вдохновителей и составителей нового избирательного закона такой результат вполне соответствующим их желаниям и ожиданиям? Мы думаем, что на этот вопрос надо ответить положительно и что новый русский «парламент» с точки зрения правящих групп, поддерживающих самодержавный царизм, является в полном смысле слова *chambre introuvable* *).

Дело в том, что у нас, как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существует собственно два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое закулисное — придворная камарилья. Эта последняя всегда и везде опирается на самые реакционные слои общества, на феодальное, по нашему, «черносотенное», дворянство, черпающее свою экономическую силу из крупного землевладения и связанного с ним полу-крепостнического хозяйства. Изнеженная, развращенная, выродившаяся — эта общественная группа являет собою яркий образец самого гнусного паразитизма. До какой степени извращенности доходит здесь вырождение, — показывает скандальный процесс Мольтке-Гардина в Берлине, вскрывший грязную клоаку, которую представляла собою влиятельная камарилья при дворе полусамодержавного германского императора Вильгельма II. Ни для кого не секрет, что и у нас в России в соответствующих кругах подобные же гнусности не составляют исключения. Огромная масса «правых» в III Думе будет, по крайней мере, в подавляющем большинстве своем, если не целиком, защищать интересы именно этой общественной плесени и ржавчины, этих «гробов поваленных», завещанных нам *темным* прошлым. Сохранение крепостнического хозяйства, дворянских привилегий и самодержавно-дворянского режима, — вопрос жизни и смерти для этих мастодонтов и ихтиозавров, ибо «зубры» — для них слишком почетное название.

Мастодонты и ихтиозавры обыкновенно выбиваются изо всех сил чтобы, пользуясь своим придворным всемогуществом, захватить в свое полное и безраздельное владение и официальное правительство — кабинет министров. Обыкновенно в значительной своей части кабинет и состоит из их ставленников. Однако, сплошь и рядом большинство кабинета по своему составу не вполне соответствует требованиям камарильи. Конкуренцию допотопному хищнику, хищнику крепостнической эпохи составляет в данном случае хищник эпохи первоначального накопления — тоже грубый, жадный, паразитический, но

*) Такая, лучше которой не найдешь: так назвал в 1815 г. Людвиг XVIII французскую черносотенную палату депутатов.

с некоторым культурным лоском и — главное — с желанием также ухватить добрый кусок казенного пирога в виде гарантии, субсидии, концессии, покровительственных тарифов и т. д. Этот слой землевладельческой и промышленной буржуазии, типичной для эпохи первоначального накопления, находит себе выражение в октябризме и примыкающих к нему течениях. У него много интересов, общих с черносотенцами *sans phrases*, — хозяйственный паразитизм и привилегии, квасной патриотизм с октябристской точки зрения так же необходимы, как и с черносотенной.

• Так составляется черносотенно-октябристское большинство в III Государственной Думе: оно доходит до внушительной цифры 284-х человек из 432, т.-е. до 65,7%, более $\frac{2}{3}$ всего числа депутатов.

• Это — твердыня, обеспечивающая правительству возможность в аграрной политике помочь разорившимся помещикам выгодно ликвидировать свои земли, обобрав при этом до нитки малоземельных крестьян; из рабочего законодательства создать орудие самой грубой эксплуатации пролетариата капиталом, в финансовой политике обеспечить сохранение главной тяжести палогов на плечах народных масс. Это — твердыня протекционизма и милитаризма. Контр-революционный характер октябристско-черносотенного большинства не оспаривается никем.

Но в том-то и дело, что это не единственное большинство, существующее в III Думе. Есть еще другое большинство.

Черносотенцы — надежный союзник октябристов, подобно тому, как придворная камарилья союзник кабинета министров в деле защиты царизма. Но как придворная камарилья проявляет органическое влечение не столько к союзу с кабинетом министров, сколько к господству над ним, и черносотенцы жаждут диктатуры над октябристами, помыкают последними, стремятся подмять их под себя.

Интересы капитализма, хотя бы и грубо хищнического, паразитического, не мирятся с безраздельным господством крепостнического землевладения. Обе родственные между собою социальные группы стремятся отхватить себе кусок пирога побольше и пожирнее, — и отсюда неизбежное расхождение их в вопросах местного самоуправления и центральной организации государственной власти. Для черносотенцев в земстве и городской Думе не нужно ничего другого кроме того, что есть, а в центре — «долой проклятую конституцию!». Для октябристов и в земстве и в Думе надо усилить свое влияние, а в центре необходима «конституция», хотя и очень куцая, фиктивная для М. СС.

Не даром «Русское Знамя» ⁷²⁾ поносит «октябррей», а «Голос Москвы» ⁷³⁾, в свою очередь, находит, что в III Думе правых больше, чем нужно.

И вот объективный ход дела вынуждает октябристов искать союзников в данном отношении. Их можно было бы пайти давно в левом (кадетском) центре, который давно уже заявляет о своей пелицемерной преданности конституции, по в том-то и дело, что молодая русская буржуазия эпохи капиталистического накопления, представляемая теперь кадетами, сохранила от прошлого очень много старых и некоторые неприятные традиции. О традициях в политической сфере, впрочем, оказалось легко расстаться: монашеские казеты объявили себя давным давно, еще до I Думы, от ответственности министерства они молчаливо отказались во II Думе, кадетские проекты о разных «свободах» содержат в себе так много образцов одичавших проволочных заграждений и волчьих ям, притом эти свободы, что есть вся надежда на дальнейший прогресс в этом отношении, восстанию и забастовке кадеты и прежде относились с укором, сначала ласковым, потом меланхолическим, после декабря 1905 года укор превратился наполовину в пренебрежение, а после разгона I Думы в резкое отрицание и порицание. Дипломатия, сделка, торг с властью имущими — вот основа кадетской тактики. А что касается неудобных друзей, то они уже давно именуется просто «соседями», а недавно громко объявлены «врагами».

Сговориться, значит, можно, и вот новое, опять-таки контрреволюционное большинство — октябристско-кадетское. Оно, правда, пока несколько меньше половины выбранного числа депутатов — 214 из 432 — но, во-первых, к нему, несомненно, примкнут если не все беспартийные, то, по крайней мере, часть их, а во-вторых, есть все данные предполагать, что оно увеличится при дальнейших выборах, так как города и большая часть губернских избирательных собраний, в которых выборы еще не производились, дадут в подавляющем большинстве или октябристов, или кадетов.

Правительство считает себя господином положения. Либеральная буржуазия, повидимому, признает это за действительность. При таких условиях сделка должна носить на себе более, чем когда-либо, печать самого пошлого и предательского компромисса, точнее сдачи всех носящих хоть какую-либо тень демократизма позиций либерализма. Ясно, что путем такой сделки без нового массового движения не может быть осуществлено хоть сколько-нибудь демократическое устройство местного управления и центральных законодательных органов. Октябристско-кадетское большинство этого нам дать не

в состоянии. А можно ли ждать от черносотенно-октябристского большинства, от диких помещиков в союзе с капиталистами-хищниками сколько-нибудь сносного решения аграрного вопроса и облегчения положения рабочих? В ответ на этот вопрос можно только посмеяться горьким смехом.

Положение ясно: *осуществить хотя бы в самом уродливом виде объективные задачи революции наша chambre introuvable не в состоянии*. Она не может хотя бы отчасти залечить зияющие раны, нанесенные России старым строем,—она может только прикрыть эти раны жалкими, кислыми, фиктивными реформами.

Результаты выборов лишней раз подтверждают наше твердое убеждение: *Россия не может выйти из переживаемого ею кризиса мирным путем*.

При таких условиях являются совершенно ясными те задачи, которые стоят в настоящий момент на ближайшей очереди перед социал-демократией. Ставя своей конечной целью торжество социализма, будучи убеждена, что для достижения этой цели необходима политическая свобода, и имея в виду то обстоятельство, что в настоящее время невозможно осуществить эту свободу мирным путем, без открытых массовых выступлений,—социал-демократия обязана теперь на ближайшую очередь попрежнему поставить демократические и революционные задачи, ни на минуту не отказываясь, разумеется, ни от пропаганды социализма, ни от защиты пролетарских классовых интересов в узком смысле слова. Будучи представительницей наиболее передового, наиболее революционного класса современного общества — пролетариата, на деле показавшего в русской революции свою способность к роли вождя в массовой борьбе, социал-демократия обязана всеми мерами содействовать тому, чтобы эта роль осталась за пролетариатом и в той новой стадии революционной борьбы, которая наступает, в стадии, характеризующейся гораздо большим, чем прежде, весом сознательности над стихийностью. С этой целью *социал-демократия обязана всеми силами стремиться к гегемонии над демократической массой и к развитию в этой массе революционной энергии*.

Такое стремление приводит партию пролетариата к резкому столкновению с другими классовыми политическими организациями, для которых, сообразно интересам представляемых ими групп, демократическая революция является ненавистной и опасной не только сама по себе, но и, особенно в виду гегемонии в ней пролетариата, чреватой социалистической опасностью.

Совершенно ясно и не подлежит никакому сомнению, что оба думских большинства — черносотенно-октябристское и октябристско-

кадетское — попеременно опираясь на которые, намерено балансировать правительство Столыпина, оба эти большинства, каждое по-своему — в разных вопросах — будут контр-революционными. О борьбе с министерством того или другого большинства или даже отдельных их элементов — борьбе сколько-нибудь систематической и планомерной и речи быть не может. Возможны только отдельные, временные конфликты. Такие конфликты возможны прежде всего между черносотенным элементом первого большинства и правительством. Но не надо забывать, что они не могут быть сколько-нибудь глубокими, и правительство, несколько не сходя с контр-революционной почвы, может с полным удобством и легкостью выйти из этих конфликтов победителем, опираясь на второе большинство. Революционная социал-демократия и вместе с ней все остальные революционно-настроенные элементы III Думы при всем своем желании не могут использовать эти конфликты в интересах революции иначе, как в чисто агитационных целях: о «поддержке» какой-либо из сталкивающихся сторон здесь не может быть и речи, ибо такая поддержка была бы сама контр-революционным актом.

Быть может, несколько больше и лучше можно будет использовать возможные конфликты между отдельными элементами второго большинства, — между кадетами, с одной стороны, и октябристами и правительством — с другой. Но положение и здесь таково, что не только в силу субъективных настроений и намерений, но и вследствие объективных условий конфликты будут и неглубоки и преходящи, явятся лишь средством, облегчающим политическим торгашам заключение сделки на условиях более приличных по внешности, по существу же противоречащих интересам демократии. *Социал-демократия должна, следовательно, не отказываясь от использования даже таких неглубоких и не частых конфликтов, вести упорную борьбу за демократические и революционные задачи не только с правительством, черной сотней и октябристами, но и с кадетами.*

Таковы основные цели, которые должна поставить себе социал-демократия в III Государственной Думе. Совершенно очевидно, что эти цели — те же, которые стояли перед партией пролетариата во II Думе. Они формулированы с полной ясностью в первом пункте резолюции Лондонского съезда о Государственной Думе. Пункт этот гласит: «непосредственно политическими задачами социал-демократии в Думе являются: а) выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществить требования пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства; б) выяснение народу невозможности осуществить политическую свободу парла-

ментским путем, пока реальная власть остается в руках царского правительства, и выяснение неизбежности открытой борьбы народных масс с вооруженной силой абсолютизма, борьбы, имеющей целью обеспечение полноты победы — переход власти в руки народных масс и созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования».

В этой резолюции, в особенности в последних ее словах, формулирована и важнейшая специальная задача деятельности социал-демократии III Думы, задача, которую социал-демократические депутаты должны выполнить в связи с обличением всей гнусности преступления 3 июня. Обличать это преступление они должны, конечно, не с либеральной точки зрения формального нарушения конституции, а как наглое и грубое нарушение интересов широких народных масс, как беззастенчивую и возмутительную фальсификацию народного представительства. Отсюда и должно вытекать *выяснение широким народным массам полного несоответствия III Думы интересам и требованиям народа и в связи с этим широкая и энергичная пропаганда идеи полномочного Учредительного Собрания, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании.*

Та же Лондонская резолюция весьма отчетливо определяет характер с.-д. партийной работы в Государственной Думе в следующих выражениях: «на первый план должна быть выдвинута критическая, пропагандистская, агитационная и организационная роль с.-д. думской фракции»; «общий характер думской борьбы должен быть подчинен всей внедумской борьбе пролетариата, при чем особенно важно использование массовой экономической борьбы и служение ее интересам». Совершенно ясно в какой тесной, неразрывной связи находится такой характер думской работы с теми целями, которые, как выше указано, должна ставить себе в Думе социал-демократия в настоящий момент. Мирная законодательная работа социал-демократов в III Думе при условиях, делающих в высокой степени вероятными массовые движения, явилась бы не только нецелесообразной, не только смешным донкихотством, но и прямой изменой пролетарским интересам, она неизбежно привела бы социал-демократию к «принижению ее лозунгов, способному лишь дискредитировать в глазах массы социал-демократию и оторвать ее от революционной борьбы пролетариата». Большого преступления представители пролетариата в Думе не могли бы совершить.

Критическая деятельность социал-демократии должна быть развернута во всю ширину и заострена до высшей степени тем более, что в III Думе материал для нее будет в чрезвычайном избытке. Со-

циал-демократы в Думе обязаны до конца разоблачать классовую подкладку как правительственных, так и либеральных мер и предложений, которые будут проводиться в Думе, при чем, в полном согласии с резолюцией съезда, особое внимание необходимо обратить на те меры и предложения, которые касаются экономических интересов широких народных масс; сюда относятся рабочий и аграрный вопросы, вопрос о бюджете и т. д. Во всех этих вопросах социал-демократия обязана противопоставлять правительственной и либеральной точкам зрения свои социалистические и демократические требования, эти вопросы — самый чувствительный нерв народной жизни и вместе самое больное место правительства и тех социальных групп, на которые опираются оба думских большинства.

Все эти агитационные, пропагандистские и организационные задачи социал-демократы в Думе будут осуществлять, помимо своих речей с думской трибуны, еще внесением законопроектов и предъявлением запросов правительству. Но здесь есть одно важное затруднение: для внесения законопроекта или предъявления запроса требуется подпись не менее, чем *тридцати* депутатов.

Тридцати социал-демократов в III Думе нет и не будет. Это несомненно. Значит, социал-демократия *одна*, без содействия других групп, не может ни вносить законопроекты, ни делать запросы. Несомненно, это сильно затрудняет и осложняет дело.

Речь идет, конечно, о законопроектах и запросах последовательно-демократического характера. Может ли социал-демократия в этом отношении рассчитывать на содействие конституционно-демократической партии? Конечно, нет. Разве кадеты, вполне уже готовые в настоящее время на ничем не прикрытый компромисс на таких условиях, при которых от их программных требований, как они и без того ни куцы и ни сведены к минимуму разными оговорками и исключениями, не останется ничего, разве кадеты решатся раздражать правительство демократическими запросами? Все мы помним, что уже во II Думе речи кадетских ораторов, выступавших при запросах, сильно побледили и подчас превращались не то в детский лепет, не то в вежливые и даже почтительные вопросы с полупоклонами. А теперь, когда «работоспособность» Думы в деле сплетения сетей для народа крепче да понадежнее, так, чтобы эти сети превратились в цепи, сделалась притчей во языцех, — их высокопревосходительства гг. министры могут спать спокойно: их редко будут беспокоить с кадетской стороны — еще бы, ведь, надо законодательствовать! Да и если будут беспокоить, то с соблюдением всех правил учтивости. Не даром Милоков на предвыборных собраниях обещает «бе-

речь огонек». Да и один ли Милоков? Что значит дановское безусловное отрицание лозунга «долой Думу»? Не то же ли бережение огонька? И не в том же ли направлении «учтивости» советует итти социал-демократии Плеханов со своей «поддержкой либеральной буржуазии», «борьба» которой сводится не к чему иному, как к реверансам и глубоким поклонам?

Нечего и говорить о присоединении кадетов к законодательным предложениям социал-демократов: ведь эти законопроекты будут отличаться ярко выраженным агитационным характером, будут выражать во всей полноте последовательно-демократические требования, ну, а это будет возбуждать в кадетской среде, копечно, не меньшее раздражение, чем в октябристской и даже черносотенной.

Итак, кадетов и в этом отношении надо сбросить со счета. В деле предъявления запросов и предложения законопроектов социал-демократия может рассчитывать только на содействие групп левее кадетов. Повидимому, их вместе с социал-демократами наберется до 30 человек, и, следовательно, откроется полная техническая возможность проявить инициативу в данном отношении. Речь, разумеется, идет не о каком-либо блоке, а о тех «совместных действиях», которые, по словам резолюции Лондонского съезда, «должны исключать всякую возможность каких бы то ни было отступлений от с.-д. программы и тактики, служа лишь целям общего натиска как против реакции, так и против предательской тактики либеральной буржуазии».

«Пролетарий», № 18,

29 октября 1907 года.

Послесловие к статье „Задачи пролетариата в нашей революции“^{*}).

Моя брошюра устарела вследствие экономической разрухи и неспособности типографий в Петербурге. Брошюра написана 10 апреля 1917 г., а сегодня 28 мая, и брошюра все еще не вышла.

Брошюра написана, как *проект* платформы для пропаганды моих взглядов *перед* всероссийской конференцией нашей партии, рос. с.-д. р. партии большевиков. Переписанная на пишущей машине и розданная членам партии в нескольких экземплярах перед конференцией и на конференции, брошюра сделала все же некоторую часть своей работы.

Но теперь конференция 24—29/IV 1917 г.⁷⁴⁾ уже состоялась, резолюции ее давно изданы, и внимательный читатель легко заметит, что моя брошюра частенько является первоначальным проектом этих резолюций.

Мне остается только выразить надежду, что кое-какую пользу в связи с этими резолюциями, в пояснение их, брошюра все же принесет, а затем остановиться на двух пунктах.

Я предлагаю, на стр. 27, остаться в Циммервальде только для информации. Конференция не согласилась в этом пункте со мной и мне пришлось голосовать против резолюции об Интернационале. Уже теперь становится явственно видным, что конференция сделала ошибку и что ход событий быстро поправит ее. Оставаясь в Циммервальде, мы (хотя бы и против нашей воли) участвуем в оттягивании создания III Интернационала; мы косвенно тормозим его создание, будучи связаны мертвым грузом уже мертвого идейно-политического Циммервальда.

^{*}) *Хронологическое место этой заметки в XIV томе после статьи «Один принципиальный вопрос» (ч. I, т. XIV, стр. 225—227). Написана заметка 28 мая 1917 г. впервые напечатана в виде послесловия к брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции», изданной «Прибоем» в июне 1917 г.* Ред.

Положение нашей партии перед лицом всех рабочих партий всего мира теперь именно таково, что мы *обязаны* немедленно *основать* III Интернационал. Кроме нас, *теперь* этого делать некому, а *оттяжки* вредны.

Оставаясь в Циммервальде только для информации, мы *сразу* развязали бы себе руки для такого создания (будучи в то же время в состоянии *использовать* Циммервальд, если бы обстоятельства сделали такое использование возможным).

Теперь же благодаря ошибке, сделанной конференцией, мы вынуждены пассивно ждать по меньшей мере до 5 июля 1917 г. (срок созыва Циммервальдской; хорошо еще если ее не отсрочат еще раз, она уже была раз отсрочена...)

Но решение, единогласно принятое ЦК нашей партии после конференции и напечатанное в № 65 «Правды» от 12 мая, наполовину исправило ошибку: постановлено, что мы уходим из Циммервальда, если он пойдет совещаться с министрами. Я позволю себе выразить надежду, что вторая половина ошибки будет исправлена вскоре как только мы созовем первое международное совещание «левых» («третье течение»), «интернационалистов на деле».

Второй пункт, на котором надо остановиться, это образование «коалиционного министерства» 6 мая 1917 года. Перемена *кажется* в этом пункте особенно устаревшей.

На деле именно в этом пункте она совершенно не устарела. Она *строит все на классовом анализе*, которого, как огня, боятся меньшевики и народники, давшие 6 министров в заложники 10-ти министрам капиталистов. И именно потому, что брошюра строит все на классовом анализе, она не устарела, ибо вступление Церетели, Чернова и К-о в министерство изменило *в ничтожной* степени только форму соглашения Петр. Совета с правительством капиталистов, а я нарочно подчеркнул в брошюре, что «имею в виду не столько формальное соглашение, сколько фактическую поддержку».

С каждым днем все яснее становится, что Церетели, Чернов и К-о именно только заложники капиталистов, что ровнехонько ничего «обновленное» правительство из своих пышных обещаний выполнить не хочет и не может, ни во внешней политике, ни во внутренней. Чернов, Церетели и К-о убили себя политически, оказались помощниками капиталистов, на деле душащими революцию. Керенский докатился до применения насилия к массам (в брошюре Гучков только еще грозит применять насилие против масс, а Керенскому *пришлось* осуществлять эти угрозы...). Чернов, Церетели и К-о убили полити-

чески себя и свои партии меньшевиков и соц.-революционеръв. С каждым днем народ видит это все яснее и яснее.

Коалиционное министерство лишь переходный момент в развитии основных анализированных вкратце в моей брошюре классовых противоречий нашей революции. И так продолжаться долго не может. Либо назад к контр-революции по всей линии, либо вперед к переходу власти в руки иных классов. Стоять на месте в революционное время, в обстановке всемирной империалистической войны, нельзя.

Письмо в редакцию „Новой Жизни“*).

Позвольте, товарищи, обратиться к вашему гостеприимству вследствие вынужденной приостановки газеты нашей партии. Газеты известного рода повели травлю против нас, обвиняя в шпионстве или в сношениях с вражеским правительством. С каким неслыханным легкомыслием ведется эта травля, показывают следующие простые факты:

«Живое Слово» ⁷⁵⁾ сначала напечатало, что Ленин шпион, а потом в не меняющей дело заметке заявило, что в шпионстве он не обвиняется. Сначала выдвигают показания Ермоленки ⁷⁶⁾, потом вынуждены признать, что прямо неловко и стыдно в показаниях подобного человека видеть довод; приплетают имя Парвуса ⁷⁷⁾, но умалчивают о том, что никто с такой беспощадной резкостью не осудил Парвуса еще в 1915 г., как женевский «Социал-Демократ» ⁷⁸⁾, который мы редактировали, и который в статье «У последней черты» заклеил Парвуса, как ренегата, чистящего сапоги Гинденбургу, и т. д. Всякий грамотный человек знает или легко может узнать, что никаких абсолютно политических отношений наших к Парвусу быть не может. Припутывают имя какой-то Суменсон ⁷⁹⁾, с которой мы никогда никакого дела не имели и которую никогда и в глаза не видели. Впутывают также коммерческое дело Ганецкого и Козловского ⁸⁰⁾, где не приводят ни одного факта — в чем же, где и когда коммерция была. Мы не только никогда не принимали никакого косвенного участия в коммерческих делах, но вообще ни копейки денег от названных товарищей ни на себя лично, ни на партию не получали.

Доходят до того, что ставят нам в вину перепечатку телеграмм «Правды» с искажениями в немецких газетах, забывая упомянуть,

*) Хронологическое место этого и следующего письма в XIV томе после статьи «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского» (т. XIV, ч. II, стр. 9).

что «Правда» выпускает за границей бюллетени по-немецки и по-французски и что перепечатка из этих бюллетеней вполне свободна.

И все это при участии и даже по инициативе Алексинского ⁸¹⁾ не допущенного в Совет и признанного, иначе говоря, заведомым клеветником. Неужели можно не понять, что такой путь против нас есть юридическое убийство из-за угла? Обсуждение Центральным Исполнительным Комитетом вопроса об условиях привлечения к суду членов Центрального Комитета вообще, вносит, несомненно, элемент упорядочения. Захотят ли партии социалистов-революционеров и меньшевиков участвовать в покушении на юридическое убийство? Предание суду, даже без указания на то — в шпионстве или мятеже мы обвиняемся, и вообще предание суду без всякой юридической точной квалификации — преступление.

Преступление в явно тенденциозном процессе, могущем помешать кандидатуре в Учредительное Собрание лиц, заведомо намеченных их партиями в кандидаты. Захотят ли эти партии в канун созыва Учредительного Собрания в России делать начало дрейфусиады на русской почве? Недалекое будущее даст ответ на эти вопросы; открытая постановка их представляется нам долгом свободной печати. О буржуазной прессе мы не говорим. Разумеется, Милуков столько же верит в наше шпионство или в получение нами немецких денег, сколько Марков и Замысловский верили в то, что евреи пьют детскую кровь, но Милуков и К-о знают, что делают.

*Перепечатано из «Новой Жизни»
«С.-Д.» № 106, 13 июля 1917 г.*

*Н. Ленин.
Г. Зиновьев.
Ч. Каменев.*

Письмо в редакцию „Пролетарское Дело“.

Товарищи, мы переменяли свое намерение подчиниться указу правительства о нашем аресте по таким мотивам: из письма бывшего министра юстиции Переверзева, напечатанного в газете «Новое Время», стало ясно, что дело о шпионстве Ленина построено совершенно обдуманно партией контр-революции. Переверзев открыто признает, что он пустил в ход непроверенные обвинения, дабы поднять ярость солдат против нашей партии. Это признал вчерашний министр юстиции, человек, вчера еще называвшийся социалистом. Переверзев ушел, но остановится ли новый министр юстиции перед приемами Переверзева, — никто сказать не возьмется. Контр-революция готовит новое дело Дрейфуса. Она столь же верит в наше шпионство, сколько вожди русской реакции, создавшие дело Бейлиса верили в то, что евреи

пьют детскую кровь. Никаких гарантий правосудия в России теперь нет. Центральный Исполнительный Комитет, считающий себя органом русской демократии назначил было комиссию по делу о шпионстве, но под давлением контр-революции эта комиссия распущена. Приказ о нашем аресте он не захотел ни подтвердить, ни отменить. Он умыл руки и выдал нас контр-революции. Обвинение нас в заговоре и в моральном подстрекательстве к мятежу носит вполне определенный характер и никакой юридической точности, квалифицирующей наше мнимое преступление, не дает ни правительство, ни совет, которые оба прекрасно знают, что говорить о заговоре в таком движении, как 3—5 июля, просто бессмысленно. Вожди меньшевиков, эс-еров просто пытаются умиловить напирющую на них контр-революцию, выдав ей по ее указу ряд членов нашей партии. Ни о какой легальной почве и даже о таких конституционных гарантиях, которые существуют в буржуазных упорядоченных странах, в России сейчас не может быть и речи. Отдать себя сейчас в руки властей,— значило бы отдаться в руки Милюкова, Алексинского, в руки разъяренной контр-революции, для которой все обвинения против нас являются простым эпизодом в гражданской войне. После происшедшего ни один русский революционер не может питать больше конституционных иллюзий. Происходит решительная схватка между революцией и контр-революцией. Мы будем по мере сил наших помогать революционной борьбе пролетариата. Учредительное Собрание, если оно соберется и будет создано не буржуазией, одно только правомочно сказать свое слово по поводу приказа правительства о нашем аресте.

*Перепечатано из кронштадтского
«Пролетарского Дела»
«С.-Д.» № 110, 18 июля 1917 г.*

*Н. Ленин.
Г. Зиновьев.
Л. Каменев ⁸²).*

Речь на совещании политпросветов *).

(Заседание 3 ноября 1920 г.).

Товарищи, позвольте мне поделиться несколькими мыслями, которые отчасти были затронуты в Центральном Комитете коммунистической партии по вопросу о Главполитпросвете, отчасти явились у меня по поводу проекта о нем в Совнаркомме, где вчера в общих чертах приняли соответствующий декрет.

От себя только позволю отметить, что к перемене названия вашего учреждения я относился вначале отрицательно.

Так как теперь это вопрос решенный, то вы мое замечание примите не больше, как личное замечание. Если дело не ограничится только переменной клички, то это можно будет только приветствовать.

Если нам удастся привлечь новых работников для культурно-просветительной работы, тогда уже будет дело не только в новом названии и тогда можно будет примириться с «советской» слабостью наклеивать ярлычки на каждое новое дело и каждое новое учреждение.

Самое главное — это вопрос отношения просвещения к нашей политике. Мы на всей линии своей просветительной работы не можем стоять на старой точке зрения об аполитичности просвещения, не можем ставить просветительную работу вне связи с политикой.

Такая мысль господствовала и господствует в буржуазном обществе. Название «аполитичность» или «неполитичность» просвещения — это есть лицемерие буржуазии, это есть не что иное, как обман масс. Буржуазия, господствуя во всех теперь еще буржуазных странах, занимается именно этим обманом масс.

Во всех буржуазных государствах связь политического аппарата с просвещением является чрезвычайно крупной, хотя признать это

*) Речь на совещании политпросветов хронологически должна быть помещена в XVII томе после статьи «К истории вопроса о диктатуре» (т. XVII, стр. 349—368).

прямо буржуазное общество не может. Между тем, это общество обрабатывает массы через церковь, через весь институт частной собственности.

Наша основная задача состоит в том, между прочим, чтобы в противовес буржуазной правде противопоставить свою правду и заставить ее признать.

Переход из буржуазного общества к политике пролетариата— очень трудный переход тем более, что буржуазия клеветет на нас неустанно всем аппаратом своей пропаганды и агитации и т. п. Она старается затушевать важную роль диктатуры пролетариата, ее воспитательную задачу, особенно важную в России, где к пролетариату принадлежит меньшинство населения. А, между тем, эта задача должна выдвинуться на первый план. О диктатуре пролетариата не могло бы и речи быть, если бы пролетариат не выработал в себе большой сознательности, большой дисциплинированности, большой преданности в борьбе против буржуазии, т.-е. той суммы задач, которую необходимо выдвинуть для полной победы пролетариата над его исконным врагом.

Мы не стоим на точке зрения утопической — будто трудящиеся массы подготовлены к социалистическому обществу. Мы знаем на основании точных данных всей истории рабочего социализма, что это не так, что подготовленность к социализму дает лишь крупная индустрия, стачечная борьба, политическая организованность. И для того, чтобы одержать победу, чтобы совершить социалистический переворот, пролетариат должен быть способным к солидарному действию, к делу свержения эксплуататоров. И теперь мы видим, что все необходимые способности он приобрел и превратил их в дело когда завоевал свою власть.

Это и должно было быть основной задачей коммунистической партии, как авангарда в борьбе, ее задачей должна быть помощь в деле воспитания и образования трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс. Эта основная задача всего социалистического переворота никогда не должна быть упускаема при рассмотрении тех частных вопросов, которые так много занимали внимание ЦК партии и Совнаркома при вопросе о Главполитпросвете. Как построить этот орган, как соединить его отдельными учреждениями, — на этот вопрос нам ответят товарищи, более компетентные в этом деле, имеющие уже большой опыт и специально изучавшие это дело. Мне бы хотелось только подчеркнуть основные моменты принципиальной стороны

дела. Мы не можем не ставить дело открыто, открыто признавая, вопреки всей старой лжи, что просвещение не может не быть связано с политикой.

Мы живем в исторический момент борьбы с мировой буржуазией, которая во много и много раз сильнее нас. В такой момент мы должны отстаивать революционное строительство, бороться против буржуазии и военным путем и еще более путем идейным, путем воспитания, чтобы привычки, навыки, убеждения, которые рабочий класс вырабатывал себе в продолжение многих десятилетий в процессе борьбы за политическую свободу, чтобы вся сумма этих привычек, навыков и идей служила орудием воспитания всех трудящихся. Необходимо воспитать сознание, что недопустимо стоять вне той борьбы пролетариата, которая сейчас все более и более захватывает все без исключения капиталистические страны мира, стоять в стороне от всей международной политики. Объединение всех могущественных капиталистических стран мира против Советской России, — в этом подлинная база настоящей международной политики. И нужно же признать, что от этого зависит судьба сотен миллионов трудящихся в капиталистических странах. Ведь в настоящий момент нет уголка на земле, который не был бы подчинен горсточке капиталистических стран. Таким образом положение выливается в такую форму, что необходимо — либо стать в стороне от переживаемой борьбы и этим доказать полную несознательность, как те темные люди, которые остались в стороне от революции и войны и которые не видят всего обмана масс буржуазией, не видят, как буржуазия сознательно оставляет эти массы в темноте, — либо стать па борьбу за диктатуру пролетариата.

Об этой борьбе пролетариата мы говорим совершенно открыто, и нужно каждому человеку стать или по эту, папу, сторону, или по другую. Все попытки не стать ни на одну, ни на другую сторону заканчиваются крахом и скандалом.

Наблюдая бесконечные остатки керенщины, остатки эс-эров социал-демократии, выявившиеся в лице Юденичей, Колчаков, Петлюры, Махно и проч., мы видели такое разнообразие форм и красок в разных местах России, что можем сказать, что мы закалены уже гораздо больше, чем кто-нибудь другой, а когда мы взглянем на Западную Европу, то видим, что там повторяется то же самое, что было у нас, повторяется наша история. Почти везде рядом с буржуазией встречаются элементы керенщины. В целом ряде государств, особенно в Германии, они главенствуют. Везде наблюдается одно и то же: невозможность какой-нибудь средней позиции и ясное сознание — либо белая диктатура (к ней готовится буржуазия во всех странах Западной

Европы, вооружаясь против нас), либо диктатура пролетариата. Мы испытали это так остро и глубоко, что о русских коммунистах мне распространяться не приходится. Отсюда вывод только один и вывод, который должен лечь в основу углов всех рассуждений и построений, связанных с Главполитпросветом. Прежде всего, в работе этого органа должно быть открыто признано главенство политики коммунистической партии. Иной формы мы не знаем, и иной формы ни одна страна еще не выработала. Партия может быть более или менее соответствующей интересам своего класса, она переживает те или иные изменения или исправления, но лучшей формы мы еще не знаем, и вся борьба в Советской России, в течение трех лет удерживавшей натиск мирового империализма, связана с тем, что партия сознательно ставит своей задачей помочь пролетариату выполнить роль его воспитателя, организатора и руководителя, ту роль, без которой распад капитализма невозможен. Трудящиеся массы, массы крестьян и рабочих должны побороть старые навыки интеллигенции и перевоспитать себя для строительства коммунизма — без этого к делу строительства приступить нельзя. Весь наш опыт показывает, что это дело слишком серьезное, и потому признание главенствующей роли партии должно быть у нас в виду, и мы не можем упускать этого при обсуждении вопроса о деятельности, об организационном строительстве. Как осуществлять его, — надо будет еще много говорить, придется говорить об этом и в ЦК партии и в Совнаркоме; тот декрет, который вчера был утвержден, явился основой по отношению к Главполитпросвету, но он в Совнаркоме еще не завершен. На-днях этот декрет будет опубликован и в окончательно отредактированной форме вы увидите, что прямого заявления об отношении к партии там нет.

Но мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить от того буржуазного обмана, который мы так долго стараемся изжить. Наркомпрос пережил долгую борьбу, долгое время учительская организация боролась с социалистическим переворотом. Эта борьба выражалась в виде прямого саботажа и упорно держащихся буржуазных предрассудков, и нам приходится медленно, шаг за шагом, отвоевывать себе коммунистическую позицию для Главполитпросвета, работающего по внешкольному образованию, решающего задачу этого образования и просвещения масс. Особенно ярко встает задача сочетать партийное руководство и подчинить себе, пропитать своим духом,

зажечь огнем своей инициативы громадный аппарат — полумиллионную армию преподавательского персонала, которая состоит сейчас на службе у рабочего. Работники просвещения, учительский персонал, были воспитаны в духе буржуазных предрассудков и привычек, в духе, враждебном пролетариату, они были совершенно не связаны с ним. Теперь мы должны воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты.

Так как надо порвать со старыми привычками, навыками, идеями, то здесь перед Главполитпросветом и перед его работниками стоит важнейшая задача, которая и должна более всего иметься в виду. И, действительно: тут стоит перед нами дилемма, как связать учительство, в большинстве старого закала, с партийными коммунистами? Этот вопрос крайне трудный и над ним нужно очень и очень задуматься.

Рассмотрим, как связать организационно столь разных людей. Для нас принципиально не может быть сомнения в том, что должно быть главенство коммунистической партии. Таким образом цель политического образования — воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков. А как это сделать? Это возможно, только овладев всей суммой знаний, которую унаследовали учителя от буржуазии. Все технические завоевания коммунизма были бы без этого невозможными, и была бы пуста всякая мечта об этом. Вот и является вопрос — как же их связать, этих работников, которые не привыкли работать в связи с политикой и с полезной для нас политикой в частности, т.-е. необходимой для коммунизма? Это, как я сказал, очень трудная задача. Каждому комитету партии на каждого пропагандиста, на которого смотрели раньше, как на человека определенного кружка, определенной организации, теперь приходится смотреть по-новому. Каждый принадлежит к партии, которая управляет, которая руководит всем государством, всемирной борьбой Советской России против буржуазного строя. Он является представителем борющегося класса и партии, которая господствует и должна господствовать над громадным государственным аппаратом. Очень и очень многие коммунисты, прошедшие великолепно школу подпольной работы, испытанные и закаленные борьбой, не хотят и не могут понять всей значительности этого перелома, этого перехода,

когда из агитатора-пропагандиста он становится руководителем агитаторов, руководителем гигантской политической организации.

На них, между тем, и ложится вся работа среди учительского персонала. Нужно сказать, что сотни тысяч учителей — это есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками, которые еще до сих пор существуют в массах. Насилие капиталистической культуры, пропитанность ее недостатками учительской массы, которая при наличии их не может быть коммунистической, однако, не может мешать брать этих учителей в ряды работников просветительной политической работы, так как эти учителя обладают знаниями, без которых мы не можем добиться своей цели.

Мы должны поставить на службу коммунистического просвещения сотни тысяч нужных людей. Это задача, которая решена на фронте, в нашей Красной армии, в которую были взяты десятки тысяч представителей старой армии. Это долгий процесс, процесс перевоспитания, но, в конце концов, он закончился, и в нашей культурно-просветительной работе мы должны следовать этому примеру. Каждый агитатор и пропагандист нам необходим, он выполняет свою задачу, когда работает в строго партийном духе, но не ограничивается одной только партией, а помнит, что его задача — руководить сотнями тысяч преподавательского персонала, заинтересовать их, побороть старые буржуазные предрассудки, привлечь их к тому, что мы делаем, заразить их сознанием непомерности нашей работы, и, только перейдя к этой работе, мы можем эту массу, задавленную капитализмом, которую он оттягивал от нас, вывести на правильный путь.

Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное. Задача наших работников просвещения — осуществить эту переделку массы. Ее заинтересованность, ее тяга к просвещению и знанию коммунизма, которые мы наблюдаем, служат порукой тому, что мы окажемся и здесь победителями, хотя, может быть, и не так скоро, как на фронте, быть может, с большими трудностями, а подчас и поражениями, но в конечном итоге победителями будем мы.

Я хотел бы в итоге остановиться еще на одном: может быть, слово Главполитпросвет неправильно понимается. Постольку, поскольку здесь упоминается понятие политический, здесь политика есть самое важное.

Но как понимать политику? Если понимать политику в смысле старом, то можно впасть в большую и тяжелую ошибку. Политика — это борьба между классами, политика отношения пролетариата, борющегося за освобождение против всемирной буржуазии. Но в на-

шей борьбе выделяются 2 стороны дела: с одной стороны, задача разрушить наследие буржуазного строя, разрушить попытки раздавить Советскую власть, повторяемые всей буржуазией. До сих пор эта задача более всего занимала наше внимание и мешала перейти к другой задаче — задаче строительства. Политика в представлении буржуазного миросозерцания была как бы оторвана от экономики. Буржуазия говорила: работайте, крестьяне, чтобы получить возможность существования, работайте, рабочие, чтобы получить на рынке все необходимое, чтобы жить, а политику хозяйственную ведут ваши хозяева. А, между тем, это не так, — политика должна быть делом народа, делом пролетариата. И вот тут нам необходимо подчеркнуть, что мы $\frac{9}{10}$ времени в нашей работе заняты борьбой с буржуазией. Победы над Врангелем, о которых мы читали вчера и о которых вы прочтете сегодня и, вероятно, завтра, показывают, что одна стадия борьбы приходит к концу, что мы отвоевали мир с целым рядом западных стран, а каждая победа на военном фронте освобождает нас для борьбы внутренней, для политики строительства государства. Всякий шаг, приближающий нас к победе над белогвардейцами, переносит постепенно центр тяжести борьбы к политике экономики. Пропаганда старого типа рассказывает, дает примеры, что такое коммунизм. Но эта старая пропаганда никуда не годна, так как нужно практически показать, как надо социализм строить. Вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства. Это наша главнейшая задача, и если кто вздумал понимать это в старом смысле слова, тот оказался отсталым и не может вести работу пропаганды для массы крестьян и рабочих. Наша главная политика сейчас должна быть — экономическое строительство государства, чтобы собрать лишние пуды хлеба, чтобы дать лишние пуды угля, чтобы решить как лучше использовать эти пуды хлеба и угля, чтобы не было голодных, — вот какова наша политика. И на этом должна быть прилажена вся агитация и вся пропаганда. Нужно, чтобы было поменьше фраз, так как фразами вы не удовлетворите трудящихся. Как только война нам даст возможность освободить центр тяжести от борьбы с буржуазией, от борьбы с Врангелем, с белогвардейцами, мы обратимся к политике экономики. И вот тут-то играет громадную роль агитация, пропаганда,

Каждый агитатор должен быть государственным руководителем, руководителем всех крестьян и рабочих в деле экономического строительства. Он должен сказать, что для того, чтобы быть коммунистом, нужно знать, нужно прочесть вот такую-то брошюрку, вот такую-то книжку.

Вот как мы улучшили хозяйство и сделали его более солидным, более общественным, увеличили производство, улучшили хлебный вопрос, более правильно распределили произведенные продукты, увеличили добычу угля и восстановили промышленность без капитализма и без капиталистического духа.

В чем состоит коммунизм? Вся пропаганда его должна быть поставлена так, чтобы дело свелось к руководству практически государственным строительством. Коммунизм должен стать доступным рабочим массам, как собственное дело. Это дело ведется плохо, с тысячами ошибок. Мы этого не скрываем, но сами рабочие и крестьяне должны при нашей помощи, при нашем небольшом и слабом содействии выработать и выравнять наш аппарат; для нас он уже перестал быть программой, теорией и заданием, для нас это дело сегодняшнего фактического строительства.

На примере этого строительства, повторяя его большое количество раз, мы добьемся того, что из плохих начальников-коммунистов мы создадим настоящих строителей, прежде всего, нашего экономического хозяйства. Мы добьемся всего, что надо, преодолеем все препятствия, которые нам остались от старого строя и которые сразу откинуть нельзя, — надо перевоспитать массы, а перевоспитать их может только агитация и пропаганда, надо связывать массы с строительством общей хозяйственной жизни, в первую голову. Это должно быть главным и основным в работе каждого агитатора-пропагандиста, и когда он себе это усвоит, — тогда успех его работы будет обеспечен.

*«Бюллетень Всероссийск. Совецания
Политпросветов» № 1, 5 ноября 1920 г.*

Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии *).

(Речь на Московской губернской партийной конференции 20 ноября 1920 г.)

Товарищи! По вопросу о международном положении Советской республики, естественное дело, приходится говорить больше всего в связи с польской войной и ликвидацией Врангеля. Я думаю, что на собрании партийных работников, которые, конечно, следили за партийной прессой и не раз слышали основные доклады по этому вопросу,

*) Хронологически речь эта должна быть помещена в XVII томе после статьи «Фальшивые речи о свободе» (т. XVII, стр. 368—382).

мне нет надобности и неуместно будет говорить подробно о деталях всей этой истории и о каждом отдельном повороте истории польской войны, о характере наших наступлений, о значении поражения под Варшавой. Я предполагаю, что с этой стороны большинству товарищей вопрос уже представляется настолько знакомым, что мне пришлось бы повторяться, и этим товарищи были бы только недовольны. Я поэтому об истории отдельных эпизодов и поворотов нашей польской войны говорить не буду. Остановлюсь лишь на том, итоге, который получился сейчас.

После блестящих побед Красной армии летом и после громадного поражения под Варшавой, после заключенного с Польшей предварительного мира, который сейчас как раз в Риге превращается или должен превратиться в мир окончательный, шансы на то, что этот предварительный мир будет действительно миром окончательным, возросли в громадной степени, возросли благодаря разгрому Врангеля. Теперь, когда этот разгром определен, империалистическая пресса Антанты начинает раскрывать карты и признаваться в том что больше всего ею до сих пор скрывалось

Я не знаю, обратили ли вы свое внимание на маленькую заметку, попавшую в газеты сегодня или на-днях, о том, что главный орган французской империалистической буржуазии, французская газета «Время» («Temps») ⁸³ пишет теперь о заключении польского мира вопреки советам Франции. Нет сомнения, что здесь высказана представителями буржуазии такая правда, которую ей больше всего хотелось бы скрыть, и которую в течение очень долгого времени скрыть пытались. Нам удалось, несмотря на невыгодные условия польского мира (хотя они выгоднее тех, которые мы сами в апреле текущего года предлагали польским помещикам, чтобы избежать всякой войны), а невыгодны они с точки зрения того, что можно было бы достигнуть, если бы не было чрезвычайно тяжелого положения под Варшавой, мы получили все же такие условия, которыми срывается громадная часть общеимпериалистического плана. Французская буржуазия признается теперь, что она настаивала на продолжении войны Польшей, что высказывалась против заключения мира, опасаясь разгрома Врангеля и желая поддержать новую интервенцию и поход против Советской республики. Несмотря на то, что условия польского империализма толкают и толкали на войну с Россией, несмотря на это, план французских империалистов потерпел крушение, и в результате мы получаем теперь уже нечто более существенное, чем простую передышку.

В течение минувших трех лет Польша из числа входивших раньше в состав бывшей Российской империи мелких государств принадле-

жала к числу тех, которые больше всего враждовали с великорусскими национальностями и которые больше всего имели претензий на большую часть территорий, не населенных поляками. Мир с Финляндией, Эстией и Латвией был нами заключен тоже вопреки желанию империалистической Антанты, но этого было легче достигнуть потому, что в Финляндии, Эстии и Латвии у буржуазии не было своих собственных империалистических целей, из-за которых борьба против Советской республики казалась необходимой, тогда как стремления польской буржуазной республики направлялись не только на Литву и Белоруссию, но и на Украину. Кроме того, ее толкает в этом же направлении старая вековая борьба Польши, которая в свое время была великой державой и которая сейчас противопоставляется великой державе России. Эту старую вековую борьбу Польша не может оставить и в настоящее время. Вот почему Польша проявила гораздо больше воинственности и больше упорства в своих военных планах против нашей Республики и вот почему сейчас наш успех в заключении мира, вопреки Антанте, представляется более серьезным. Если на какую-нибудь из держав, сохраняющих буржуазной строй, граничащих с Россией, может рассчитывать Антанта в длительно составленном плане военного вмешательства, то только на Польшу, почему сейчас при общей ненависти буржуазных государств к Советской власти все видят непосредственный интерес во владении польскими помещиками восточной Галицией.

Дальше, Польша претендует на Украину и Литву. Это придает походу особенно острый и упорный характер. Военное снабжение Польши, естественное дело, представляло главный предмет заботы Франции и других держав, и количество сумм, которые на это предоставлялись, не поддается никакому учету. Поэтому особенно велико значение победы, которую в конечном итоге одержала Красная армия, несмотря на поражение под Варшавой, так как она поставила Польшу в такое положение, что она не имеет совершенно сил продолжать войну. Она должна была пойти на мир, который ей дал меньше, чем то, что мы предлагали в апреле 1920 года перед польским наступлением, когда мы, не желая отрываться от работ хозяйственного строительства, предлагали границы в высшей степени невыгодные. Тогда пресса мелко-буржуазных патриотов, к которым принадлежат и наши эсеры и меньшевики, обвиняли большевиков в примиренчестве и почти в толстовском отношении, проявленном Советской властью. Она называла толстовским отношением то, что мы соглашались на мир по тогдашней линии Пилсудского, по линии, по которой Минск оставался в руках Польши, а граница проходила верст на 50, а местами верст

на 100 восточнее той, которая установлена теперь. Но, конечно, мне нет надобности перед собранием партийных работников останавливаться на том — почему мы соглашались и должны были соглашаться на худшие границы, если бы действительно наша хозяйственная работа не была прервана. В результате получилось то, что Польша, сохраняя буржуазный порядок, вызвала войной крайнее хозяйственное расстройство всей страны, вызвала чрезвычайный рост недовольства, вызвала буржуазный террор, который свирепствует не только против промышленных рабочих, но и против батраков. Общее буржуазное положение Польши сделалось до такой степени неустойчивым, что и речи быть не могло о продолжении войны.

Успехи, достигнутые в этом отношении Советской властью, являются громадными. Когда три года тому назад мы ставили вопрос о задачах и условиях победы пролетарской революции в России, мы всегда определенно говорили, что прочной не может быть эта победа, если только ее не поддержит пролетарская революция на Западе, что правильная оценка нашей революции возможна только с точки зрения международной. Для того, чтобы добиться того, чтобы победить прочно, мы должны добиться победы пролетарской революции во всех или, по крайней мере, в нескольких главных капиталистических странах, и после 3 лет ожесточенной упорной войны мы видим, в каком отношении наши предсказания не оправдались и в каком отношении оправдались. Они не оправдались в том отношении, что быстрого и простого решения этого вопроса не получилось. Конечно, никто из нас не ожидал, чтобы три года могла тянуться такая неравная борьба, как борьба России против всех капиталистических держав мира. Оказалось, что ни победы, ни поражения ни та, ни другая сторона — ни Советская Российская республика, ни весь остальной капиталистический мир для себя не получили, и в то же время оказалось, что если наши предсказания не исполнились просто, быстро и прямо, то они исполнились постольку, поскольку дали нам главное, ибо главное было то, чтобы сохранить возможность существования пролетарской власти и Советской республики даже в случае затяжения социалистической революции во всем мире. И в этом отношении надо сказать, что международное положение Республики сложилось теперь так, что дало самое лучшее, самое точное подтверждение всех наших расчетов и всей нашей политики.

Нечего и доказывать, что о сравнении военных сил РСФСР с военными силами всех капиталистических держав и речи быть не может. В этом отношении мы в десятки и сотни раз слабее их, тем не менее, после 3-летней войны мы принудили почти все эти государства

Отказаться от мысли дальнейшего вмешательства. Значит то, что 3 года тому назад в обстановке еще не конченной империалистической войны нам представлялось возможным, а именно — длительная затяжка положения, не решенная окончательно ни в ту, ни в другую сторону, — произошло. Но произошло это по какой причине? Это произошло не по той причине, чтобы мы оказались в военном отношении сильнее, а Антанты слабее, а причина та, что усиленно шло все время внутреннее разложение в государствах Антанты, а у нас, напротив, шло внутреннее укрепление, и война служит подтверждением, доказательством этого. Своими собственными войсками Антанта воевать против нас не могла. Рабочие и крестьяне в капиталистических государствах не могли быть принуждены воевать против нас. Из империалистической войны буржуазные государства успели выйти буржуазными. Они успели этот кризис, который висел над ними непосредственно, оттянуть и отсрочить, по в основе они подорвали свое положение так, что при всех своих гигантских военных силах должны были признаться через три года в том, что они не в состоянии раздавить почти не имеющую никаких военных сил Советскую республику. Таким образом вышло, что в основе во всем подтвердилась паша политика и наше предсказание, и союзниками нашими оказались действительно угнетенные массы в любом капиталистическом государстве, ибо эти массы сорвали войну. Мы оказались в таком положении, что, не приобретя международной победы, единственной и прочной победы для нас, мы отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами, вынужденными теперь вступить в торговые сношения с нами. В процессе этой борьбы мы отвоевали себе право на самостоятельное существование.

Таким образом, бросая взгляд в целом на наше международное положение, мы видим, что мы достигли громадных успехов, что мы имеем не только передышку, а нечто гораздо более серьезное. Передышкой у нас принято называть краткий промежуток времени, в течение которого для империалистических держав много раз имелась возможность возобновить более сильную попытку войны с нами. Мы сейчас также не позволяем себе увлечься и отрицать возможность военного вмешательства в наши дела капиталистических стран в будущем. Поддерживать нашу боевую готовность нам необходимо. Но если мы взглянем на те условия, при которых мы разбили все попытки русской контр-революции и добились формального заключения мира со всеми государствами Запада, то станет ясно, что мы имеем не только передышку — мы имеем новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоевано.

Внутренние условия не позволили ни одному сильному капиталистическому государству бросить на Россию свою армию; в этом сказались то, что внутри этих стран революция созрела и не дает им возможности победить нас с той поспешностью, с которой они могли бы это сделать. В продолжение трех лет на территории России были армии английская, французская, японская. Нет сомнения, что самого ничтожного напряжения сил этих трех держав было бы вполне достаточно, чтобы в несколько месяцев, если не несколько недель, одержать победу над нами, и если нам удалось удержать это нападение, то лишь разложением во французских войсках, начавшимся брожением у англичан и японцев. Вот этой разницей империалистических интересов мы пользовались все время. Если мы победили интервенцию, то только потому, что их собственные интересы их раскалывали, а нас сплачивали и укрепляли. Мы этим обеспечили передышку и невозможность полной победы германского империализма в эпоху брестского мира.

Теперь за последнее время эта рознь еще более усилилась, в особенности в связи с проектом заключения договора о концессии с группой американских капиталистических акул из самых свирепых, возглавляемых миллиардером, рассчитывающим собрать целую группу миллиардеров. Мы знаем, что теперь нет почти ни одного сообщения с Дальнего Востока, которое не свидетельствовало бы, что в Японии царит чрезвычайное озлобление в связи с заключением этого договора, хотя этого договора еще нет, а есть только проект его. Но японское общественное мнение уже закипело, и сегодня я читал сообщение, которое говорит, что Япония обвиняет Советскую Россию в том, что она хочет натравить Японию на Америку.

Мы правильно учли эту напряженность империалистического соревнования и сказали себе, что мы должны систематически использовать рознь между ними, чтобы затруднить борьбу против нас. Политический разлад есть уже налицо в отношениях между Англией и Францией. Теперь нам приходится говорить уже не только об одной передышке, а о серьезных шансах для нового строительства на более долгое время. На самом деле мы до сих пор еще не имели никакой базы в международном отношении. Теперь мы эту базу имеем, и причиной ее является отношение мелких держав, которые находятся в полной зависимости от крупных держав и в военном и в экономическом отношениях. Теперь оказывается, что Польша, вопреки давлению Франции, заключила с нами мир. Ненависть к советской власти со стороны польских капиталистов очень сильна; они с неслыханной свирепостью подавляют самые простые забастовки. Желание войны с Советской

Россией у них самое сильное, но, тем не менее, они все-таки предпочитают мир с нами исполнению условий Антанты. Мы видим, что империалистические державы господствуют над всеми миром, но что в то же время они представляют собою ничтожную часть населения земли. И тот факт, что явилась страна, которая в течение 3 лет сопротивляется всемирному империализму, значительно изменил международное положение во всем мире, и поэтому все мелкие державы, а они составляют большинство населения земли, тяготеют за мир с нами.

Громаднейший фактор, позволяющий нам существовать при этом сложном и совершенно исключительном положении, это тот фактор, что социалистическая страна вступает в торговые сношения со странами капиталистическими.

Мне случилось видеть, как один социал-шовинист американский, приближающийся к нашим правым эс-эрам и меньшевикам, один из деятелей II Интернационала, член американской социалистической партии Спарго, нечто вроде американского Алексинского, который пишет целую кучу книг против большевиков, как он ставил нам в вину и в доказательство полного краха коммунизма то, что мы говорим о сделках с капиталистическими державами. Он писал: лучшего доказательства полного краха коммунизма и провала его программы я не могу себе представить. Мне кажется, те, кто подумают над делом, скажут обратное. Лучшего доказательства и материальной и моральной победы Российской Советской республики над капиталистами всего мира нельзя и подыскать; как то, что державы, ополчившиеся на нас войной и за наш террор и за весь наш строй, вынуждены, вопреки желанию, вступить на путь торговых сношений, зная, что этим они укрепляют нас. Выставить это, как доказательство краха коммунизма, можно было бы, если бы мы обещали или мечтали силами одной России переделать весь мир. Но до такого сумасшествия мы никогда не доходили, а всегда говорили, что наша революция победит, когда ее поддержат рабочие всех стран. Вышло так, что они поддержали наполовину, ибо ослабили руку, поднявшуюся против нас, по все же и этим они оказали нам помощь.

Я не буду больше останавливаться на этом вопросе, только замечу, что на Кавказе сейчас сплетаются очень сложные условия, разобраться в которых в высшей степени нелегко, при чем война может быть нам навязана даже со дня на день, но эта война при условии почти обеспеченного мира с Польшей и при полной ликвидации Врангеля не может быть очень страшна, а если бы ее нам навязали, то она нам обещает еще большее усиление и укрепление нашего положения, чем прежде. Газетные сообщения о том, что делается

в Армении, в Турции, дают вам некоторое представление об этом. Создается положение чрезвычайно запутанное, но я совершенно уверен, что из него мы выйдем, сохранив мир на основе теперешней и, конечно, очень для нас в некоторых отношениях выгодной, на основе, нас удовлетворяющей, дающей возможность хозяйственного существования. И к этому мы прилагаем все усилия. Но возможно, что обстоятельства прямо навяжут войну или косвенно подведут к пей. Мы можем смотреть на это совершенно спокойно — это будет война на далекой окраине, с полным перевесом сил на нашей стороне, обеспечивающим, вероятно, даже больший выигрыш, чем тот, который получился от польской войны. Польская война была войной на два фронта, с угрозой Врангеля, войной, которую нельзя было назвать окраинной, потому что линия Плузского проходила не в очень далеком расстоянии от Москвы. На этом я заканчиваю обзор международного положения.

Теперь я перейду к положению внутреннему. В связи с крахом целого ряда попыток военного вмешательства, экономическое положение у нас улучшилось в очень значительных размерах. Основой того отчаянного положения, в котором мы были прежде, было то, что от нас, от центральной России, промышленной России, пролетарской России, — Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, — отрезаны были все наиболее хлебные районы — Сибирь, юг, юго-восток, отрезан был один из главных источников топлива — Донецкий бассейн, отрезаны были источники нефти, и представляется совершенно невероятным, чтобы в таком положении республика могла фактически продержаться. Вы знаете, какие отчаянные бедствия и какие громадные лишения, нужда в хлебе и голод обрушились на нас в связи с этой отрезанностью наиболее хлебных и наиболее важных экономических районов. И основой улучшения, которое сейчас наблюдается, в значительной степени является присоединение этих районов. Продовольственные заготовки дают нам теперь, благодаря возможности привлечь Сибирь, Кавказ и благодаря развивающемуся изменению в социальном отношении Украины в нашу пользу, то, что в ближайшую, предстоящую продовольственную кампанию мы не только выйдем уже без прямой дыры в мешке, как это было в текущем году, но с достаточным обеспечением всех промышленных рабочих в продовольственном отношении. Это — первая кампания, когда мы можем рассчитывать, благодаря несомненно наступающему улучшению в транспорте, что в руках государства будет такой продовольственный фонд, от 250 до 300 млн. пудов хлеба, при котором о социалистическом строительстве мы будем не только говорить и ничтожное дело делать, как

теперь, но действительно оперировать с настоящими трудовыми армиями, будем иметь возможность сотни тысяч промышленных рабочих или рабочих, исполняющих продовольственную работу для промышленности, действительно ставить на неотложную, насущную работу и улучшать эту работу подобно тому, как улучшение положения с топливом, которое мы получили, дало возможность восстановить мануфактурную промышленность. Иваново-Вознесенская губерния стала пускать свои фабрики в ход. Вначале работало не более $\frac{1}{4}$ милл. веретен, в настоящее время работает уже полмиллиона, до 600.000, к концу года мы рассчитываем развернуть до миллиона, а в будущем году думаем довести до 4 милл. веретен. Из того состояния, когда мы с величайшим трудом вывертывались, расходуя старые запасы, мы только теперь начинаем переходить в условия, когда Россия берется за восстановление разрушенного производства и получит возможность, взимая с деревни хлеб, давать крестьянину соль, керосин, и, хотя бы в небольших размерах, мануфактуру. Без этого о социалистическом строительстве не может быть речи.

Если в международном отношении мы приобрели базу, покончив с целым рядом военных нашествий и вырвав мирные договоры с целым рядом государств, то в экономическом отношении мы только теперь получаем возможность иметь хлеб для нужд рабочих, занятых в промышленности, хлеб для промышленности, т.-е. топливо, в таких размерах, чтобы начать социалистическое строительство. И тут — наша главная задача, в этом самый гвоздь вопроса, тут переход, который мы несколько раз пытались делать. Я помню, что в апреле 1918 г. я перед собранием ВЦИК говорил о том, что военные задачи наши как будто кончаются, что мы Россию не только убедили, не только отвоевали ее от эксплуататоров для трудящихся, но мы теперь должны перейти к задачам, чтобы Россией управлять для хозяйственного строительства. Передышка, которую мы тогда имели, оказалась самой ничтожной. Война, которую нам навязали, начиная с чехо-словацкого восстания летом 1918 года, оказалась крайне свирепой. Но эту попытку мы делали несколько раз: и весной 1918 г., и, в более широком масштабе, весной нынешнего года, когда вопрос о трудовых армиях был практически поставлен. Теперь мы должны этот переход еще раз поставить во главу угла и напрячь все силы, чтобы его осуществить. Здесь — в высшей степени важная задача всего социалистического переворота, взятого с международной точки зрения, с точки зрения победы над капитализмом вообще. Чтобы победить капитализм вообще, надо, во-первых, победить эксплуататоров и отстоять власть эксплуатируемых — задача свержения эксплуататоров революционными силами; во-вто-

рых, задача созидательная — построить новые экономические отношения, показать пример того, как это делается. Эти две стороны задачи осуществления социалистического переворота связаны неразрывно и отличают нашу революцию от всех предыдущих, в которых довольно было стороны разрушительной.

Если же мы второй задачи не решим, то никакие успехи, никакие победы в деле свержения эксплуататоров, в деле военного отпора международным империалистам ничего не дадут, и возврат к старому останется неизбежным. На этот счет в смысле теоретическом не может быть двух мнений. Переход здесь чрезвычайно резкий и трудный, требующий иных приемов, иного распределения и использования сил, иного устремления внимания, психологии и т. д. Вместо методов революционного свержения эксплуататоров и отпора насильникам, мы должны применить методы организаторства, строительства, мы должны проявить себя, отстоять себя перед всем миром не только как сила, способная сопротивляться военному удушению, а как сила, способная показать пример. Всегда, во всех сочинениях крупнейших социалистических писателей, можно было найти указание на эти две стороны задачи социалистической революции, которые, как две стороны задачи, относятся и к внешнему миру, к тем государствам, которые остались в руках капиталистов, так и к вне-пролетарским массам своей собственной страны. Мы убедили крестьянство, что пролетариат дает ему условия существования лучшие, чем давала буржуазия, убедили на практике. Когда крестьянство, хотя и недовольное большевистским режимом, тем не менее, сравнило его на практике с учредилковскими, колчаковскими и другими порядками, то пришло к выводу, что большевики обеспечили ему существование лучше и в военном отношении защитили его от насилия империалистов всего мира. А, между тем, половина крестьянства жила в условиях буржуазии, по-буржуазному, иначе и не могла жить. Пролетариат теперь должен разрешить вторую задачу, показать крестьянину, что он может дать ему образец и практику таких экономических отношений, которые окажутся выше тех, где каждая крестьянская семья хозяйничает по-своему. До сих пор крестьянство только в этот старый порядок и верит, до сих пор его считает нормальным. Это не подлежит сомнению. Чтобы оно от нашей пропаганды переменило свое отношение к жизненным вопросам, к экономике, это чистейшие пустяки. Оно в положении выжидательном, оно сделалось из нейтрально-враждебного нам нейтрально-сочувствующим нам. Оно предпочитает пас всякому другому правительству, видя, что рабочее, пролетарское государство, пролетарская диктатура не есть грубое насилие, узур-

тация, как изображали, а есть лучший защитник крестьянства, чем жолчаковцы, денкинецы и т. д.

Но этого мало, мы не сделали того главного, что нужно сделать: показать, что пролетариат восстановит крупное производство и общественное хозяйство так, чтобы перевести крестьянство на высший экономический строй. Мы должны, доказавши, что революционной организацией мы в состоянии дать отпор насилию по отношению к эксплуатируемым, то же самое доказать в другой области, создавши такой пример, который бы не убеждал словами, а показывал на деле всей громадной массе крестьян, и мелко-буржуазным элементам, и остальным странам, что коммунистический строй, уклад, может быть создан пролетариатом, победившим вдвойне. Эта задача имеет всемирное значение. Для того, чтобы нам одержать вторую половину победы в международном смысле, нужно разрешить вторую половину задачи — в деле хозяйственного строительства. Об этом мы говорили на последней партийной конференции, так что, мне кажется, что здесь детально останавливаться на отдельных сторонах нет надобности и возможности, эта задача охватывает все в деле хозяйственного строительства. Я кратко указал условия обеспечения хлебом рабочих, занятых в промышленности, и обеспечения промышленности топливом. Такие условия являются фундаментом, обеспечивающим возможность дальнейшей постройки. Я должен добавить, что на предстоящем съезде Советов, как вы видели из порядка дня, опубликованного в газетах, этот вопрос о хозяйственном строительстве должен явиться центральным вопросом. Весь порядок дня приспособлен к тому, чтобы все внимание и заботы всех съехавшихся делегатов, всей массы советских и партийных работников во всей Республике сосредоточить на хозяйственной стороне, на восстановлении транспорта, промышленности, на том, что названо осторожно «помощью крестьянскому хозяйству», но что означает гораздо больше — целую систему, обдуманный ряд мер для того, чтобы крестьянское хозяйство, которое будет существовать еще довольно долго, поднять на должную высоту.

В связи с этим на съезде Советов поставлен доклад по электрификации России для того, чтобы единый хозяйственный план восстановления народного хозяйства, о котором мы говорили, установить со стороны техники. Если не перевести Россию на иную технику, более высокую, чем прежде, не может быть речи о восстановлении народного хозяйства и о коммунизме. Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно. Эта задача длительная, не менее как на 10 лет, под условием привлечения к этой работе массы

техников, которые дадут съезду Советов целый ряд печатных документов, где разрабатывается детально этот план. Меньше, чем через 10 лет, мы не можем осуществить основы этого плана, создать 30 крупнейших районов электрических станций, которые дали бы возможность перевести всю промышленность на современные основания. Понятно, что без этой переработки всей промышленности с точки зрения условий крупного машинного производства социалистическое строительство останется только суммой декретов, останется политической связью рабочего класса с крестьянством, останется спасением крестьянства от колчаковщины, деникинщины, останется примером для всех держав мира, но не будет иметь своей основы. Коммунизм предполагает советскую власть как политический орган, дающий возможность массе угнетенных вершить все дела, без этого коммунизм немислим. И во всем мире мы видим доказательство этого, потому что идея о советской власти, ее программа, во всем мире одерживает безусловную победу. Это мы видим из каждого эпизода борьбы против II Интернационала, который держится помощью полиции, попов и старых буржуазных чиновников рабочего движения.

Этим обеспечена политическая сторона. Но экономическая может быть обеспечена только тогда, когда действительно в русском пролетарском государстве будут сосредоточены все нити крупной промышленной машины, построенной на основах современной техники, а это значит — электрификация, а для этого нужно понимать основные условия применения электричества и соответственно понимать и промышленность, и земледелие. Задача громадная, срок для ее осуществления требуется гораздо более значительный, чем тот, в течение которого мы отстаивали свое существование против военного нашествия. Но мы этого срока не боимся, мы считаем завоеванием то, что мы привлекли десятки и сотни инженеров и представителей науки, пропитанных буржуазными взглядами, дали им задание реорганизации всего хозяйства, промышленности и земледелия, вызвали в них интерес и получили множество материала, который сводится в целый ряд брошюр. Каждый район по электрификации освещен отдельной брошюрой. План электрификации северного района готов, интересующиеся его могут получить. К съезду Советов будут изданы брошюры, посвященные каждому району и дающие весь план реорганизации. Задача в том, чтобы со всех концов, в каждой партийной ячейке, в каждом советском учреждении по этому единому плану, рассчитанному на долгий ряд лет, систематически велась работа, чтобы в недалеком будущем мы могли представить конкретно, на сколько и как мы двигаемся вперед, не впадая ни в какой самообман

и не скрывая трудностей, которые стоят перед нами. Эта задача единого хозяйственного плапа, его осуществление во что бы то ни стало становится перед всей Республикой. Коммунистической партией, в связи с этой задачей, должна быть поставлена вся агитация, вся пропаганда и партийная работа. Об этом не раз говорено теоретически, никто против этого не спорит, но сделана из этого едва ли сотая доля того, что сделать надо.

Естественное дело, мы привыкли к периоду политической войны, мы все закалялись в политически-военной борьбе, и потому сейчас то, что сделало теперешней Советской властью, это только подход к задаче, которая требует перевести сейчас поезд на другие рельсы, а этот поезд должен тащить десятки миллионов людей. Переход такой штучки на другие рельсы, когда местами и рельс нет, требует напряженного внимания, знания и очень много настойчивости. В виду того, что культурный уровень крестьян и рабочей массы не соответствовал задаче и в то же время мы, чуть ли не 99%, привыкли к военно-политическим задачам, у нас получилось возрождение бюрократизма. Это всеми признано. Задача Советской власти в том, чтобы старый аппарат уничтожить целиком, как он был уничтожен в Октябре, и передать власть Советам, но мы уже в своей программе признаемся, что у нас получилось возрождение бюрократизма, что экономических основ для действительного социалистического общества еще нет. Культурных условий, грамотности, вообще более высокой культуры в массе рабочих и крестьян нет. Это получилось потому, что военные задачи отвлекали все лучшее из пролетариата. Пролетариат гигантские жертвы принес для военных задач, на которые пришлось отдать десятки миллионов крестьян, и надо было привлекать к работе пропитанные буржуазными взглядами элементы, так как других никаких нет. Поэтому мы и должны были сказать в программе, в таком документе, как программа партии, что бюрократизм возродился и нужна систематическая борьба против него. Понятное дело, что возродившийся в советских учреждениях бюрократизм не мог не оказать тлетворного влияния и среди партийных организаций, так как верхушки партии являются верхушками советского аппарата: это одно и то же. Значит, если мы сознали зло — старый бюрократизм, который мог проявиться в партийном аппарате, — очевидно и естественно, что в партийных организациях и установлены все признаки этого зла. И если это так, то этот вопрос поставлен в порядке дня съезда Советов и занял большое внимание настоящей конференции, и законным образом занял потому, что партийная болезнь, признание которой выражено в резолюциях общепартийной конференции, есть не только

в Москве, но она распространяется и на всю Республику. Это связано с необходимостью вести военно-политическую работу, когда мы должны были увлечь крестьянские массы, и когда мы не могли усилить требовательность в смысле более широкого плана, связанного с развитием уровня крестьянских масс.

Вы мне позволите в заключение сказать несколько слов о том положении внутри партии, о той борьбе, о том проявлении оппозиции, с которым прекрасно знакомы присутствующие и которое на Московской городской-губернской конференции отняло много сил и внимания, может быть, гораздо больше, чем было бы нам всем желательно. Естественное дело, что громадный переход, сделанный сейчас при истощении сил, которые были взяты Республикой у пролетариата и партии за три года борьбы, поставил нас в трудное положение перед задачей, которую точно учесть не под силу. Но в этой оппозиции нет ничего худого. Мы должны сознаться, что точного размера зла мы не знаем, что соотношений и точных группировок мы не можем определить. Главное значение партийной конференции в том, чтобы вопрос поставить, чтобы существующее зло не скрывать, обратить на него внимание партии и призвать всех членов партии к работе над тем — как от этого зла избавиться. Естественное дело, и с точки зрения Центрального Комитета, и, я думаю, с точки зрения громадного большинства партийных тт., не может подлежать сомнению (насколько я знаю взгляды, от которых никто не отказывается), что, в связи с кризисом в партии, в оппозиции, существующей не только в Москве, но и во всей России, проявляется очень много совершенно здорового, необходимого и неизбежного в моменты естественного роста партии и перехода от такого положения, когда все внимание было обращено на задачи политические и военные, к положению строительства и организации, когда мы должны охватить десятки бюрократических учреждений, и когда культурный уровень большинства пролетариата и крестьян не соответствует задаче. Ведь, Рабоче-Крестьянская Инспекция существует больше, как пожелание, ее нельзя было пустить в ход потому, что лучшие рабочие были взяты на фронт, и потому, что культурный уровень крестьянских масс не мог выдвинуть работников в значительном масштабе.

Естественное дело, что оппозиция, которая ставит своим лозунгом переход наиболее быстрый, привлечение наибольшего количества свежих и молодых сил, привлечение рабочих на местах на более ответственные должности, имеет за собою чрезвычайно здоровые стремления, тенденцию и программу. Ни в ЦК, ни в кругах сколько-нибудь ответственных товарищей, насколько можно было судить по тому,

жак они высказывались, на этот счет нет двух мнений. Но пет также сомнения и в том, что па-ряду с этим здоровым, которое все объединяется на платформе осуществления решений конференции, есть и другие начала. На всех совещаниях, так же и на предварительных, которые имели состав более обычного числа настоящей конференции. вы не могли услышать двух мнений по этому вопросу. Общая программа наша должна быть осуществлена, в этом пет сомнения, и предстоит теперь трудная работа. Конечно, здесь уже нельзя по существу дела ограничиться свержением этого противника и отпором этого противника. Ведь, тут перед нами та мелко-буржуазная стихия, которая в числе десятков миллионов нас окружает; нас меньше, нас очень мало по сравнению с этой мелко-буржуазной массой. Мы должны воспитывать эту массу, готовить ее, а, между тем, все подготавливающие, организованные силы мы должны были бросить на другое дело, очень интересное, тяжелое и очень рискованное, на дело, связанное с большими жертвами, на дело войны. Таков уже порядок этого военного дела и от него избавиться нельзя.

И вот, в связи с этим положением, мы должны дать себе отчет в том — имеем ли мы здесь полное оздоровление партии, полную победу над бюрократизмом для постановки хозяйственного строительства на начале более правильном, для осуществления Рабоче-Крестьянской Инспекции не в декретном только смысле, но действительным притягиванием рабочих масс? Это дело трудное, и главная задача наша должна быть, если говорить о партийных задачах, в том, что мы должны добиться наиболее быстрой ликвидации так называемой линии оппозиции. Если говорить о различных взглядах, различном понимании происходящего, различных программах, хотя бы даже дальнейшей деятельности, то ЦК должен отнестись к этому вопросу с наибольшим вниманием на всех совещаниях Политбюро и на пленумах, где существуют взгляды с различными оттенками. Задачу эту обеспечит дружная работа среди всей партии. Мы считаем это чрезвычайно важным. Перед нами сейчас стоит хозяйственная работа, более трудная, чем военная, которую мы проделали энтузиазмом крестьян, потому что, несомненно, крестьяне предпочитали рабочее государство колчаковскому. Совсем не то теперь, когда нужно крестьянские массы перевести к строительству, для них совершенно чуждому, которое они не понимают и которому не могут верить. Эта задача требует большей систематичности, большего упорства, больших организаторских способностей, а по части организаторских способностей российский человек, пожалуй, самый плохой человек. Это самая наша слабая сторона, поэтому, если что-нибудь мешает этой работе, нам надо поста-

раться поскорей это убрать. Оппозиция, представляющая собою переход, несомненно, несет в себе нечто здоровое, но, когда она превращается в оппозицию для оппозиции, тогда нужно этому положить безусловно конец. Мы много потеряли времени на перепалки, перебранки и па склоки и должны сказать себе: «довольно!» и постараться на тех или иных условиях сделать работу здоровой. Сделать такие-то и такие-то уступки, лучше большие, чем меньшие, тем, кто недоволен, кто называет себя оппозицией, но добиться того, чтобы работа была дружной, ибо без этого существовать в таких условиях, когда мы окружены внешними и внутренними врагами, невозможно.

Несомненно, старой, мелко-буржуазной стихии, мелких хозяйчиков гораздо больше, чем нас. Они сильнее, чем социалистическое хозяйственное производство, объединенное на потребностях рабочих. Всякий, кто соприкасался с деревней и видел спекуляцию в городе, прекрасно понимает, что это общество, основанное на мелком хозяйственном строительстве, больше нас, поэтому тут нужна абсолютно дружная работа, и мы должны ее добиться во что бы то ни стало. Когда мне приходилось наблюдать споры и борьбу в московских организациях, приходилось наблюдать, как много прений происходило на собраниях, как много было взаимных перепалок, перестрелок, то я пришел к заключению, что пора это кончить и объединиться всем на платформе конференции. Нужно сказать, что к этому мы пришли дорогой ценой. Печально было видеть, например, как на партийных собраниях часы уходили на перебранки по такому вопросу—пришел ли такой-то во-время на собрание, выявило ли себя такое лицо так-то и так-то. Разве для этого собираются на собраниях? Для этого существует известная комиссия, обсуждающая, выявило ли себя лицо, представленное по списку, тем или другим образом. Но тут идет вопрос о содержании собрания. Например, возьмите такого опытного партийного товарища, как Бубнов. Я слышал его речь о платформе, выдвинутой конференцией. Эта платформа сводится к большой свободе критики. Но, ведь, конференция была в сентябре, а теперь ноябрь. Свобода критики прекрасная вещь, но после того, как мы все под пей подписались, не грех заняться вопросом и о содержании критики.

И тут приходится признать нечто печальное, что содержание критики не видать. Приходишь в район и думаешь—какое же содержание критики? Нельзя же при помощи партийных организаций победить старыми бюрократическими приемами безграмотность. Каким же иным способом можно прекратить бюрократизм, как не привлеченным рабочим и крестьянам? И на районных собраниях содержание критики касается мелочей, а о Рабоче-Крестьянской Инспекции я не

слыхал ни слова, ни звука. Я не слыхал, чтобы тот или другой район привлекал к этому делу рабочих или крестьян. Работа настоящего строительства — это есть применение критики и ее содержание. А в Москве каждое хозяйство небольшого дома, каждая крупная фабрика, каждый завод должен иметь свой опыт. Если мы хотим бороться с бюрократизмом, то мы должны привлечь к этому низы. Мы должны знать, какой опыт был на такой-то фабрике или заводе, что ими сделано было, чтобы прогнать таких-то бюрократов, какой опыт был у квартального хозяйства, у потребительного общества. Нужна наибольшая быстрота обращения всего хозяйственного механизма, а, между тем, об этом не слышишь ни звука, а перебранок и склок сколько угодно. Конечно, такой гигантский переворот не мог обойтись без этого сора, без этой, не всегда отличающейся чистотой, пены. Нам пора поставить вопрос не только о свободе критики, но и о ее содержании. Пора сказать, что, учитывая наш опыт, мы должны сделать целый ряд уступок, мы должны сказать себе, что в дальнейшем мы не допустим больше ни малейшего уклонения в сторону склок. Нам нужно поставить на нашем прошлом крест и приняться за настоящее хозяйственное строительство, за переделку всей партийной работы, чтобы она руководила советским хозяйственным строительством и практическими успехами, пропагандировала бы больше делом, чем словами. Ведь, теперь ни рабочего, ни крестьянина словами вы не убедите, убедить его можно только примером. Их нужно убедить в том, что они смогут улучшить свое хозяйство без капиталистов, что для устранения конфликтов им не нужно ни полицейской палки, ни капиталистического голода, а нужно руководство партийных людей. Вот, на эту точку зрения мы должны стать, и тогда в дальнейшем хозяйственном строительстве мы достигнем успеха, который в международном отношении доведет нашу победу уже до полного конца.

*Напечатано отдельной брошюрой
в 1920 г. в издании МК РКП.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ *Генуя* — город в Италии, где 10 апреля 1922 года была созвана конференция европейских держав, имевшая целью разрешить вопросы, связанные с хозяйственным восстановлением Европы после империалистской войны. Решение о созыве Генуэзской конференции было принято Каннским совещанием Верховного Совета Лиги Наций 7 января 1922 г.

Текст Каннской резолюции гласит: «Собравшиеся на конференцию союзные державы выражают единодушное мнение, что в феврале или в начале марта необходимо созвать экономич.-финансовую конференцию, на которую всем европейским государствам, в том числе Германии, России, Австрии, Венгрии и Болгарии, должно быть предложено послать своих представителей. Союзные державы считают, что такая конференция является настоятельно необходимым шагом на пути к экономическому восстановлению центральной и восточной Европы. Они решительно высказываются за то, чтобы, если это возможно, в этой конференции принял личное участие премьер-министр каждого государства, с тем, чтобы ее предложения в кратчайший срок можно было превратить в дело. Союзные державы полагают, что возобновление международной торговли во всей Европе и развитие естественных богатств всех стран необходимы для расширения границ, приложения производительного труда и облегчения страданий европейских народов. Необходимы соединенные усилия более мощных государств для избавления Европы от поразившего ее паралича. Эти усилия должны включать в себе меры к устранению всех препятствий на пути к торговым сношениям, к снабжению кредитами экономически более слабых стран и к сотрудничеству всех наций в деле восстановления нормального благосостояния. Союзные державы полагают, что основные условия, при которых эти условия могут быть осуществлены с надеждой на успех, сводятся к следующему: 1) ни одно государство не может присвоить себе право диктовать другому государству принципы, на которых последнее должно регулировать свою систему собственности, внутренней экономической жизни и управления. Каждая нация свободна в выборе системы, какую она сама предпочитает в этой области. 2) Однако, прежде чем какое-либо государство может воспользоваться помощью иностранных капиталистов, последние должны получить уверенность, что их имущество и права будут уважаться и что плоды их деятельности будут обеспечены за ними. 3) Действительные гарантии безопасности не могут быть восстановлены до тех пор, пока правительства всех государств, желающих воспользоваться иностранным кредитом, не заявят вполне определенно, что они признают все государственные долги и обязательства, заключенные или могущие быть заключенными или гарантированными государством, муниципалитетами или какими-либо другими общественными организациями, а также обязательство восстановить все принадле-

жавшее иностранцам имущество или компенсировать их за убытки, причиненные им конфискацией или секвестром их имущества, и систему законодательства и суда, которая беспристрастно ограждала бы права и обязательства, вытекающие из коммерческих и другого рода договоров, и обеспечивала бы их принудительную силу. 4) Необходимо располагать достаточными средствами обмена и вообще создать условия финансово-денежного обращения, в достаточной степени обеспечивающие ведение торговли. 5) Все нации должны воздержаться от пропаганды, направленной к низвержению существующего порядка и к установлению в других странах иной политической системы. 5) Все страны должны принять на себя взаимное обязательство воздержаться от нападения на своих соседей. Если в целях обеспечения условий, необходимых для развития торговли в России, российское правительство потребует официального признания, то союзные державы будут готовы согласиться на такое признание, но лишь в том случае, если русское правительство согласится с вышеприведенными условиями».

В связи с постановлением Каннской конференции союзных держав, в Лондоне 20—28 марта 1922 г. состоялось совещание экспертов «приглашенных» стран с целью «совместной выработки основ будущих резолюций для Генуэзской конференции». Советская Россия не участвовала в Лондонском совещании, и результаты работ «экспертов» были вручены представителю Сов. России только в Генуе после начала работ конференции (на заседании политической комиссии 11 апреля 1922 г.). Лондонское совещание наметило две основные задачи Генуэзской конференции: восстановление Европы и решение русского вопроса. В центре работ Генуэзской конференции, на которую собрались представители нескольких десятков государств и на которой впервые после войны принимали участие побежденная Германия (во главе делегации—Вирт) и Советская Россия (во главе делегации—Г. Чичерин), стоял, как ее основная политическая и экономическая проблема,—*русский вопрос*, который в сущности свелся к вопросу об иностранной собственности в России и о признании старых русских долгов. Первоначально союзные державы твердо стояли на точке зрения признания полной реституции (восстановление прежних собственников в их правах) частной собственности. В таком духе и был составлен «экспертами» знаменитый Лондонский меморандум от 28 марта 1922 г., долженствовавший превратить Сов. Россию в колонию западно-европейского капитализма и ввести в ней режим капитуляции. Такую же позицию занимали союзные державы и на Генуэзской конференции до меморандума 2 мая. Этот меморандум, от подписания которого уклонились сначала Бельгия, а за ней и Франция, является выражением англо-итальянской точки зрения, допускающей возможность, вместо реституции, *компенсацию* «в том случае, если прежний собственник не сможет войти во владение». Русский меморандум от 11 мая окончательно рассеял все надежды на капитуляцию Советской России. Отвергая всякие попытки союзников к изменению существующей в России системы собственности, русская делегация в своем меморандуме указала, что советское правительство согласно предоставить «возможность бывшим собственникам национализированных имуществ приложить свои технические знания и капиталы к экономическому восстановлению России к их собственной выгоде» и «признает их преимущественное право во всех случаях, когда их бывшая собственность будет отдаваться в концессии, будет ли то в форме аренды, либо в форме смешанного общества, учрежденного государством совместно с иностранным капиталом, или, на-

конец, под всякой другой возможной формой партиципации иностранного капитала».

Российская делегация констатировала также, что «заинтересованные государства, сосредоточивая все свои заботы на ограниченной группе иностранных капиталистов и давая этим доказательства непонятной доктринерской непримиримости, принесли в жертву интересы громадного большинства иностранных капиталистов, желающих использовать облегчения и гарантии, которые им дает российское правительство на предмет возвращения и работы в России, точно так же, как и интересы массы мелких держателей русских займов и мелких иностранных собственников, имущества которых национализированы и секвестрированы и интересы которых российское правительство готово принять во внимание среди прочих истцов в том случае, если оно признает их справедливость и доказанность».

Российская делегация не может не выразить своего удивления, что такие государства, как Франция, которая обладает большинством мелких держателей русских займов, обнаружила больше всего настойчивости в вопросе реституции имущества, подчиняя интересы мелких держателей русских займов интересам нескольких групп, требующих восстановления имущества».

Что же касается признания старых долгов России, советская делегация предложила считать довоенные долги русских правительств покрытыми расходами, понесенными Советской Россией в результате блокады и поддержки союзниками русской контр-революции. На уплату других обязательств российская делегация согласилась, но при условии предоставления Советской России займа на восстановление хозяйства и отсрочки уплаты. Соглашение, однако, достигнуто не было, и Генуэзская конференция, проработав почти 1½ мес., закрылась, не решив важнейших вопросов «порядка дня». Решено было перенести их на разрешение Гаагской конференции. Результаты Генуэзской конференции ничтожны и в части ее работ, касающихся «хозяйственного восстановления Европы». О них безошибочно говорил Ленин на IX Всероссийском съезде советов задолго до открытия Генуэзской конференции. Для российских дипломатов конференция в Генуе не прошла бесплодно. Советская Россия успела заключить *Раппальский договор* с Германией, признавшей Советскую власть и установившей основы для временного хозяйственного сотрудничества социалистической России с капиталистической Германией... Этот договор рассматривался союзными дипломатами и буржуазной прессой, как крупная дипломатическая победа Сов. России.

2) На конференции Верховного Совета Лиги Наций в Каннах Ллойд-Джордж внес предложение, принятое Верховным Советом, чтобы на Генуэзскую конференцию европейских держав прибыли в качестве делегатов премьеры. Внося это предложение, Ллойд-Джордж—по сообщению буржуазной печати—«имел в виду главным образом заполучить на конференцию Ленина». В связи с этим в Каннах возник вопрос о том, кто должен «пригласить Москву на конференцию: Бриан, как председатель Верховного Совета, или Бономи—представитель Италии». В конце концов, Бриан согласился официально уведомить советское правительство о предложении Верховного Совета... Кроме того, английский и итальянский премьеры согласились «обратиться с личными посланиями к Ленину, с дружеским и настойчивым советом согласиться на это предложение и прибыть в Геную». Но неотложные государственные дела требовали

присутствия Ленина в Советской России и ожидавшаяся встреча в Генуе вождя мировой революции с руководителями европейской политики не состоялась. Во главе российской делегации стал Народный Комиссар Иностранных Дел Г. Чичерин. В состав делегации входили: Л. Красин, М. Литвинов, А. Иоффе и Х. Раковский, В. Боровский, Н. Нариманов, П. Мдивани, А. Бекздян, Ф. Ходнаев, Я. Янсон, А. Шляпников, Т. Сапронов, Я. Рудзутак.

³) *Каннская конференция* союзных держав была созвана 6 января 1922 г. Конференция постановила созвать в Генуе всеобщую финансово-экономическую конференцию (см. примеч. 1) для решения вопроса о хозяйственном восстановлении Европы. Уже на конференции в Каннах наметились две точки зрения по вопросу об участии в Генуэзской конференции Советской России. Франция вначале заняла определенно враждебную позицию по отношению к России, не желая вступать в переговоры с советским правительством. Затем, однако, ей пришлось, под давлением Англии и Италии, несколько изменить свою позицию и согласиться на участие Сов. России в конференции, но лишь в том случае, «если условия, на которых Россия и другие государства могут принять участие в Генуэзской конференции, будут приняты этими государствами еще до начала конференции». «Если бы советская делегация, — заявил Пуанкаре во французском парламенте, — не согласилась на принятие этих условий, французская делегация в Генуе не приняла бы участия в конференции. Если же Советы примут поставленные им условия с оговорками, то французская делегация в таком случае прежде всего обсудит вопрос о достаточности данных Россией обязательств». К французской точке зрения примыкала и Бельгия. На Генуэзской конференции делегаты этих стран упорно настаивали на уплате Сов. Россией старых долгов и восстановления частной собственности

⁴) *А. Керенский* — см. том XIV, примеч. 134.

⁵) Заявление о том, что большевики готовы немедленно взять власть целиком, было сделано Вл. Ил. на 1-м Всероссийском съезде советов Р. и С. Д. в июне 1917 г. (см. «Собрание сочинений» ч. I, том XIV, стр. 261).

⁶) *Второй Всероссийский съезд советов* — см. том XV, прим. I.

⁷) *Вл. Маяковский* — поэт-футурист, сын лесничего, род. в 1894 г. в Богдадах, Кутаисской губ., в 1908 г. — член Московской организации РСДРП, дважды арестовывался. Провел 11 мес. в Бутырской тюрьме, по освобождении поступил в училище живописи и ваяния, где, одновременно с занятиями по живописи, начал писать стихи. Автор нескольких книжек стихов. Наиболее крупные вещи написаны им в эпоху пролетарской революции.

⁸) *Истпарт* — комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии создана по постановлению Совета Народных Комиссаров от 25 сентября 1920 г. Комиссии вменялось в обязанность собиранье всякого рода материалов как печатных, так и рукописных, относящихся к истории Октябрьской революции и истории РКП, а также разработка, обработка и издание этих материалов.

⁹) *И. И. Степанов (Скворцов)* — старый большевик, участвует в революционном движении с 1891 года, литератор, историк и экономист, переводчик и редактор русского издания «Капитала» (совместно с В. Базаровым) и других работ К. Маркса, автор четырехтомного «Курса политической экономии» (совместно с А. Богдановым) и ряда работ по истории. В 1917 г. — редактор «Известий Московского Совета Р. и С. Д.»; после Октябрьской революции работал на фронте

гражданской войны, был членом коллегии Госиздата; профессор Московского университета.

¹⁰⁾ *8-й Всероссийский съезд Советов*—см. том XVII, примеч. 258.

¹¹⁾ *XI съезд РКП*—состоялся в Москве 27 марта—2 апреля 1922 года. Присутствовало 687 делегатов, из них 522 с решающими голосами и 165—с совещательными. Съезд имел следующий порядок дня: 1) Политический отчет ЦК, 2) Организационный отчет ЦК, 3) Отчет ревизионной комиссии, 4) Отчет центральной контрольной комиссии, 5) Отчет Коминтерна, 6) Итоги чистки и укрепления партии, 7) Доклад о работе РКСМ, 8) Профсоюзы и 9) Финансовая политика.

¹²⁾ Речь идет о позиции Франции и Бельгии (см. прим. 1 и 3).

¹³⁾ *Резолюция X съезда РКП* о новой экономической политике помещена в сборнике «Российская Коммунистическая Партия (б.) в резолюциях ее съездов и конференций», изд. под ред. Л. Каменева (Госиздат 1922 г., стр. 331).

¹⁴⁾ *«Левые коммунисты»*—см. том XV.—«О левом ребичестве и о мелкобуржуазности», стр. 256, прим. 64 и 123.

¹⁵⁾ *ЦКК*—Центральная Контрольная Комиссия, созданная в 1922 г. при ЦК РКП. В настоящее время, в связи с постановлением XII съезда РКП, задачи ЦКК, по сравнению с прежними, значительно расширены. ЦКК не только высший орган для разбора партийных дел, но ведет совместно с РКП работу по обследованию и контролю Госаппаратов. Основные положения реорганизации РКП и ЦКК даны были В. И. в статьях: «Как реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше» (см. настоящий том, стр. 112 и 116). Председателем ЦКК на XII Съезде партии избран Куйбышев.

¹⁶⁾ *Ракоши*—член Венгерской коммунистической партии, входил в состав Совнаркома Советской Венгрии, член II Конгресса Коминтерна и его Исполкома.

¹⁷⁾ *«Главногоговаривающий»*—так прозвали солдаты Керенского, когда он, в качестве главнокомандующего, в июне 1917 г., разъезжал по фронту и произносил бесконечно длинные речи, призывая и уговаривая солдат идти в наступление против немцев.

¹⁸⁾ *«Сменовеховцы»*—течение, возникшее за границей среди русской белогвардейской эмиграции, преимущественно в ее интеллигентских слоях. Свое название это течение получило от названия сборника «Смена Вех», изданного в Праге в 1921 г. Вскоре там же начал выходить журнал того же названия. Оба эти издания были посвящены выяснению мотивов, по которым «сменовеховцы» перешли от непримиримо-враждебной позиции к признанию существующей в России государственной власти и к призыву совместного сотрудничества с ней. Рассматривая новую экономическую политику Советской власти как шаг назад «от коммунизма к капитализму», «сменовеховцы» доказывали, что эта «эволюция большевиков» логически приведет к «восстановлению старых буржуазных отношений» и к укреплению России, как государства, способного отстаивать свою независимость и интересы. Интеллигенция—по их мнению—должна содействовать этому процессу и помогать Советской власти в деле восстановления хозяйства России. Течение это привлекло к себе сочувственное внимание многих русских эмигрантов, что и вызвало злобные нападки на «сменовеховцев» со стороны монархических, право-кадетских и эс-эровских органов печати. «Сменовеховцы» издают в Берлине свою ежедневную газету «Накануне» Во главе течения стоят—Устрялов, Ключников, Потехин Лукьянов, Бобрищев-Пушкин и др.

19) *Устрялов*—бывш. пригат-доцент московского университета; после Октябрьской революции эмигрировал к белым, входил в состав одного из белогвардейских правительств. Ныне—один из видных «Сменовеховцев».

20) *Аппробация*—одобрение.

21) *Н. Н. Горбунов*—родился в 1888 г., член партии с 1916 года, управляющий делами Совета Народных Комиссаров

22) *Миросиников*—помощник управляющего делами Совнаркома, техник по образованию, член РКП, депутат Московского Совета.

23) *СТО*—Совет Труда и Оборона создан при Совнаркоме, см. прим. 110 в I ч. XVIII тома

24) *ЭКОСО*—Экономические совещания при губернских и уездных советах.

25) *Кассиор*—рабочий, работник профессионального движения, член ВЦСПС.

26) *Б. Камков*—см. том XIV, прим. 139.

27) *С. Д. Вульфсон*—род. в 1879 г., член партии с 1902 г., работал как революционер-профессионал в Екатеринославе, Самаре, Саратове, Баку. Неоднократно подвергался арестам. После Октябрьской революции работал на фронте, а затем в экономических и продовольственных организациях. Входил в состав Крымского Совнаркома; председатель управления МСПО.

28) *А. Сольц*—один из старых членов партии, участник социал-демократической группы «Рабочее дело» (1897 г.), неоднократно подвергался аресту, много лет провел на каторге. В 1917 г. член редакционной коллегии «Социал-Демократа» (орган Московского Комитета большевиков). Один из редакторов «Правды». С 1921 г.—член президиума Центральной Контрольной Комиссии

29) «22» члена РКП, подписавшие заявление, поданное III Конгрессу Коминтерна, примыкали к группе «Рабочей оппозиции». От их имени А. Коллонтай выступила на III Конгрессе Коминтерна с речью об отношении этой группы к новой экономической политике, противоречившей общей партийной линии. Точка зрения группы подробно изложена в брошюре А. Коллонтай «Рабочая оппозиция», вышедшей в 1921 г. к моменту созыва X Съезда РКП. Выступление Коллонтай на Конгрессе Коминтерна подверглось там обстоятельной критике Л. Троцкого и Н. Бухарина. Вопрос о «22» служил предметом обсуждения в ЦК РКП и на XI съезде партии. Группе ставилось в вину, что она вопреки постановлению X съезда партии, воспретившему существование внутри партии фракционных группировок, продолжала существовать, как группа. Специально избранная XI съездом комиссия в составе 19 делегатов установила, что в разное время происходили фракционные совещания группы, на которых выносились конспиративного характера постановления. XI съезд РКП признал, что «подписавшие заявление товарищи отнюдь не нарушили партийной дисциплины самым фактом подачи этого заявления в высший орган классовой коммунистической организации—Коминтерн, и не за это осуждает товарищей. Съезд признал «анти-партийным сохранение в течение года, вопреки решительному безоговорочному постановлению X съезда, фракционной группировки, фракционных совещаний, продолжение фракционной борьбы»

XI съезд, заслушав постановление расширенного пленума ИККИ по вопросу о «22», доклад комиссии 19, выделенной съездом для расследования деятельности некоторых членов бывшей «Рабочей оппозиции», и объяснения тт. Шляпникова, Медведева и Коллонтай, постановил:

1) Присоединиться к постановлению ИККИ, в отношении тт. Шляпки-кова, Медведева и Коллонтай, и поручить ЦК, в случае проявления со стороны этих товарищей в дальнейшем подобного анти-партийного отношения, исключить упомянутых товарищей из партии.

2) Тов. Митина, бывший 16 лет активным членом меньшевистской партии, вступившего в РКП в 1920 году, организатора фракционной группировки, неуклонно ведшего в организации РКП в Донбассе линию разложения партийной организации, из партии исключить, как злостного дезорганизатора.

3) Тов. Кузнецова, обманувшего доверие партии ложными сведениями о своем прошлом, о партийном и рабочем стаже, скрывшего, что он бывший бакалейный торговец, временно перешедший в ряды рабочих в порядке уклонения от военной службы, из партии исключить, как чуждый пролетариату элемент.

30) *Вандервельде*—правый бельгийский социалист, председатель II Интернационала, во время империалистической войны министр королевского правительства Бельгии. В 1917 г. Вандервельде приезжал в Россию уговаривать русских рабочих продолжать войну во имя интересов буржуазии Антанты. В 1922 г. прибыл в Москву в качестве представителя II Интернационала и защитника на процесс правых эс-эров. По всему пути следования и в Москве рабочие встречали Вандервельде и его товарищей враждебными демонстрациями (см. том XIV, примеч. 76 и примеч. 31 настоящего тома).

31) *Суд над эс-эрами*—происходил в Москве в июне 1922 г. В качестве обвиняемых к Суду Верховного Трибунала были привлечены 34 человека. Среди них члены ЦК партии эс-эров и его агенты: А. Р. Гоп, Д. Д. Даской, Л. Я. Гернштейн, М. А. Личах, Н. Н. Иванов, Е. М. Ратнер-Элькинд, Д. Ф. Раков, Ф. Ф. Федорович, М. А. Веденяпин, М. А. Гендельман, С. В. Морозов и др. Обвиняемым инкриминировался ряд контр-революционных деяний, направленных к свержению рабоче-крестьянской советской власти и уничтожению революционных завоеваний рабочего класса. Суд происходил в Колонном Зале «Дома Союзов» под председательством Г. Л. Пятакова. В состав суда входили: О. Я. Карклин и А. В. Галкин. Государственными обвинителями выступали— Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, от Коминтерна— К. Цеткин, Муна и Бокани. Часть обвиняемых, порвавших с эс-эровской партией задолго до процесса, раскаившихся в своих поступках и честно работавших в советских учреждениях (Иванова-Иранова, Агапова, Львова, Злобина, Ефимова, Зубкова, Пелевина, Усова, Федорова-Козлова, Дашевского, Коноплеву, Семенова, Ставскую, Морачевского, Альтовского, Утгоф-Дерюжинского, Либера, Горьков-Добролюбова, Ратнера), защищали А. Биценко, Н. Бухарин, С. Зорин, А. Знаменский, Р. Катанян, Н. Овсянников, И. Стуков, М. Томский и С. Членов

Защиту остальных взяли на себя представители 2 и 2½ Интернационалов—Вандервельде, Т. Либкнехт и Курт и группа русских адвокатов, во главе с Н. Муравьевым и А. Тагером.

Процесс продолжался 50 дней и раскрыл яркую картину контр-революционной деятельности Центрального Комитета Партии социалистов-революционеров и отдельных членов партии, действовавших по директивам ЦК. Партия занималась организацией заговоров и восстаний против Советской власти, убийствами рабочих вождей, взрывами жел.-дор. мостов, поддержкой интервенции. Процесс дал полное подтверждение обвинительного материала. Верховный Трибунал, оправдав часть обвиняемых, вынес обвинительный приговор,

юим 15 подсудимых приговорены к строгой изоляции сроком от 2 до 10 лет, остальные—Гоц, Донской, Гернштейн, Гепдельман, Лихач, Иванова, Ратнер-Элькинд, Тимофеев, Морозов, Агапов, Альтовский приговорены к высшей мере наказания—расстрелу. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, утвердив этот приговор, постановил: в отношении обвиняемых, приговоренных к высшей мере наказания, приговор привести в исполнение лишь в том случае, если партия социалистов-революционеров не откажется от методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти,—будет и впредь продолжать тактику террора и мятежа.

Игнатъев, Семенов, Коноплева, Ефимов, Усов, Зубков, Федоров-Козлов, Пелевин, Ставская и Дашевский, согласно ходатайству Верховного Трибунала, от наказания были освобождены.

Подробно о деле эс-эров см. «Обвинительные речи на процессе эс-эров» и «Речи защитников и обвиняемых», изд. «Красной Нови», 1922 г.

²²⁾ *Брошюра А. Коллонтай* — см. примеч. 29.

²³⁾ *Письмо к Мясникову* — напечатано в I части XVIII тома, стр. 338.

²⁴⁾ *К. Штейнмец* — известный американский ученый, в 1922 г. обратился к В. И. с письмом следующего содержания:

«Господину Н. Ленину.

Дорогой Господин Ленин!

Пользуюсь возвращением господина Лосева в Россию, чтобы выразить Вам свое восхищение удивительной работой, направленной к социальному и экономическому возрождению, работой, которую Россия выполняет при таких тяжелых условиях. Я желаю Вам полнейшего успеха и питаю полное доверие, что Вы этого успеха добьетесь. В самом деле, громадное дело, начатое Россией, должно увенчаться успехом, так как нельзя допустить, чтобы Вы потерпели поражение.

Я буду очень рад, если в области технической и в частности в области электризации сумею, по мере своих сил, помочь России как указаниями, так и советами

Преданный Вам К. Штейнмец».

Письмо В. И. было ответом на его послание

²⁵⁾ *Мартенс*—представитель РСФСР в Северо-Америк. Соедин. Штатах. В 1921 г. был арестован американским правительством и выслан в Россию. Ныне председатель комитета изобретений

²⁶⁾ *«Правда»* — орган ЦК РКП, издается в Москве с 1918 г. Первый номер большевистской «Правды» вышел в Петербурге 22 апреля (ст. ст.) 1912 года. Легальная «Правда» в 1913 г. подвергалась почти непрерывному преследованию со стороны царского правительства. Закрытая по распоряжению властей, «Правда» выходила каждый раз под новым названием — «Путь Правды», «Северная Правда», «Трудовая Правда» и т. д. Так продолжалось до начала империалистской войны, когда издание легальной большевистской газеты стало невозможным. Издание «Правды» было возобновлено сейчас же после февральской революции 1917 г. В дни 3—5 июля «Правда» была закрыта правительством Керенского. Типография «Правды», купленная на деньги, собранные по подписке петербургскими рабочими, была разгромлена отрядом юнкеров. Ими же убит рабочий Воинов, пытавшийся вынести из типографии отпечатанные листы. На следующий день «Правда» вышла под новым названием. И только после Октябрьской революции «Правда» получила возможность вернуться к прежнему

названию. Редактором «Правды» состоит Н. И. Бухарин; ответственным секретарем—М. И. Ульянова

³⁷⁾ «Искра» — см. том XVII, прим. 88.

³⁸⁾ *Шпенглер* — немецкий ученый, автор нашедшей в Германии книги «Закат Европы», проникнутой мрачным пессимизмом. Автор говорит о предстоящей гибели европейской культуры. Книга переведена на русский язык.

³⁹⁾ *Возникновение большевизма* — см. том XVII, примеч. 89.

⁴⁰⁾ *А. Гендерсон* — см. том XVI, прим. 13.

⁴¹⁾ *Варлен* — французский рабочий, революционер, член Первого Интернационала, участник Парижской Коммуны 1871 г. Расстрелян солдатами генерала Галифе

⁴²⁾ *Рендель* — см. том XIV, примеч. 37.

⁴³⁾ *В. Либкнехт* — см. том XIV, прим. 302.

⁴⁴⁾ *Зюдекум* — см. том XVI, прим. 10.

⁴⁵⁾ *Чартисты* — см. том XVI, примеч. 103.

⁴⁶⁾ *Общество друзей Советской России в Америке* — возникло в 1921 г., ставило своей целью распространение среди американского общества правдивых сведений о положении Советской России в противовес лживой информации буржуазных американских газет и оказание помощи рабочим и крестьянам России. Американское правительство ставило всяческие препятствия развитию деятельности общества, не останавливаясь перед прямым преследованием его членов. Во главе общества стоит Гарольд Веер, постивший в 1922 г. Советскую Россию.

⁴⁷⁾ *Гарольд Веер* — см. примеч. 46.

⁴⁸⁾ *Общество технической помощи Советской России* — организовано в Америке в 1921 г.—Ставя своей задачей оказание технической помощи, общество это прислало Советской России значительное количество тракторов и других сельско-хозяйственных орудий. В 1922 г. группа членов этого общества прибыла в Советскую Россию. Американцам был отведен большой земельный участок, который был ими самостоятельно обработан и засеян. Весь урожай этого участка поступил в государственный продовольственный фонд.

⁴⁹⁾ *Взятие Владивостока* — 25 октября 1922 г. - войска Дальневосточной республики вступили во Владивосток, очищенный японскими и белогвардейскими оккупантами. Взяв Владивосток, Красная армия вернула России выход к Тихому Океану. Получив известие о новой победе Красной армии, В. И. отправил председателю Совета министров ДВР телеграмму следующего содержания:

«К 5-летию победоносной Октябрьской революции Красная армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев оккупантов. Занятие Народно-Революционной Армией ДВ Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма. Приветствуя с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную армию, прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и гор. Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР.

Председатель Совнаркома РСФСР Ульянов-Ленин».

⁵⁰⁾ *Лозаннская конференция* — созвана 13 ноября 1922 г. для разрешения ближне-восточного вопроса. Работа конференции закончилась лишь в конце июля 1923 года подписанием мирного договора, по которому турецким делегатам

удалось добиться значительных уступок в пользу Турции. Представители Турции, интересы которой, главным образом, поставлены были на разрешение собравшихся в Лозанне европейских дипломатов, неоднократно подымали вопрос о допущении на конференцию делегатов Советской России, как страны заинтересованной в разрешении ближне-восточного вопроса, но конференция «дипломатически» уклонялась от ответа на предложения турецких делегатов. В это время швейцарские фашисты и русские эмигранты-белогвардейцы вели против проживавшего в Лозанне российского посла в Италии т. В. В. Воровского злобную травлю, угрожая ему смертью. Благодаря попустительству швейцарской полиции фашистам удалось осуществить свой гнусный замысел. Тов. Боровский был убит в гостинице во время ужина белогвардейцем Конради, действовавшим сообща с швейцарскими фашистами.

По окончании работ конференции, генеральный секретарь ее Р. Массини обратился к Г. Чичерину с телеграфным предложением подписать текст мирного договора. 14 августа 1923 г. лозаннский договор был подписан полномочным представителем СССР в Италии Н. Иорданским

⁵¹⁾ Идет речь о статье Вл. Ил. О «левом» ребячестве и мелко-буржуазности» (см. том XV, стр. 255—280).

⁵²⁾ *III Конгресс Коммунистического Интернационала* — происходил в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 г. На конгрессе участвовало 603 делегата от 58 стран. В порядке дня конгресса стояли следующие вопросы: 1) Доклад Исполкома Коминтерна, 2) Мировой экономической кризис и новые задачи Коминтерна, 3) Тактика Коминтерна во время революции, 4) Переходный период (частичные выступления и окончательная революционная борьба), 5) Борьба с Амстердамским желтым объединением профессиональных союзов, 6) Международный Совет красных профсоюзов и Коминтерн, 7) Организационное строительство коммунистических партий, методы и содержание их работы, 8) Организационное строительство Коммунистического Интернационала и его отношение к входящим в его состав партиям, 9) Восточный вопрос, 10) Итальянская Социалистическая Партия и Коминтерн (обжалование решения Исполкома Коминтерна Итальянской Социалистической Партией), 11) Германская Коммунистическая Рабочая Партия и Коминтерн (обжалование решения Исполкома Коминтерна), 12) Женское движение, 13) Движение молодежи, 14) Выборы Исполкома Коминтерна, место пребывания его, 15) Разные вопросы. Конгресс уделил много времени обсуждению мирового экономического кризиса, тактике Коминтерна во время революции и внутрипартийным вопросам Италии и Германии. Докладчиками на Конгрессе выступали: Г. Зиновьев (Доклад о деятельности Исполкома Коминтерна), Л. Троцкий (Мировой хозяйственный кризис и новые задачи Коминтерна), К. Радек (О тактике Коминтерна), Н. Ленин (Тактика РКП) и др. Конгресс, закончив свои работы, обратился ко всем рабочим и работницам мира со следующим воззванием:

К рабочим и работницам всех стран.

Третий Конгресс Коммунистического Интернационала закончился. Закончен великий смотр всемирной армии коммунистического пролетариата. Он показал, что в течение истекшего года коммунизм в целом ряде стран, где он до сих пор существовал только в зародыше, стал великой силой, движущей массами и угрожающей капиталу. Коммунистический Интернационал, предста-

влявший на своем первом учредительном Конгрессе, кроме России, только незначительные группы товарищей, а на своем втором прошлогоднем Конгрессе, только искавший путей к созданию массовых партий, располагает в настоящее время не только в России, но и в Германии, Польше, Чехо-Словакии, Италии, Франции, Норвегии, Юго-Славии и Болгарии партиями, вокруг знамен которых собираются большие массы. Третий Конгресс обращается к коммунистам всех стран с призывом следовать дальше по испытанному пути и сделать все для привлечения в ряды Коммунистического Интернационала все новых и новых миллионов рабочих и работниц. Ибо власть капитала может быть сокрушена только тогда, когда осуществится идея коммунизма, благодаря неукротимому порыву значительного большинства пролетариата, руководимого коммунистическими массовыми партиями, которые должны являться железными скрепами борющегося пролетариата. «В массы» — таков первый клич, который III Конгресс бросает коммунистам всех стран.

Навстречу новым великим боям.

Эти массы идут, текут к нам, ибо мировой капитализм доказывает им все яснее, все очевиднее, что он может отсрочить свою смерть только путем все большего разрушения мирной жизни, путем увеличения хаоса, нищеты и порабощения масс. Перед лицом мирового экономического кризиса, выбрасывающего на улицу миллионы рабочих, умолкает крик социал-демократических лакеев капитала, умолкает клич буржуазии, с которыми она в течение многих лет обращалась к рабочим: «работайте, работайте». *Ибо призыв к труду становится боевым лозунгом рабочего класса*, осуществиться он может только на развалинах капитализма, только тогда, когда пролетариат овладеет созданными им средствами производства. Капиталистический мир видит себя на краю пропасти новых военных *опасностей*. Американско-японские, англо-американские, англо-французские, французско-немецкие, польско-немецкие противоречия, как противоречия на Ближнем и Дальнем Востоке — все эти нарастающие конфликты гонят капитализм на путь усиления вооружений. Они пробуждают в них тревожный вопрос: «неужели Европа снова должна будет вступить на путь мировой войны». Не убийства миллионов людей боятся капиталисты. Ибо уже после войны они своей политикой, своей блокадой России хладнокровно обрекли на голодную смерть миллионы людей. Чего они боятся, так это того, как бы новая война окончательно не бросила массы в армию мировой революции, как бы эта новая война не вызвала последнего восстания мирового пролетариата. Поэтому они пытаются, подобно тому, как они это делали до мировой войны, несколько разрядить атмосферу путем дипломатических сделок. Но разряжение атмосферы в одном пункте означает сгущение ее в другом. Переговоры между Англией и Америкой относительно ограничения морских вооружений обоих государств создают, по необходимости, единый фронт против Японии. Англо-французское сближение выдает Германию Франции и Турцию — Англии. *Не мир, но растущее беспокойство, растущее порабощение побежденных народов победившим капиталом* — таков результат всех стараний мирового капитала внести какой-нибудь порядок в растущий мировой хаос. Капиталистическая пресса всего мира говорит теперь о политическом успокоении во всем мире, потому что немецкая буржуазия покорилась верховной воле союзников и потому что она для спасения своей власти отдала немецкий народ на съедение шакалам париж-

ской и лондонской биржи. Но в то же время эта биржевая пресса полна сообщений о все усиливающейся экономической разрухе Германии, о чрезвычайных налогах, которые к осени градом посыплются на обреченную на безработицу массу, вызывая вздорожание каждого куска хлеба, одежды и других предметов первой необходимости. Коммунистический Интернационал, исходя в своей политике из спокойного, объективного изучения мирового положения, — ибо только трезво обозревая поле битвы, трезво отдавая себе отчет во всем, пролетариат может добиться победы, — говорит пролетариату всех стран: капитализм до сих пор оказывался неспособным обеспечить миру даже и ту степень порядка, которая существовала до последней войны. Ибо то, что она теперь затевает, не может *принести упрочения нового порядка*, оно может означать только продление ваших страданий, продление процесса агонии капитализма. *Мировая революция надвигается*. Повсюду дрожат основы мирового капитала. Второй лозунг, с которым Мировой Конгресс Коммунистического Интернационала обращается к пролетариям всех стран, гласит: *мы идем на встречу новым, великим боям. Вооружайтесь для новых битв!*

Создавайте всеобщий боевой пролетарский фронт.

Мировая буржуазия не способна обеспечить рабочих работой, хлебом, жилищем и одеждой, но она обнаруживает свою великую способность к организации войны против мирового пролетария. С первого момента ее великого замешательства, как только она сумела победить в себе великий страх перед возвращающимися с войны рабочими, как только она сумела снова погнать рабочих на фабрики, подавив их первые мятежи, как только она сумела сохранить и после войны свою связь с предателями пролетариата из рядов социал-демократии и профсоюзов, создав, таким образом, раскол среди рабочих, — с тех пор она напрягла все свои силы для *организации белогвардейцев* против пролетариата и для *разоружения рабочего класса*. Мировая буржуазия вооружилась до зубов; она готова не только выступить с оружием в руках против всякого восстания пролетариата, но она умеет также при случае *провоцировать* преждевременные восстания готовящегося к борьбе пролетариата для того, чтобы разбить его, прежде чем будет создан общий непобедимый пролетарский фронт. *Против этой стратегии мировой буржуазии Коммунистический Интернационал должен выставить свою собственную стратегию*. Против денежных сундуков мирового капитала, противопоставляющего организованному пролетариату своих вооруженных бандитов, Коммунистический Интернационал имеет верное оружие: пролетарские массы, единый сплоченный пролетарский фронт. Когда все новые и новые миллионы сомкнутыми рядами вступают в бой, *тогда оказываются бессильными все уловки буржуазии, все ее методы насилия*; тогда останавливаются железные дороги, по которым буржуазия перевозит свои белогвардейские отряды на борьбу с пролетариатом. Тогда бледный ужас овладевает отдельными частями белогвардейцев. Пролетариат вырывает у них оружие, чтобы употребить его на борьбу с остальной частью белогвардейцев. Если удастся повести пролетариат на дружную борьбу с капиталом, то мировая буржуазия лишится последнего и важнейшего условия победы, — веры в эту победу, которую могли на время вернуть ей только измена социал-демократии, только раскол рабочих масс. Победа над мировым капиталом, путь к победе над ним, лежит через завоевание сочувствия большинства рабочего класса. Третий Мировой Конгресс Коммунистического Интернационала призывает коммунистические партии всех стран и коммунистов, работающих в профсоюзах, направить все свои усилия, всю

энергию к тому, чтобы освободить *широчайшие рабочие массы от влияния социал-демократических партий и предательской бюрократии профсоюзов*. Это возможно только в том случае, если коммунисты всех стран, в это тяжелое время, когда каждый день приносит рабочим массам все новые лишения, покажут себя *передовыми борцами рабочего класса во всех его повседневных нуждах*, когда они поведут его на борьбу *за лишний кусок хлеба*, на борьбу за облегчение тех тягостей, которые капитал все в более невыносимой степени взваливает на рабочие массы. Необходимо доказать широчайшим рабочим массам, что одни коммунисты борются за облегчение их положения и что социал-демократия и реакционная бюрократия профсоюзов согласны скорее дать рабочим умереть с голоду, чем вступить в борьбу. Мы сможем разбить предателей пролетариата, агентов буржуазии не на почве теоретических споров о демократии и диктатуре, но на *почве вопроса о хлебе, о заработной плате, о рабочей одежде и о рабочих жилищах*. И первым важнейшим полем битвы, на котором их необходимо победить, является область профессионального движения, борьба против желтого Амстердамского Интернационала Профсоюзов, борьба за красный Интернационал Профсоюзов. Это—борьба за снесение неприятельских крепостей в нашем собственном лагере; это — вопрос об образовании единого боевого фронта, против которого не устоит мировой капитал. Не давайте места в ваших организациях центристским течениям, развивайте боевой дух.

Только в борьбе за элементарные жизненные требования рабочих масс мы можем создать единый фронт пролетариата против буржуазии, сможем положить конец расколу пролетариата, облегчающему дальнейшее существование буржуазии. Но этот пролетарский фронт будет силен и боеспособен только тогда, когда он будет скреплен коммунистическими партиями с единым и могучим духом и железной дисциплиной. Поэтому III Мировой Конгресс Коминтерна, обращаясь к коммунистам всех стран с лозунгом: «в массы», «создавайте единый пролетарский фронт», в то же время считает нужным сказать им: «очищайте ваши ряды от элементов, способных разложить боевой дух и боевую дисциплину ударных отрядов мирового пролетариата коммунистических партий». Конгресс Коммунистического Интернационала подтверждает исключение Итальянской Социалистической партии вплоть до того момента, когда она порвет с реформистами, исключив их из своих рядов. В этом решении сказывается убеждение Конгресса, что если Коммунистический Интернационал желает повести в бой миллионы рабочих, он не должен иметь в своих рядах никаких реформистов, целью которых является не победоносная пролетарская революция, но примирение с капитализмом и его преобразование. Армии, терпящие во главе себя вождей, стремящихся к примирению с врагом, обыкновенно предаются этими вождями в руки неприятеля. Коммунистический Интернационал обратил свое внимание также на то, что в ряде партий хотя и исключивших из своей среды реформистов сохранились течения, не покончившие еще окончательно с духом реформизма и хотя и не стремящиеся к примирению с врагом, но не ведущие, однако, достаточно энергичной агитации и пропаганды против капитализма и недостаточно энергично ведущие работу революционирования масс. Партии, которые не в состоянии в своей повседневной работе быть революционным дыханием масс, которые не в состоянии ежедневно страстно и неуклонно укреплять боевой дух масс, — такие партии вынуждены оставлять неиспользованным благоприятные для борьбы ситуации, вынуждены дать иссякнуть стихийным движениям пролетариата, как мы это видели при занятии фабрик в Италии

и в декабрьскую забастовку в Чехо-Словакии. Коммунистические партии должны выработать в себе боевой дух. Из них должен выработаться штат, который был бы в состоянии быстро использовать благоприятные боевые обстановки и во время стихийных движений пролетариата путем осторожного и мужественного руководства борьбой добиться максимума возможного. Будьте авангардом вступающих в движение рабочих масс; будьте их сердцем и мозгом. Таков лозунг, с которым III Мировой Конгресс Коминтерна обращается к коммунистическим партиям. А быть авангардом — значит идти во главе массы в качестве ее наиболее храброй, наиболее проницательной и осторожной части. Только став таким авангардом, Коммунистические партии смогут не только создать единый пролетарский фронт, но и повести его к победе над врагом.

Стратегии капитала противопоставьте стратегию пролетариата. Подготовляйте вашу борьбу. Враг силен, потому что он имеет позади себя столетия господства, которые воспитали в нем сознание своей силы и желание сохранить ее. Враг силен, потому что он в течение столетий научился разделять, подавлять и властвовать над пролетарскими массами. Враг знает, как нужно победоносно вести гражданскую войну, и поэтому III Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала обращает внимание коммунистических партий всех стран на опасность, кроющуюся в развитой стратегии господствующего и имущего класса и в недостаточной лишь развивающейся стратегии борющегося за власть рабочего класса. Мартовские события в Германии показали большую опасность, заключающуюся в том, что передовые ряды рабочего класса, коммунистический авангард пролетариата, будет вынужден врагом вступить в бой до выступления широких масс пролетариев. Коммунистический Интернационал с радостью приветствовал тот факт, что сотни тысяч рабочих всей Германии поспешили на помощь находившимся под угрозой рабочим Средней Германии. В этом духе солидарности, выступление пролетариев всей страны, даже всего мира, для защиты одной угрожаемой части пролетариата, Коммунистический Интернационал видит путь к победе. Коммунистический Интернационал приветствовал Объединенную Коммунистическую Партию Германии, которая встала во главе рабочих масс, спешащих на защиту своих осажденных братьев. Но в то же время Коммунистический Интернационал считает своим долгом ясно и открыто сказать рабочим всех стран: «Если авангард не в состоянии избежать борьбы, и если эта борьба может ускорить мобилизацию всего рабочего класса, то авангард не должен забывать, что, пока он одинок и изолирован, он не должен вступать ни в какие решающие бои; в случае, если он вынужден изолированно вступить в борьбу, авангард пролетарской армии должен стремиться избежать вооруженных столкновений с врагом, так как источником победы пролетариата над вооруженными белогвардейцами является его масса. Если пролетариат не выступает преобладающей массой, авангард его не должен идти навстречу вооруженному врагу в качестве безоружного меньшинства. Мартовские бои дали нам еще один урок, на который Коммунистический Интернационал обращает внимание пролетариев всех стран. Необходимо готовить самые широкие рабочие массы к грядущим боям путем непрерывной повседневной, все обостряющейся и расширяющейся революционной агитации и вступать в бой необходимо под такими лозунгами, которые ясны и понятны самым широким массам пролетариата. Стратегии врага должна быть противопоставлена расчетливая, умная стратегия пролетариата. Недостаточно воли к борьбе передовых отрядов, их мужества и решимости.

Борьба должна быть так подготовлена и организована, чтобы она захватила самые широкие массы, чтобы самым широким массам она предстала как борьба за их жизненные интересы и мобилизовала бы их. Чем опаснее будет положение мирового капитала, тем более он будет пытаться воспрепятствовать будущей победе Коммунистического Интернационала, разбив изолированный от широких масс авангард его. Этому плану, этой опасности должна быть противопоставлена всеобъемлющая, пробуждающая массовая агитация коммунистических партий, самая энергичная организационная работа, укрепляющая свое влияние на широкие массы, делающая возможной холодную оценку боевой обстановки, тактика отступления перед превосходными силами неприятеля и нападения в тех случаях, когда силы неприятеля раздроблены, а масса объединена.

Третий Мировой Конгресс Коммунистического Интернационала знает, что лишь опыт в борьбе даст рабочему классу такие коммунистические партии, которые способны с молниеносной быстротой нападать на неприятеля там, где он находится в стесненном положении, и отступать перед его пресвосходными силами. Поэтому долг пролетариев всех стран научиться понимать и использовать в международном масштабе все уроки, купленные ценой огромных жертв рабочим классом в отдельных странах.

Сохраняйте боевую дисциплину.

Не к периоду спокойной агитации и организации должен готовиться рабочий класс и коммунистические партии всех стран, но к серьезным схваткам, которые будут теперь навязываться пролетариату капиталом, чтобы разбить пролетариат и взвалить на его плечи всю тяжесть своей политики.

В этой борьбе коммунистические партии должны развить до наивысшей степени боевую дисциплину. Руководящие партийные органы должны хладнокровно и обдуманно считаться со всеми уроками борьбы, осторожно обзирать поле битвы, соединять великий порыв с величайшей осмотрительностью. В совместной духовной работе всей партии, считаясь с критикой партийных товарищей, должны они выковывать свою тактическую линию, свои планы борьбы. Но и все партийные организации, в свою очередь, без промедления должны проводить линию партии, ее целям должны быть подчинены каждое слово и каждый шаг партийной организации. Парламентские фракции, партийная пресса, партийные организации не колеблясь должны повиноваться приказу руководящих органов партии.

Мировой смотр коммунистических авангардов окончен. Он показал, что коммунизм является мировой силой. Он показал, что Коммунистическому Интернационалу предстоит еще формирование огромных армий пролетариата. Он показал, что великие бои ждут эти армии. Он засвидетельствовал, что мы победоносно выйдем из этих боев. Он показал мировому пролетариату, как он должен подготавливать и завоевывать победу. Теперь задача коммунистических партий всех стран — довести до сознания коммунистов всех стран выросшие из опыта мирового пролетариата решения Конгресса, дабы все коммунистические пролетарии и пролетарки смогли в предстоящих боях действовать, как руководители сотен некоммунистических пролетариев.

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Да здравствует мировая революция!

За работу по подготовке и организации нашей победы

Исполком Коммунистического Интернационала.

Германия: Геккерт, Фрелих. *Франция:* Суварин. *Чехо-Словакия:* Буриан, Крейбих. *Италия:* Террачини, Дженнари. *Россия:* Зиновьев, Бухарин, Радек, Ленин, Троцкий. *Украина:* Мусский. *Польша:* Варский. *Болгария:* Попов. *Юго-Славия:* Маркович. *Норвегия:* Шеффло. *Англия:* Белль. *Америка:* Болдуин. *Испания:* Мерино, Грация. *Финляндия:* Сирола. *Голландия:* Янсон. *Бельгия:* Ван-Оверстраатен. *Швеция:* Чильбум, Арпхольд. *Латвия:* Стучка. *Австрия:* Коричонер. *Венгрия:* Бела Кун. *Исполком Юношеского Интернационала:* Мюнценберг, Лекай.

⁵³⁾ *Н. К. Михайловский* — см. том XIV, прим. 296.

⁵⁴⁾ «*Русское Богатство*» — ежемесячный журнал народнического направления, выходил с 1890 г. по 1904 г. под редакцией Н. К. Михайловского, а после его смерти под редакцией В. Г. Короленко.

^{54а)} *Ходоровский Н.* — Заместитель Народного Комиссара по просвещению, член РКП с 1903 года, вел нелегальную партийную работу на юге России, подвергался арестам и ссылке. Литератор.

⁵⁵⁾ *Н. Суханов* — см. том XIV, прим. 220.

⁵⁶⁾ *Рабкрин* — Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции. С 1923 года, согласно постановлению XII съезда партии, Рабкрин ведет объединенную работу по контролю и улучшению Госаппаратов с Центральной контрольной комиссией.

⁵⁷⁾ *XII Съезд РКП* — происходил в Москве 17—25 апреля 1923 г. На съезде участвовало 820 делегатов: 409 с решающим голосом и 411 — с совещательным. В порядке дня съезда стояли следующие доклады: Г. Зиновьева — Политический отчет ЦК РКП, И. Сталина — Организационный отчет ЦК РКП, В. П. Ногина — Отчет ревизионной комиссии, Шкирятова — Отчет ЦКК, Н. Бухарина — Отчет российского представительства в Исполкоме Коминтерна, Л. Троцкого — О промышленности, И. Сталина — Национальные моменты в партийном и государственном строительстве, Л. Каменева, М. Калинина и Г. Сокольникова — О налоговой политике в деревне, А. Рыкова — о районировании.

⁵⁸⁾ *Политбюро* — см. том XVI, прим. 80.

⁵⁹⁾ *Роберт Оуэн (1771—1858)* — английский социалист-утопист; в 1823 г. основал в Сев. Америке общину на коммунистических началах, которая, однако, вскоре распалась. Пытался организовать «Биржу трудового обмена» с целью устранения денег, но также потерпел неудачу. Очень много сделал для развития кооперативного движения. Его считают отцом кооперации.

⁶⁰⁾ «*Товарищ*» — см. II ч. VII т., прим. 116.

⁶¹⁾ «*Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика*» — брошюра, написанная В. И. в 1907 году (см. «Собр. сочин.», том VIII, стр. 141—152), послужила поводом для меньшевистского ЦК к привлечению Вл. Ил. к партийному суду. Подробнее об этом суде см. настоящий том — «Доклад V Съезду РСДРП», стр. 139.

^{61а)} *Ф. Дан* — см. примечание 159 в XIV томе.

⁶²⁾ «*Пролетарий*» — см. II ч. VII т., примеч. 15.

⁶³⁾ Речь идет о Дане (см. прим. 159 в XIV томе), входившем в 1907 г. в состав ЦК РСДРП.

⁶⁴⁾ «*Социал-демократия и выборы в Петербурге*» — брошюра, написанная В. И. в 1907 г. (см. том VIII, стр. 97).

- ⁶⁵⁾ «Услышишь суд глупца» — брошюра, написанная В. И. в 1907 г. (см. том. VIII, стр. 117).
- ⁶⁶⁾ «Речь» — см. том. XIV, прим. 26.
- ⁶⁷⁾ Максимов — псевдоним А. А. Малиновского-Богданова.
- ⁶⁸⁾ Зимин — псевдоним Л. Б. Красина.
- ⁶⁹⁾ Строев — псевдоним Вас. Ал. Десницкого, до 1909 г. большевика, а затем — с 1917 г. — интернационалиста, редактора «Новой Жизни».
- ⁷⁰⁾ «Страна» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге в 1907 г. Орган партии демократических реформ. Издавалась под редакцией М. М. Ковалевского и И. И. Иванюкова.
- ⁷¹⁾ Столыпин — см. том VIII, прим. 19.
- ⁷²⁾ «Русское Знамя» — газета союза русского народа, издававшаяся в Петербурге с 1905 г. по 1918 г. под редакцией А. Дубровина.
- ⁷³⁾ «Голос Москвы» — ежедневная газета, орган октябристов, издававшийся в Москве с 1906 по 1918 г., отстаивавший необходимость военно-полевых судов, защищавший реакционную политику Столыпина. Издавался на средства группы московских промышленников во главе с А. Гучковым. Имел небольшое распространение.
- ⁷⁴⁾ Апрельская конференция 1917 г. — см. том XIV, примеч. 329.
- ⁷⁵⁾ «Живое Слово» — бульварно-черносотенная газета, издававшаяся в Петербурге в 1917 г.; напечатала сфабрикованные в контр-разведке Временного Правительства документы о шпионаже большевиков (см. том XIV, примеч. 170).
- ⁷⁶⁾ Ермоленко — см. том XIV, прим. 170.
- ⁷⁷⁾ Парус — см. том XIV, прим. 191.
- ⁷⁸⁾ «Социал-Демократ» — см. том XIV, примеч. 192.
- ⁷⁹⁾ Суменсон — см. том XIV, примеч. 194.
- ⁸⁰⁾ Козловский — см. том XIV, примеч. 172.
- ⁸¹⁾ Алексинский — см. том XIV, примеч. 168.
- ⁸²⁾ Л. Каменев — сидел в это время уже в тюрьме Керенского. Его имя под этим, как и под предыдущим письмом, было поставлено тт. Лениным и Зиновьевым, которые, конечно, имели полное право распоряжаться именем Каменева по своему усмотрению.
- ⁸³⁾ «Время» («Temps») — ежедневная газета французской буржуазии. Издается в Париже с 1861 года.

II часть XVIII тома Собрания сочинений
Н. Ленина (В. И. Ульянова)
подготовлена к печати и снабжена примечаниями
К. П. Новицким
под редакцией Л. Б. Каменева.

Летопись событий.

1922 год.

Январь.

1. Опубликование декларации IX Всероссийского Съезда Советов о международном положении РСФСР
5. Вручение Ллойд-Джорджу меморандума от имени парламентской рабочей фракции, постоянного комитета съездов профессиональных союзов и исполнительного комитета национальной рабочей партии с требованием временного прекращения германских репарационных платежей, аннулирования союзнических долгов и предоставления международного кредита для восстановления Бельгии и России.
6. Открытие в Каннах междусоюзнической конференции.
7. Телеграмма итальянского правительства на имя тов. В. И. Ленина, приглашающая принять участие в Генуэзской конференции.
8. Ответ Сов. России Верховному Совету в Каннах о согласии принять участие в Генуэзской конференции.
13. Постановление Верховного Совета в Каннах о созыве 8 марта экономической конференции в Генуе.
— Официальное приглашение Сов. России на Генуэзскую конференцию.
21. Волнение безработных в Дублине (Ирландия).
27. Избрание чрезвычайной сессией ВЦИК российской делегации на Генуэзскую конференцию (председатель В. И. Ленин, члены—Г. Б. Чичерин, Л. Б. Красин, М. М. Литвинов, А. А. Иоффе, В. В. Воровский, Х. Г. Раковский, Н. Нарыманов, П. Мдивани, А. Бекзден, Ф. Ходжаев, Я. Янсон, А. Шляпников Т. Сапронов, Я. Рудзутак).

Февраль.

2. Забастовка железнодорожников в Германии.
— Отставка итальянского кабинета.
4. Забастовка горнорабочих в Чехо-Словакии.

7. Восстание в Северной Финляндии.
14. Убийство министра внутренних дел Финляндии Риттавуэри.
— Занятие Хабаровска народно-революционными войсками.
19. Забастовка в Мансфельдских (Германия) угольных копях.
21. Открытие пленума исполнительного комитета Коминтерна.

Март.

2. Кабинет Пониковского (Польша) подал в отставку.
12. Массовые выступления шведских рабочих в связи с безработицей. Рабочими депутациями переданы требования президиуму ригсдага и правительству. В числе требований — спешное признание русско-шведского договора и предоставление Сов. России значительного государственного кредита, который открыл бы России возможность помещения ее заказов в Швеции.
22. Массовая демонстрация рабочих в Германии.
23. Забастовка металлистов в Германии.
28. Открытие XI съезда РКП.
29. Убийство в Берлине Набокова. Ранен Миллюков.
31. Забастовка американских углекопов.

Апрель.

2. Закрытие XI съезда РКП.
3. Открытие в Берлине конференции трех Интернационалов.
10. Открытие Генуэзской конференции.
14. Забастовка сельско-хозяйственных рабочих в Австрии.
20. Демонстрация коммунистов в Берлине.
25. Убийство в Эглоне командующего войсками ирландского свободного государства.

Май.

3. Избиение рабочих в Берлине.
4. Убийство вождя эстонского пролетариата, члена ВЦИК по 4-й сессии, лидера подпольной коммунистической партии Эстонии, тов. Виктора Кингистон.
5. 10-летняя годовщина «Правды».
- Японский кабинет министров подал в отставку.
10. Забастовка металлистов в Чехо-Словакии.
- Открытие 3-й сессии ВЦИК.
15. Восстановление Бакинских нефтяных промыслов, сожженных эсерами.
16. Открытие конгресса народов Востока.
19. Конец работ Генуэзской конференции.

Июнь.

4. Торжественное открытие каширской электрической станции
6. Отставка польского кабинета.

7. Открытие Пленума Исполкома Коминтерна.
8. Начало суда над эсерами.
13. Всеобщая забастовка в Фиуме
16. Отказ Совнаркома в ратификации итальянского договора.
17. Открытие Гаагской конференции
20. Демонстрация московского пролетариата в память тов. Володарского, убитого эсерами.
24. Убийство германского министра иностранных дел Ратенау.
— Съезд французских железнодорожников постановил примкнуть к Красному Профинтерну.
26. Забастовка в Австрии железнодорожников, почтовых, телеграфных и телефонных рабочих и служащих.
28. Во Франции скончался на 77-м году жизни Жюль ГЕД.

Июль.

3. Забастовка железнодорожников в Соединенных Штатах.
9. Убийство в Бессарабии 5 амнистированных коммунистов.
18. Срыв Гаагской конференции.
20. Негласная нефтяная конференция в Гааге.
25. Демонстрация в Варшаве рабочих правых против Пилсудского.
29. Заявление японского правительства о решении эвакуировать Приморье.

Август.

1. Открытие Нижегородской ярмарки.
— В Италии объявлена всеобщая забастовка протеста против кровавых событий в Равенне.
4. Открытие всероссийской конференции РКП.
8. В Латвии казнен член латвийской коммунистической партии Арнольд Пурич.
10. Казнь в Англии ирландских республиканцев О'Сюлливан и Дэн, убивших Генри Вильсона.
11. В Берлине арестован Генрих Врандлер — член президиума Коминтерна.
13. Всеобщая забастовка в Лиссабоне
15. Забастовка в Германии сельско-хозяйственных рабочих.
17. Министерством юстиции преданы суду 32 земгальских коммуниста
19. Закрытие германской коммунистической газеты «Роте Фане» за перепечатку воззвания Коминтерна.
22. В Лейбахе (Чехо-Словакия) забастовка горнорабочих на экономической почве.
— Забастовка почтовых служащих в Испании.
23. Убийство председателя ирландского временного правительства Майкель Коллинс.
31. Занятие турками Эскишеира.

Сентябрь.

1. В Соединенных Штатах арестовано 18 участников съезда коммунистической партии.
3. Международный день коммунистической молодежи.
4. Разгром греческой армии.
— Открытие русско-японской конференции в Чань-Чуне.
5. Занятие турками Бруссы.
7. Забастовка в Польше.
8. Столкновение коммунистов с полицией в Мюнхене.
10. Занятие Смирны турками.
— Во Франции столкновение молодежи с полицией.
12. В Швеции социал-демократы и коммунисты образовали единый фронт для выборов в муниципалитеты.
15. Уход японцев из Харбина.
17. Открытие V Всероссийского съезда профсоюзов.
16. Открытие Бакинской ярмарки.
18. Заявление английского правительства о недопустимости захвата турками Константинополя.
21. Решение союзников созвать конференцию заинтересованных держав по ближневосточному вопросу без участия Сов. России.
28. Арест греческого короля Константина и вступление на престол принца Георга.
27. Отречение греческого короля Константина от престола и выход в отставку греческого кабинета министров.

Октябрь.

1. Занятие войсками ДВР гор. Николаевска.
4. Во Франции вошел в силу декрет министерства труда об удлинении 8-часового рабочего дня.
5. Открытие нового порта в Каспии, названного именем тов. Ленина.
5. Эвакуация владивостокского района.
9. Занятие частями народно-революционной армии г. Спасска.
17. Арест председателя всегерманской комиссии фабзавкомов тов. Гроте.
20. Уход Ллойд-Джорджа в отставку.
21. В Германии раскрыт заговор монархистов против канцлера Вирта.
23. Открытие 4-й сессии ВЦИК.
28. Отставка ангорского комиссара иностранных дел Юсуф Кемаль.
— Открытие русско-турецкой торговой конференции в Ангоре.
29. Отставка кабинета Факта (Италия).

Ноябрь.

13. В Польше забастовка в текстильной промышленности.
— Открытие Лозаннской конференции.
15. Кабинет Вирта вышел в отставку.
17. Отмена 8-часового рабочего дня в Италии.
18. Бегство турецкого султана.
19. Открытие II конгресса Профинтерна.
22. Забастовка горнорабочих в Северной Чехии.
23. Открытие всегерманского съезда фабзавкомов.
— Забастовка берлинских рабочих городской железной дороги.
29. В Афинах казнены 6 бывших министров.

Декабрь.

1. Восстание турок в Западной Фракии.
 2. Открытие в Москве конференции по разоружению.
 4. Торжественное открытие в Москве III Конгресса Коминтерна Молодежи.
 5. Закрытие IV Конгресса Коминтерна.
 10. Открытие в Гааге международного конгресса мира.
 12. Закрытие в Москве конференции по сокращению вооружений.
 16. Убийство польского президента Нарutowича.
 17. Празднование пятилетия учреждения ВЧК.
 22. Крупная забастовка в Швеции в лесных промыслах.
 23. Открытие X Всероссийского съезда Советов.
 30. Открытие первого съезда Союза Социалистических Советских Республик.
-

СОДЕРЖАНИЕ

1922 год.

<i>Март.</i>	<i>Стр.</i>
Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов. (Засед. 6 марта 1922 г. «Правда» № 54, 8 марта 1922).	5
Предисловие к книге И. И. Степанова «Электрификация РСФСР. в связи с переходной фазой мирового хозяйства». («Правда» № 64, 21 марта 1922 г.).	16
<i>XI съезд РКП.</i> (27 марта—2 апреля 1922 г.).	19—66
Доклад о деятельности ЦК РКП. (Заседание 27 марта 1922 г., «Одиннадцатый съезд Российской Коммунистической Партии (б.)» Стенографический отчет, изд. ЦК РКП. 1922 г.).	21
Заключительное слово по докладу ЦК РКП. (Заседание 28 марта 1922 г. «Одиннадцатый съезд Российск. Коммунистич. Партии (б.)» Стенограф. отчет; издание ЦК РКП 1922 г.).	54
<i>Апрель.</i>	
Заключительное слово перед закрытием съезда. (Заседание 2 апр. 1922 г. «Одиннадцатый съезд Российск. Коммунистической Партии (б.)» Стенографический отчет; издание ЦК РКП. 1922 г.).	65
Письмо гражданину Штейнмец. («Правда» № 85, 19 апреля 1922 г.).	67
<i>Май.</i>	
К десятилетнему юбилею «Правды». («Правда» № 98, 5 мая 1922 г.).	68
<i>Сентябрь.</i>	
Письмо V Всероссийскому съезду Профессиональных Союзов («Правда» № 210, 19 сентября 1922 г.).	71
<i>Октябрь.</i>	
«Обществу друзей Советской России в Америке». («Правда» № 240, 24 октября 1922 г.).	72
«Обществу технической помощи Советской России». («Правда» № 240, 24 октября 1922 г.)	73
Речь на IV сессии ВЦИК. (Заседание 31 октября 1922 г. «Правда» № 247, 1 ноября 1922 г.).	73

<i>Ноябрь.</i>	<i>Стр.</i>
<i>IV Конгресс Коминтерна</i> (3 ноября—3 декабря 1922 г.).	79—93
Пять лет Российской революции и перспективы мировой революции (Заседание 13 ноября 1922 г. «IV Всемирный Конгресс Коммунист. Интернационала», избр. доклады, речи и резолюции. Изд. Госиздата. 1923 г.).	81
Речь на пленуме Московского Совета Р. К. и К. Д. (Заседание 19 ноября 1922 г., «Правда» № 263, 21 ноября 1922 г.).	94
<i>Декабрь.</i>	
Несколько слов о Н.Е. Федосееве. (Написано 6 декабря 1922 г., напечатано в книге «Федосеев Н. Е.» Изд. Госиздата 1923 г.).	101
<i>1923 год.</i>	
<i>Январь.</i>	
Страничка из дневника. (Написано 2 января 1923 г., напечатано в «Правде» № 2, 4 января 1923 г.	105
О нашей революции. (По поводу записок Н. Суханова.) (Написано 16 и 17 января 1923 г., напечатано в «Правде» № 117, 30 мая 1923 г.).	109
Как нам реорганизовать Рабкрин. («Правда» № 16, 25 января 1923 г.).	112
<i>Март</i>	
Лучше меньше, да лучше. («Правда» № 49, 4 марта 1923 г.).	116
<i>Май.</i>	
О кооперации. («Правда» № 115, 26 мая 1923 г.)	129
<i>Дополнения к предшествующим томам.</i>	137—189
<i>Дополнения к тому VIII (1907 г.)</i>	
Доклад, представленный V съезду РСДРП по поводу петербургского раскола и связанного с ним партийного суда (брошюра).	139
Третья Дума. («Пролетарий» № 18, 29 октября 1907 г.).	152
<i>Дополнения к XIV тому (1917 г.)</i>	
Послесловие к статье «Задачи пролетариата в нашей революции». (Напечатано в брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции», издан. «Прибоем» в июне 1917 г.).	161
Письмо в ред. «Новой Жизни». («С.-Д.» № 106, 13 июля 1917 г.).	163
Письмо в редакцию «Пролетарское Дело». («С.-Д.» №110, 18 июля 1917 г.).	164
<i>Дополнения к XVII тому (1920 г.)</i>	
Речь на совещании политпросветов (Заседание 3 ноября 1920 г. «Бюллетень Всеросс. Совещания Политпросветов» № 1, 5 ноября 1920 г.).	166
Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. (Речь на Московской губернской партийной конференции 20 ноября 1920 г. Издана отдельной брошюрой МК РКП).	173
<i>Примечания:</i>	191—209
<i>Летопись событий.</i>	210—214

